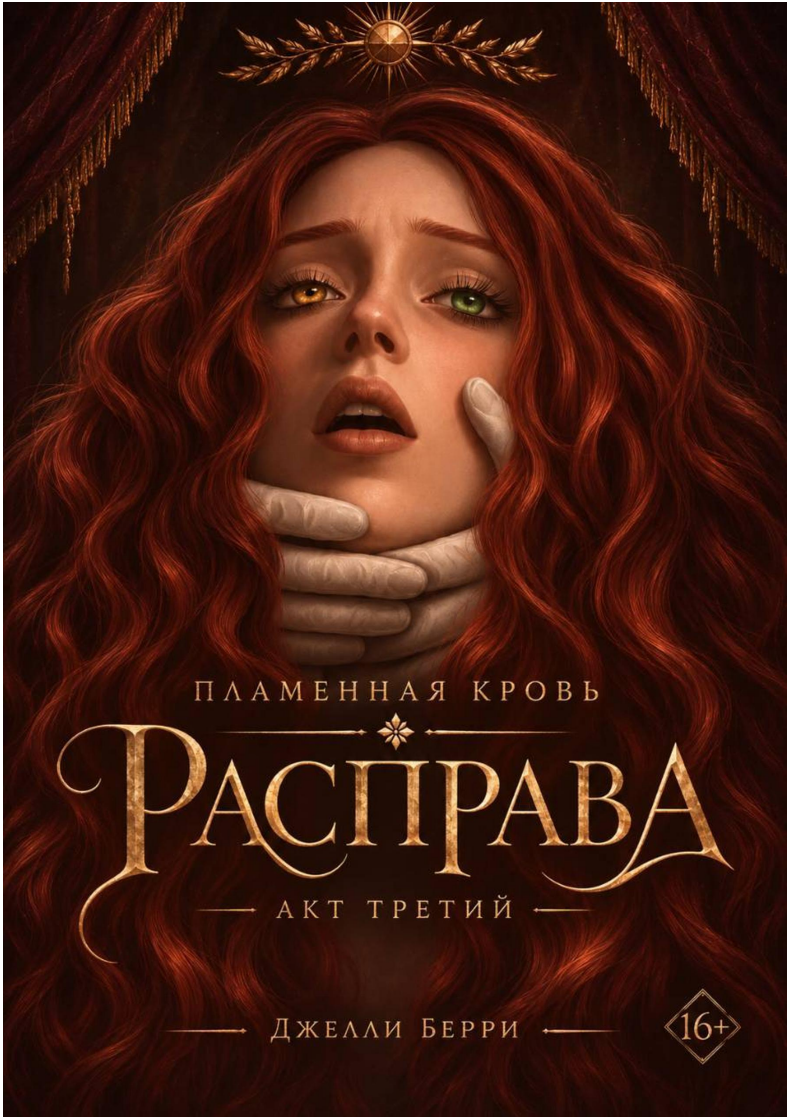

ПЛАМЕННАЯ КРОВЬ
РАСПРАВА
АКТ ТРЕТИЙ
ДЖЕЛЛИ БЕРРИ
16+

Джелли Берри

Пламенная кровь. Акт 3. Расправа

Серия «Пламенная кровь», книга 3

https://litres.ru/73761172
SelfPub; 2026

Аннотация

Третья книга цикла. Первая книга "Пламенная кровь. Акт 1. Белые плащи" - бесплатная для комфортного ознакомления с миром.

Наступает час расправы за предательства, за нарушенные клятвы и за запретную любовь. Холодная война против рабства над пламенными вышла за границы белой морали, и теперь те, кто мечтал о свободе, все чаще думают не о справедливости, а о возмездии.

Кто поплатится за свой выбор первым? Августин, забывший о чувстве долга из-за любви? Его милая Лея, едва выдерживающая борьбу с темнотой, живущей внутри нее? Может, это будет Джуллиан, верный лишь самому себе, или Лиза, посмевшая единожды ослушаться тирана-отца?

Расплата всегда приходит. Вопрос лишь в том, к кому она постучится первой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	41
Глава 3	75
Глава 4	117
Глава 5	152
Глава 6	199
Конец ознакомительного фрагмента.	206

Джелли Берри
Пламенная кровь.
Акт 3. Расправа

Глава 1

В руках мальчика покоилась недавно прочитанная книга – название тома заинтересовало его настолько, что он не побоялся выкрасть его из лавки. «Мысли Государя» стало его любимейшим произведением. Он погладил шершавую обложку и вернул книгу на полочку, мечтательно вздохнув. Книгу создали песцы, служащие королю Овэну долгие десятилетия; своим пером они оставили на пергаменте драгоценные знания, которые мальчик не мог найти в привычном быту. Его отец торговал тканями, сшитые матушкой, и, в отличие от сына, к заумной писанине был безразличен, чего уж говорить о матушке, которая вообще читать не умела. Мальчик сидел, закрывшись в своей мелкой комнатушке, куда помещалось лишь кресло, твердая кровать и столик, где он учился писать. Грамотность – осязаемый ключик к истинному влиянию и высокому статусу. Среди господ не было тех, кто не понимал, как выводить чернилами буквы. Чтобы стать им равным, он обучался грамматике

и чтению с десяти лет, пускай родители находили его дело бесполезным. Все, чем ты должен быть озабочен, Алакин – пересчетом монет, и тем, чтоб втюханная людям шерсть приносила монет побольше – так говорила его мать, когда находила его за чтением в полуденный час. Считать он умел и находить общий язык с людьми тоже, а ткани продавал с не меньшим мастерством, чем его отец. С ним он нередко странствовал по всему королевству, чтобы обслужить льном и шелком всех, у кого на то был лишний медяк. Благодаря путешествиям Алакин узнал, как общаться с северянами и как договариваться с южанами. Он зазывал их лестью и нерасторопной беседой, а те сами не замечали, как уходят от него с пустыми карманами. Куда больше ему нравилось продавать ткани вельможам – говорить с ними было и приятнее, и полезнее. Они говорили словесами, значения которых мальчик едва понимал, а потом приходил домой и записывал их, чтобы учиться разговаривать, как они. Благодаря долгим путешествиям с отцом он встречал немало людей, и все были такими разными, что он ненароком научился обращаться с каждым по-особенному. К двенадцати годам он уже сам вел отчетность по продаже ткани, и сам следил за расходом и доходом его семьи, так, что родители начали полагаться на него больше, чем на себя. Он заключал выгодные сделки и дурил головы простолюдинам, словно был из семьи шарлатанов, а не торговцев. К пятнадцати годам мальчика они смогли купить свой дом на восточном переул-

ке столицы, избавившись от служения знатному лорду. Домишка их был совсем хлипким, и одним из тех, кого мог снести оползень, и все же это было куда лучше, чем жить прислугой. К своим тринадцати годам Алакин узнал, что указом сенатора Бифая Оллинса на юге открыли школу, обучающую детей праву, религии, чистописанию и политической науке. Переломный момент в существовании Эфирита, когда выходцы незнатных семей получили возможность обучаться государственным делам, и с тех пор у Алакина появилась мечта туда попасть. Школа все еще не была доступна большинству нищих, потому как плата за знания была выше, чем они могли потянуть. Алакин с того дня отказывался от трат на еду, одежду, и обходился меньшим, чтобы накопить достаточно денег на обучение. Свои богатства он держал в мешке под кроватью, куда заглядывал перед сном, чтобы пересчитывать монеты и потешить себя грезами о знаниях, которые может подарить ему школа.

Однажды Алакин вернулся домой поздним вечером после долгого дня на ногах. С раннего утра он, как и всегда, торговал тканью на площади. С собой он принес три золотые монеты и двадцать медных – улов жирный, но большую часть он хотел закинуть в мешок, а себе оставить только десять медяков на хлеб, молоко и пшенное зерно. Но когда он нагнулся под кровать, то обнаружил, что мешка с богатствами нет, и только толстый слой пыли встретил его встревоженный взгляд. Мальчик ужаснулся: неужто ограбили?! Он

бежал вниз, к матери, чтобы рассказать о пропаже, а попутно он старался не расплакаться. Так много трудов, и все напрасно – не видать ему школы, если украденные деньги не вернуться к нему. Но мама встретила печальную весть с робкой улыбкой. Она не разделяла с сыном траура, и вовсе казалось, ей пропажа монет не сыпала соль на рану, как ему.

– Отец забрал все наши сбережения, чтобы купить кое-что, – проговорила она, не прекращая улыбаться. Женщина спокойно вязала шерстяной шарф и даже не смотрела на Алакина, у кого глаза стояли на мокром месте.

– Что такого важного стоит этих денег?! – гневался он, глотая слезы, – они нужны были мне, чтобы оплатить школу!

– Да брось ты, Алакин, – отмахнулась мать, усердно орудуя спицами, – не нужна тебе никакая школа. Ты, вон, и читать, и писать умеешь, а порой и говоришь совсем без ошибок. К чему тебе школа, если ты уже прочитал так много книг?

– Эти знания не дадут какие-то книги! – продолжал возмущаться он, вытирая щеки, – школа могла дать больше. Я же говорил вам, как сильно хочу туда попасть. Одним чтением и писанием сыт не будешь.

– Чтоб быть сытым, у тебя есть наше с отцом ремесло, и до конца наших дней оно будет нас кормить, – строже проговорила женщина, и в кое-то веки отложил спицы

в сторону, – Алакин, что еще за детские истерики ты мне устраиваешь? Тебе шестнадцать, пора бы уже о женитьбе задуматься, а не ходить и о школах всяких плакаться.

Обида, растущая в душе юноши, росла с каждым словом матери. Он боялся, что задетые чувства возьмут над ним верх, и он случайно покалечит женщину спицей, лежащей рядом с ней на кресле. Он стоял, опустив голову, и тихо всхлипывал, до тех пор, пока отец не появился на пороге дома. Отец был худощав, невысок, а лицо у него напоминало козью морду. Из-за спины мужчины показалась рыжая голова, и тогда юноша начал понимать, на что ушло сбереженное им золото.

– Ты привел его? – ахнула мать, хлопая в ладоши, – давай, Дилан, покажи нам мальчишку!

Алакин стоял, не моргая и не вздыхая, пока отец, улыбаясь, презентовал купленного на все сбережения Пламенного юнца. Рыжий показался со связанными руками, конец веревки отец зажимал в своей ладони. Его золотые глаза он запомнил на всю жизнь; этот трусливый взгляд, опущенный в пол, он рисовал в своих мыслях ни одну бессонную ночь. Пламенный трясся, пока отец весело рассказывал о том, как вымолил его у лорда на последние деньги.

– Теперь нам никакой недуг не страшен, здорово же, Алакин? – хихикала мать, рассматривая Пламенного, как дикую зверушку. Его рыжие сальные патлы струились до плеч, а над губой проглядывали рыжие усики. Видом он

старше Алакина на пять лет, но говорить не умел – вякал, как овца, а на вопросы пугливо дергался и отворачивался.

– Вы знаете, что за Пламенного нужно платить налог каждые тридцать дней? – отрешенно прошептал юноша, присев на кресло напротив матери.

– Знаем, но оно того стоит, – улыбался отец, хватая Пламенного за щечку, – хоть не умрем от лихорадки, как наши соседи.

– Лихорадку и без дара лечить можно, – проговорил Алакин в свои ладони. Он спрятал в них лицо, чтобы не взреветь от отчаяния.

– Да конечно, – фыркнула мать, – попробуй излечись от нее. Пока с этой хворью борешься, ненароком помрешь.

– Мы будем платить за Пламенного, поэтому придется отказаться от излишеств, – пожал плечами отец, – лучше не есть мясо и зимой мерзнуть, но зато знать, что теперь твоей жизни ничто не угрожает.

Алакин не стал спорить с родителями – понимал, что его попытки образумить их бессмысленны. Говорить с глупыми людьми, то же самое, что со стеной, и тогда юноша понял, что глупых людей ему стоит обходить стороной. От них никакой выгоды и лишь одни потери. В тот вечер он осознал, что школа ему не светит – теперь все доходы от их ремесла будут покрывать только жизнь Пламенного в их доме. В таких суровых условиях ему попросту нечего откладывать.

Следующим днем он поплелся в Солнечную церковь вместо

торговой площади. Единственный друг Алакина, с кем он был честным и бескорыстным – старый Солнечный жрец. С ним он говорил часами, о том и о сем, и пускай пользы от такой дружбы мало, но старик хотя бы обладал нужной Алакину мудростью. В церкви мальчик никогда не молился и вовсе верил в Бога без того старания, с каким в него верили набожные люди вроде его родителей. Он знал, что сам Солнечный Бог ему не рад, поскольку о золоте юноша думал чаще, чем о совести. Жрец его за это не ругал и праведные мысли ему не навязывал; единственное, что старик повторял много раз, это слова о грешной природе Пламенных. Его мнение никто не разделял, а то и вовсе пороли его кнутом, если слышали, как он высказывается против Пламенного дара, и только Алакин слушал его без осуждения. Он не внимал его слова, как божий закон, и не относился к ним с серьезностью: для него нелюбовь жреца к одаренным была сравнима со стариковским бестолковым ворчанием. Но сейчас, казалось, только жрец мог его понять. Ведь Алакин пришел к нему, чтобы рассказать, как Пламенный мальчишка своим появлением разрушил его грезы на счастливую жизнь

– Я говорил тебе, Алакин, что добра от Пламенных ждать не стоит, – качал тот седовласой головой. В Солнечной церкви безлюдно и тихо – такое случалось редко. Они сидели на скамье, любуясь безликой фигурой Солнечного Бога на цветастой фреске, едва различимой в полумраке.

– Я просто не думал, что однажды столкнусь с этой ис-

тиной воочию, – понуро ответил юноша, краем глаза замечая, как жрец утирает лоб золотистым рукавом рясы.

– Пламенные несут в мир столько соблазнов, что люди невольно теряют от них голову. Вина здесь на каждом – и на тех, кто порождает Пламенных на свет, и на самих Пламенных. Людям стоит отказаться от их дара, чтобы незамедлительно выйти к свету.

– Но как от него отказаться? Ведь жизнь в здравии без боли, это то, о чем мечтает каждый, даже самый просветленный человек…

– Если в человеке нет воли к тому, чтобы бороться с соблазном, этот соблазн нужно пресечь, – стальным гласом ответил жрец, и Алакин покрылся крупным мурашками.

– Как это, пресечь?..

– От всякого порока нужно избавляться. В том числе и от тех, кто рожден с золотыми глазами, ведь они есть суть порока. Если не давать им жизни, можно искупить грехи перед Солнечным Богом.

– Да разве у них есть жизнь?, – хмыкнул Алакин, – живут хуже, чем рабы. В полном безволии. Такое и врагу не пожелаешь.

– Поддержка дьявола сильна настолько, что его слуги добираются до людей даже не имея свободы. Ты видел сам, как они проникают в жизнь. Нежданно и негаданно. Остановить это может только смерть – неминуемая и необратимая.

– Разве убийство – не самый страшный грех? – ахнул Алакин, и жрец кивнул, почесывая густую серую бородку.

– Убийство – само по себе ужасное преступление, ведь своей рукой вы решаете судьбу человека вместо Солнечного Бога, – тяжелый взгляд старика упал на Алакина, и ему от него стало не по себе, – но убийство, свершенное во благо, нельзя порицать. Убить приспешника дьявола не то же самое, что убить невинного. Скажи мне, Алакин, разве Пламенные невинны?

– Не знаю… Они же лечат людей, – неуверенно промямлил юноша, разглядывая носы ботинок.

– Даровать мимолетное успокоение еще не значит исцелить полностью. Полное исцеление – это боль, и только переживая боль мы по-настоящему исцеляемся. Но Пламенные не дают нам этого. Пламенные гасят наше стремление к свету своим мимолетным успокоением. Их дар – такое же вмешательство в судьбу человека, как и убийство. Ведь забрать жизнь человека вмешательство не меньшее, чем дать ее ему.

– Мимолетное исцеление – это порок?

– Это порок такой же, как пьянство. Пьянство дает мимолетное исцеление нашей болеющей душе. Похоть дает мимолетное успокоение, и она тоже порок. Не зная боли, человек не сможет стремиться к свету. Не зная боли, человек не сможет осознать силу своей воли. И Пламенные хотят, чтобы мы оставались слабыми и уязвимы без их дара. Так

скажи мне, Алакин, кем являются Пламенные?

– Пламенные – слуги дьявола, – прошептал юноша медленно, поглядывая на жреца искоса.

– Скажи мне, Алакин, невинны ли Пламенные?

– Нет, совсем нет. Они не невинны.

– Правильно, мальчик мой, – кивнул старик, шумно вздыхая, – Пламенному удалось затуманить рассудок твоих родителей, но ты… Ты не поддавайся тьме, как бы не был сладок ее глас. Не позволяй ее объятиям и мимолетным успокоениям одурманить тебя.

– Не позволю, – сглотнув ответил Алакин, – Пламенный смог убедить моих родителей в том, что его жизнь стоит дороже моей. Он обманул их. И я уверен, они не первые его жертвы, – юноша сжал ладонь в кулак, опуская голову, – и я сделаю все, что в моих силах, чтобы остановить Пламенное зло.

Через месяц Алакин, в тайне от своих родителей, продал Пламенного в рабство зажиточным купцам и получил за это золота больше, чем отдал его отец. Родители выгнали Алакина из дома, но он и сам хотел уйти. Он забрал вырученные деньги и отправился в школу, куда грезил попасть последние года. Там он встретил свою будущую жену и влюбился в нее до беспамятства, и тогда его вера окрепла еще больше. Впредь он будет оберегать от Пламенного зла ни только королевство, но и свою семью, и никто не сможет его остановить.

АКТ ТРЕТИЙ
РАСПРАВА

Они направили к южным гаванями три тысячи солдат, которым предстоял долгий путь через незримые дали Бесславного моря. Лорды Тольфута уже снабжают корабли припасами, капитанами и матросами, катапультами и требушетами. Сенаторов собрали в совещательном зале, чтобы ответить на всех их вопросы, а вопросов было невесть как много – допустим, почему Георг решил вступить в войну, не посоветовавшись с Сенатом. Даже Овэн Победоносец таким безрассудством не славился, хоть воевать любил сильнее, чем править. Покойный король удосуживался заранее предупреждать Сенат, прежде чем нестись сломя голову на поле боя – а живой король не мог ни первого, ни второго.

– Первые флотилии выступят со дня на день, —заявил Алакин, встав возле окна. За большим столом восседал король и пятеро сенаторов, что упрямо не выказывали солидарности со всем происходящем на юге. На собрании помимо них присутствовал генерал Фросс и предводитель Избирателей Галлион, чей приход вовсе был сюрпризом.

– Сколько кораблей выделит Тольфут и Селледо? – поинтересовался король, который, в отличии от своего деда, на передовую не спешил.

– Для первого заплыва пятьдесят. Со временем на воду

станет еще пятьдесят суден, которые повезут воинов с востока и севера, – ответил Алакин, и король кивнул. Правящий Сенат молча моргал, не в силах выразить своего недоумения.

– Советую вам не отправлять солдат со всего королевства первым же днем, —добавил Фросс, презренно посматривая на Аглаю; весь тот час, что они провели на совещании, он смотрел только на нее. Также поступала и Тиана. Ее подозрения насчет недобросовестности старшей сестры прочно держались в голове со дня мятежа, – для начала мы вполне можем обойтись южным и столичным войском. Следом отправим воинов из Аванхолла и Восхода. Я уже направил лордам этих городов указы о сборе армии.

– Будем полагаться на ваш опыт и ум, генерал Фросс, – улыбнулся Алакин, – стоит отметить, что кораблей получилось в итоге больше, чем мы себе представляли. Милорд Велливуд постарался на славу, храни его солнце.

– В этом мы должны благодарить не милорда, а вас, советник, – робко улыбнулся Георг, – это ведь вы распоряжались казной, и как никто другой грамотно распределили средства короны перед войной.

– Советник повысил подати на севере почти в полтора раза, – недовольно проговорил Баул Хорват, – и вы считаете, что это грамотное решение, мой король? Подати душат север последние двадцать лет после долгой войны с Мратом. Многие пограничные города и деревни вовсе еще не отстроены до конца из-за высокой платы.

Ну конечно, Баул Хорват, как всегда, торопится обругать каждый мой шаг, ехидно ухмыляется Алакин в своих мыслях. С того-то и началась их негласная вражда; сенатор вечно норовил вставить свою слово против тех решений, к которым призывал Алакин. Его враждебность крылась в жестокой критике, которую советник до тошноты не любил, и которую был вынужден терпеть вот уже больше двадцати лет.

– Война требует жертв, сенатор Хорват, и я удивлен, как вы этого не понимаете, – откликнулся Алакин, но в лице сенатора не изменилось ничего; презренный укор все еще зиял в светло-голубых глазах.

– Север обеднеет также сильно, как восток, – процедил Баул, но король его не слышал – восхищенными глазками смотрел на Алакина, как влюбленная девица смотрит на благородного рыцаря. Как, порой, личные симпатии мешают делу, думала про себя Аглая, но ничем не выдавала своих мыслей.

– Север не может обеднеть, пока он так богат рудой. С каждым вашим словом я начинаю все больше сомневаться в ваших способностях, сенатор Хорват, – скалился Алакин. Аглая легонько пнула Баула под столом, молча призывая его замолкнуть.

– И все же, ваше величество, – заскрипел Уолтер, приковывая к себе внимание, – вы не делились с Правящим Сенатом о намерении вступить в войну с Роксинбургом.

– Не делился. И что с того? – буркнул Геогр, но не нашел в

себе смелости посмотреть на старика. Уолтер запыхтел, пытаясь собрать слова в кучу.

– К-как это, что? – непонимающе заговорил тот, – решения о ведении военных дел согласовывались с Правящем Сенатом с момента его появления!

– А вы имеете что-то против решения короля, сенатор Уолтер? – сузив веки прошипел советник, и Уолтер заметно просел в своей настойчивости.

– Я не имею права осуждать решения короля, но хочу напомнить, что мы однажды уже потеряли второй берег Бесславного моря из-за слабого флота. Эфирит не занимался вопросом кораблей с нужной внимательностью, и это всегда приводило к поражениям. Не думаю, что ситуация сильно переменилась. У Роксинбурга есть не только сотня боевых кораблей, но и умные адмиралы, а он у нас полный раздор среди морских офицеров, и даже одного адмирала нет. Как сенатор, я смею заявить, что и в этой войне мы можем потерпеть неудачу, только в этот раз мы потеряем Селледо.

– Вы же слышали, что кораблей настроили много, сенатор, – отмахнулся Георг, – почем тогда переживать?

– Не все решается количеством. Иногда важнее качество, – робко настаивал на своем Уолтер, – а качество, как доводилось мне слышать, хромает.

– Генерал Фросс, успокойте сенатора Уолтера, чтобы он впредь не переживал насчет правильности решения о войне, – устало произнес Алакин, которого упрямство старика уже

не столько раздражало, сколько утомляло.

– Я уже много раз говорил, что корабли нужны для преодоления морского пути. Чем быстрее воины осадят крепости на суше, тем лучше. В суднах я мыслю не так хорошо, но за свою армию я ручаюсь головой, – высказался генерал, прозвучав так твердо и неотступно, что Уолтер в миг передумал лезть с ним в спор, – мои солдаты возьмут крепости без лишних усилий. В этом им поможет уязвимость Роксинбурга. До меня дошла весть, что змеиное королевство воюет со своим соседом, с государством Пяти Пустынь. Поэтому я настоял, чтобы война началась незамедлительно, пока враг занят с другим врагом. Я не принимаю опрометчивых решений.

– Но что дальше? Сможем ли мы удержать другой берег, если и повезет его захватить? – поинтересовался Обер Оллинс, поглаживая круглый живот, – как нам сохранить отвоеванные крепости, стелющиеся за морем?

– Укрепить гарнизон. Развивать верфи. Сослать туда постоянную армию, —перечислял Фросс, – рецепт успеха прост, если браться за дело с совестью, а ни как наши предки столетием назад.

– Что же, не будем ругать наших достопочтенных предков, – посмеялся Алакин, хлопнув в ладоши, – а лучше подведем итоги. Война началась и вскоре первые флотилии очистят морской путь от врага. Нужно собирать вторую флотилию, которая с меньшими проблемами доберется до крепо-

стей. Вопросы, надеюсь, ни у кого не остались? – Правящий Сенат молчал, прикусив языки. Завидев покорную тишину, Алакин довольно улыбнулся и предложил королю Георгу отпустить всех, кроме Галлиона. Король, как и всегда, послушался его совета. То, что они оставили лишь предводителя, не могло не вызвать подозрений; и когда Баул Хорват покидал зал, он смотрел в затылок Галлиона и пытался предсказать сам себе, что услышат его уши.

Дверь хлопнула, и король выдохнул полной грудью. Ему было тяжело выстоять шквал молчаливого негодование своих поданных. Он чувствовал их осуждение, и оно не могло не пугать его. Галлион, в отличии от остальных, особо не вникал в разговоры о войне – эта тема его совсем не касалась. Его заботы крутились возле Избирателей, которые с момента своего появления никогда не воевали. Белая форма освобождала от войны; многим это было даже на руку. Всяко приятнее носиться за одаренными, нежели за вооруженными солдатами.

– Предводитель Галлион, вы помните, что делают с Пламенными в период войны? – начал советник, и предводитель кивнул.

– Я уже разослал гонцов по знатным дворам с требованием направить Пламенных на фронт. Пятеро одаренных уже в пути к Тольфуту вместе с войском.

– Славно, – Алакин присел напротив предводителя, сверкая недобрыми синими глазками, – и вы помните, что будет с

Пламенными, как только мы достигнем ощутимого перевеса сил в войне?

– Помню, советник, – предводитель Избирателей был один из первых, кто прознал о желании короля истреблять одаренных. Он знал, почему показывали кукольные театры, как и то, чем впредь будут заниматься Избиратели. Отныне ловля Племенных сменится их убийством, и Галлион был одним из немногих, кто одобрял это решение. Не потому, что он пытал ту же ненависть, что король и советник – он просто не видел смысла им противиться. Ему плевать, что делать с рыжими юнцами, доставлять их на ковер или лишать жизни. Он был готов выполнить любой приказ, если тому благоволила воля короля. Единственное, что ему оставалось непонятным, это судьба Пламенного по имени Кай. Если вы несете одаренным смерть, то справедливости ради, несите ее всем без исключения. Но Кай был исключением, и более того, Галлион ни раз видел, как тот слонялся по дворцу с той же свободой, что и нормальные люди. И, судя по всему, с каждым днем этой свободы у него будет все больше.

– Я сообщу вам, когда начнется подготовка к истреблению Пламенного зла. Также, важно помнить, что Избиратели должны будут дать новые клятвы, – заметил Алакин, направляясь обратно к окну. Он сложил руки за спиной и тихо ликовал тому, как гладко складываются его планы.

– Буду ждать вашего приказа, советник.

– И, да, предводитель Галлион, – вовремя опомнившись

говорит Алакин, поворачиваясь к нему лицом, – во время мятежа мы потеряли многих Избирателей. Вам следует вновь набрать людей.

– Разумеется. Уже приступил, – ответил он и взволновался, вспомнив о смерти Кроувеля Хайта. Он потерял лидера отряда, а такие потери всегда казались ему немыслимыми.

– И наберите кого-то подостойнее, – фыркнул Алакин с пренебрежением, – те новобранцы были до смешного слабы, раз уж погибли так скоро. Слабым в рядах Избирателей не место.

– Ваша правда, советник, – сквозь сжатые зубы ответил Галлион и покинул совещательный зал.

Король Георг уткнулся лицом в ладонь и тяжко вздохнул. Слишком много бед свалилось на его плечи, и даже если беды заканчивались, обязательно появлялись новые. Не прошло и года его правления, а он уже познал горечь королевского долга. Только они разобрались с бунтами из-за кукольных театров, как вдруг вспыхнул мятеж; только разобрались с мятежом, как вдруг началась война. И стоит войне дойти до переломного момента, как им надо будет переходить к уничтожению Пламенных, которых большинство лордов все еще ценило, и жизни своей без их дара они не представляли. К тому же, его жена, королева Хелена, последние дни была к нему холодна. Словно все в этом мире настроены против него, и только верный друг Алакин был на его стороне.

– Я устал, – сказал Георг тихо, – я очень устал.

Алакин покинул короля, как только успокоил своей уверенностью в светлое будущее его правления. Он обещал, что люди будут восхвалять его, когда он принесет победу в войне с Роксинбургом, и когда он освободит их от Пламенного зла. Он войдет в историю, как Георг Могучий, и даже превзойдет в величии своего деда. Сейчас советник неторопливо и почти вприпрыжку шел к своему кабинету. Настроение у него приподнятое, давно он не чувствовал себя так же превосходно, как сегодня. Он уже сворачивал к лестнице в свою башню, но резко замер, заметив у ступеней Джуллиана. Тот, сложив руки на груди, смотрел в окно, ожидая прихода советника.

– Советник Алакин! – воскликнул он, налетая на мужчину с объятиями, – или мне лучше называть вас «папа»?

– Что ты себе позволяешь, Джуллиан?! – запыхтел тот, выбираясь из наглых рук Избирателя, – почему ты не можешь вести себя подобающе?!

– Я вел себя более, чем хорошо, советник, разве нет? – продолжал лыбиться во все зубы тот, – все делал так, как вы скажете, и ничуть не перечил. Следил за Хорватами, был прилежным Избирателем, женился на вашей дочери, и даже внука вам заделал. И как только я все успеваю?

– Ты явился сюда, чтобы я похвалил тебя? – непонимающе спросил Алакин, поправляя камзол, – тебе, что, любви Евы не хватает, раз ты за моей пришел?

– Ох, похвалы и любви мне хватает, – отмахнулся Джул-

лиан, хихикнув, – к вам меня привел дивный звон колоколов этим утром. Война началась, а я все еще стою перед вами в белой форме. Странно, вам не кажется?

– А ты хотел первым же кораблем уплыть за море?

– Был, во всяком случае, не против. Вы же не собираетесь медлить с моей переправкой в армию?

– А к чему спешить? Ты верно вспомнил о том, что Ева беременна. Побудь с ней, увидь первенца своими глазами, а после шуруй, куда глаза глядят, хоть на войну, хоть прямиком в ад.

– Я не совсем понимаю вас, советник, – улыбка спала с лица Джуллиана, и взгляд его похолодел, – на что вы намекаете?

– Женевьева огорчится, если ты оставишь ее. Тем более, с войны ты можешь не вернуться. Разве ты хочешь умереть, так и не увидев своего ребенка? – Алакин ухмыльнулся. Он знал, что Галлион не захочет отпускать своего приемника, и потому не спешил отправлять его на фронт. Но то, как Алакин давал заднюю, злило Джуллиана; он боялся, что белый плащ останется висеть за его спиной до скончания времен.

– Не надо помыкать моим ребенком, – стиснув зубы цедит парень, – и Ева, будучи под вашей опекой, прекрасно обойдется без меня.

– Ох, Джуллиан, у меня голова полна других забот. Давай обсудим это позже, – притворившись утомленным лепечет Алакин, обходя его стороной. Ярость овладела Джуллианом,

и он, не сдержав порыва, схватил тестя за воротник и прижал к стене. Советник таращится на него в смятении, не ожидав подобной вольности, и замирает, когда темнеющее зеленые очи впиваются в его лицо.

– Не нужно играться со мной, Алакин, – едва не рыча говорит Джуллиан и сильнее вжимает того в камень, словно намереваясь расплющить, – я жду обещанное войско и посвящение в рыцари, а если я этого не получу, то одному Богу известно, на что я пойду.

– Это угроза? – произнес Алакин ледяным тоном, и тем не менее, у него не получилось усмирить пыл Джуллиана.

– Самая настоящая.

– Ты совсем ума лишился, угрожать советнику короля посреди бело дня? – Алакин не первый раз пожалел о том, что взрастил Джуллиана таким своенравным и раскрепощенным.

– Я готов и на более страшные вещи, если не получу того, что по праву мне принадлежит, – рука сжималась на воротнике, и Алакин боялся, что она скользнет выше на шею. Джуллиан казался таким взбешенным, что и правда мог ненароком его убить, а Кая поблизости не было, чтоб не дать тому случиться.

– Ладно, – бросил Алакин, – убери свои руки. Будет тебе войско и доспехи. Я сообщу Галлиону о том, что ты покинешь отряд.

– Так бы сразу, – фальшиво улыбнулся Джуллиан, делая

шаг назад. Алакин нервно поправлял смятый воротник, поглядывая на парня с раздражением.

– Ты-то точно пригодишься армии с таким умением решать вопросы, – недовольно пробурчал советник, – хотя вы, Избиратели, по-другому и не умеете.

– Сочту за комплимент.

***

Мы с Августином решили отблагодарить Лизу лично за то, что она прислала Пламенного мне на подмогу. Без ее помощи я бы не пережила тот день. Ради меня она рискнула многим, позволив Пламенному покинуть стены своей каморки. Но заявляться на ее земле – опасная затея, поскольку земля принадлежала генералу Фроссу, что не славился гостеприимством, особенно к тем, кто навещает его дочь. Август уверил меня в том, что генерал будет во дворце, ведь этот день начался с тревожной вести – наступила война, а значит генералу есть, чем знаться, и куковать на диване гостиной он не станет.

Моя Искра была убита рукой Кая, поэтому в путь я отправилась по старинке верхом на Рейджи, прижавшись к спине Августа. Наверное, не будь я так морально истощена, я бы до сих пор оплакивала смерть своей кобылки. Но после пары дней в плену у брата и разгрома войска Дарлина мне ка-

залось, что я разучилась плакать. Мое сердце верно, но медленно каменело, хоть это и было ожидаемо. Вражда с Алакином постепенно превращала меня в то чудовище, что уже зрело и росло в моей душе.

Я думала, что во мне не осталось сил на слезы, но, когда я увидела привязанный к столбу труп Дарлина вблизи изваяния Солнечного Бога, слезы сами потекли по щекам. Уже четыре дня он висит напоказ, собирая над своей пробитой головой стаю мух. Его плоть посинела и размякла под палящим солнцем, теперь она источала отвратительный смрад. Августин, как назло, остановил коня, чтобы рассмотреть тело, пока я желала как можно скорее ехать дальше. Я уперлась лбом в его плечи, лишь бы не видеть торчащие из черепа мозги и отвисшую к земле челюсть. Люди до сих пор громко ахали, когда проходили мимо него; одни плевались, приговаривая, что изменник заслужил свою судьбу, другие смотрели жалостливо. Ругательства, какими его осыпал преданный Алакину народ, задевали лично меня, и мне хотелось испепелить каждого, кто позволяет себе порочить честь Дарлина.

– Август, молю… Давай двигаться дальше.

– Да. Так будет лучше, – мы поскакали вперед, но ужас не закончился. Меж домов вблизи площади было порядком три шпиля с головами мятежников, и каждую из их голов я встречала с подступающим к горлу комом.

Потом нам показалась толпа крестьян, неторопливо шурующая одной длинной колонной на запад. Женщины, ста-

рики, мужчины и дети тащили повозки с едой, одеждой, посудой и прочей домашней утварью. На их плечах лежали увесистые мешки и бочки. Я насчитала больше ста человек, но уверена, их число переваливало за все двести. Женщины держали младенцев на руках, те, у кого дети могли ходить пешком, тащили тяжести. Августин снова остановился, чтобы поинтересоваться у старика, откуда и куда направляются люди.

– Так ведь южные трущобы сносят, война началась, – почесав висок прохрипел старик, сморщенный и коричневый, как изюм.

– Вас лишили домов? – спросила я, и старик резво закивал.

– Всех, кто жили вблизи берегов, лишили домов. Теперь их снесут и будут ограду строить. Чтоб врагу по кочерыжке надавать, коль сможет к берегу столицы приплыть.

– И куда вас переселяют? – хмуро поинтересовался Август, и старик махнул рукой на запад.

–Господин Баул Хорват, поговаривают, вступился за нас. Говорит, на его ферме нужны сильные руки. Я хоть всю жизнь тяжелее удочки вещей не держал, но думаю, и с косой справлюсь.

– Очень щедро с его стороны, – стараясь улыбнуться сказала я, – а вы сами не против служить ему?

– Да нам поди какая разница, кому служить, – вклинилась в разговор пухлая женщина, растягивая почти беззубый рот

в улыбке, – говорят, там и кров дадут, и еду, разницы не почувствуем толком.

– Вместо бирюзового залива на золотые колосья смотреть разве что будем. – отозвался молодой парень, и потом беседа окончилась.

Мы тоже ехали западнее, туда, где стояло поместье Фросса. Мне эта дорога была незнакома, но Август вел уверенно. Здесь в разброс шли мелкие глиняные домишки тех крестьян, кто служил генералу, а вскоре показалась малахитовая громадина – дом Лизы. Вокруг удивительно чисто, не видно не сорняков, не навоза, не любых других прелестей, что можно встретить у загородного поместья. А еще было тихо – подобную тишину я замечала разве что в Черном лесу. Ни садов, ни аллей, ни прочей живости возле дома Фросса не было, и только просторное пастбище для лошадей мелькало за оградой.

Лиза встретила нас с удивлением. Осмотрела так, будто впервые видит.

– Что, не хотела принимать гостей? – усмехнулся Август, когда она вышла к нам.

– Нет, наоборот. Я только что отправила гонца к вам с приглашением, а вы уже очутились на пороге.

– Ты хотела видеть нас? – спросила я, и Лиза резво закивала.

– Вас и Роланда. Он скоро будет, – мы с Августом непо-

нимающе переглянулись, а после девушка повела нас в свой дом. На улице было гораздо теплее, чем в ее поместье. Тут от малахитового камня исходила такая прохлада, словно в поместье генерала вечная зима. Его дом был лишен картин, цветов, и, если уж говорить прямо, какой-либо радости: зеленые стены выглядели уныло, мебель можно посчитать по пальцам, зато потолки такие высокие, что массивные люстры казались мелкими канделябрами. Лиза решила далеко не ходить и приземлила нас на диван, что в гордом одиночестве стоял на первом этаже в компании только одного потухшего камина.

– Мы хотели выразить благодарность за помощь. Ты прислала Пламенного, пускай это и было опасно. Без него я бы умерла в тот день, – сказала я, но Лиза отмахнулась от моих слов, будто ее подвиг был сущим пустяком.

– Это был день мятежа, и мой отец находился во дворце. Роланд, одетый в белую форму, пришел за Пламенным, а Избирателю никто перечить не стал.

– И все же ты нас сильно выручила, поэтому спасибо тебе, – робко улыбнулся Августин, и Лиза перестала отпираться. Она осмотрела меня и громко хмыкнула.

– Выглядишь на странность нормально. Каково тебе после плена?

– Паршиво, – кратко ответила я, и та ухмыльнулась.

– Лея была в плену у своего брата. У Пламенного по имени Кай, – дополнил Август. Я видела, как напрягся его кулак.

– Вот как, – вздернула бровь Лиза, и лишь на секунду глубоко задумалась. Наверное, о том, что мы обе пытаемся бороться против своей семьи. У меня больше нет родителей и других братьев, как и у Лизы. Те, кто были последними родными плечами, стали суровыми врагами, – я запомнила Кая с того вечера, как мы похищали его из поселения, где вы жили. С виду он такой хрупкий и слабый, что аж злость берет. Просто нюня. Размазня. И все же он смог схватить тебя.

– Мой брат оказался опаснее, чем кажется на первый взгляд. Он достиг странного дара, который не позволяет ему умереть.

– О чем ты?

– Он может выжить, даже если спалить его дотла или ранить сердце, – ответила я, сглотнув, и Августин снова дополнил:

– И он может делиться этим даром с другими. Защищать их.

– Не знаю, вряд ли он переживет отсечение своей башки, – усмехнулась Лиза, и несмотря на то, что ее слова были шуткой, они заставили нас с Августом задуматься. И правда, он ведь не может отрастить конечности, и если ему отрубить голову, брат мало, что сможет сделать.

Мы ждали Роланда, пускай время близилось к закату. Я переживала, что генерал Фросс наведается в поместье раньше юноши, а Лиза убеждала меня в том, что отец не вернется к следующему утру. Война началась, и поэтому его домом

станут стены Верховного Военного Совета, до тех пор, пока он сам не отправится в гущу сражений. Лиза бегло проговорила, что в ней живет надежда – надежда, что ее отец встретит свою смерть на море, пускай она и хотела убить его сама.

– Все изменилось, – пожала плечами та, когда Август решил зацепиться за ее размышления о смерти генерала, – раньше я и правда хотела убить его своей рукой. Но только из-за желания доказать ему, что я его превзошла. Сейчас мне плевать, и желания чего-то доказывать у меня нет. Будет славно, если он просто сдохнет.

– Сурово, – ответил ей тогда Август, но Лиза лишь хмыкнула, не собираясь оправдываться.

Роланд подоспел раньше прихода сумерек. Когда он зашел в поместье, то улыбнулся, смотря на Лизу, но стоило ему перевести взгляд на Августа, как вдруг улыбка бесследно исчезла с его миловидного лица.

– Этого психа держите от меня подальше, – вытянув палец в сторону парня заявил Роланд, и брови девушки вскочили на лоб.

– Ну прости, что угрожал тебе кинжалом, – устало выдохнул Август, и Роланд выпучил на него глаза.

– «Ну прости»?! – пискнул он, и Хорват цокнул, – Август, ты не подножку мне поставил, а кинжал к горлу!

– Я думал, что ты шпион Джуллиана, и вообще-то, мои домыслы имели место быть.

– Мне кто-нибудь объяснит, что происходит? – вмешалась

Лиза.

– Ничего такого, Роланд просто драматизирует, – выставив ладонь заявил Август, и русоголовый вскипел от негодования.

– Просто драматизирую?! Лея, поведай Лизе, как Август хотел нашинковать меня моим же кинжалом! – Лиза перевела допытанный взгляд на меня, надеясь, что я проясню устроенный балаган.

– Ну… Джуллиан оказался союзником Алакина, поэтому Августин подозревал, что Роланд им помогает, – я продолжала неловко улыбаться, хотя неловко тут должно быть только Августину.

– Почему я не удивлена, что этот урод служит Алакину? – фыркнула девушка, складывая руки на груди, – я говорила тебе, Август, еще восемь лет назад, что с белокурым придурком лучше не связываться?

– Я дружил с ним с тринадцати лет, так что совет был неуместным, – Лиза закатила глаза, услышав ответ Августа, и повернулась к Роланду, чтобы потрепать его завитушки.

– Ты точно не служишь Джуллиану, Роланд? – обратилась она к нему с улыбкой, зажимая его голову в локте, и парень громче завозмущался.

– Да вы сговорились все, что-ли? – прокряхтел он, пытаясь выбраться из ее хватки, пока Лиза смеялась во все горло.

Августин подошел к другу и протянул ладонь для рукопожатия, желая оставить все обиды в прошлом. Тот, конечно,

продолжал дуться, но все же крепко пожал ему руку, и Август извинился повторно, чтобы Роланд не считал его психом и впредь. А когда все неурядицы разрешились, Лиза пригласила нас на диван, чтобы поведать о причине, по которой собрала нас всех вместе.

– Может вы и так догадывались, что это случится, но я подумала о том, что лучше будет, если я сообщу лично, – она замялась, заламывая и хрустя пальцами, и все еще не знала, как лучше преподнести вести, – в общем…ох…

– Лиза, не пугай так, – выпалила я, заметив, как ее лицо становится все более растерянным.

– Ничего страшного не произошло, – она закусила губу, – я просто… отправлюсь на войну.

– Что? – хором выкрикнули мы, но голос Роланда раздался громче всех. Лиза пожала плечами, не поднимая на нас глаз.

– Ничего удивительного, я же дочь генерала, – она пыталась говорить спокойно, но ее голос ощутимо дрожал.

– Лиза, это очень… неожиданно, – первым ответил Августин, но найти лучших слов не смог. Я была не лучше: смотрела, открыв рот, и глупо хлопала ресницами.

– Ты ведь Избиратель… Избиратели не имеют права покидать пост, – прошептал Роланд, и Лиза развела руки в стороны.

– Ну, теперь имеют.

– Для тебя это все шутки? – спросил тот, резво моргая, –

ты же совсем ничего не знаешь о войне!

– А что там знать? – хмыкнула Лиза, – все то же самое, чем мы с вами, ребята, занимаемся последние восемь лет. Махать мечами и убивать. Дураку и то понятно будет.

– Но ты же женщина, – непонимающе произнес Августин, и было видно, как ему горько от этой вести, – толку-то от вас на войне?

– Спасибо за поддержку, Августин, – с очевидным сарказмом ответила ему Лиза, – я не просто женщина, я дочь генерала, носящая белый плащ почти всю осознанную жизнь. Для меня мало что изменится.

– Твой отец понимает, что ты единственная, кто может продолжить его род? – вновь задал вопрос Август, и мне было странно услышать это от него. Сам он не торопился продолжать род своего отца, и почему он задумался над этим сейчас, непонятно.

– Это последнее, что хочет получить от меня отец, – злобно ответила та, – у меня есть кузены по линии отца. Тоже офицеры, так что фамилия забыта не будет. Меня он в роли матери никогда не видел и семейного счастья мне не желал.

– А ты? Чего хочешь ты? – аккуратно спросила я, и Лиза поникла еще больше, отчего я вовсе пожалела, что осмелилась задать ей вопрос.

– Я хочу сидра, – хрипло ответила та, а после поднялась на ноги и махнула служанке рукой, – эй, ты, найди-ка мне сидра.

– Н-но господин Фросс запрещает напитки крепче пресной воды в своем доме, миледи, – остановилась служанка, придерживая в руках половую тряпку.

– Господина нет, и мне уже глубоко насрать, что он там запрещает, – выплюнула девушка, – я знаю, что у крестьян есть сидр, невзирая на запрет отца. Давай, принеси мне бочонок, да поживее.

Служанка боязливо посмотрела на двери, но сердитый взгляд Лизы не давал ей ослушаться. Она приклонила колени, а после мигом понеслась наружу, чтобы выполнить просьбу. Мы молчали, пока ждали ее возвращения, а я смотрела на Роланда и видела, как он едва сдерживает слезы. Несладко ему прилетает последнее время. Думаю, он изрядно устал терять близких и терпеть тот произвол, что творит с ним его судьба.

– Лиза… как я справлюсь-то без тебя, – вдруг прошептал он, и глаза Лизы потеплели. Она встала, чтобы подойти к нему и утянуть в объятия. Роланд вцепился в нее и уронил голову на ее плечо, пока она поглаживала ему спину. Мы с Августином притихли, но я заметила, что он помрачнел. Зная, насколько порой он пессимистичен, уверена, он уже сто раз похоронил подругу в своих мыслях. Он же всегда рассчитывает только на плохой конец, а когда вопрос касается войны, конец всегда плохой.

– Роланд, не смей ныть, – строго проговорила Лиза, когда тот шмыгнул носом, – Боги, Эфирит не воевал двадцать лет,

и вы все позабыли, что войны неизбежны. Че вы размякли все, как хлебный мякиш в супе?

– Говоришь, как свой отец, – хмыкнул Августин, и Лиза закатила глаза.

– А если ты умрешь? – промямлил Роланд, поднимая голову, и Лиза закатила глаза во второй раз.

– Я бы попросила не быть такими категоричными к моей судьбе, хотя бы вслух.

– Ну уж нет, Лиза точно не умрет, – стараясь звучать бодрее сказала я, поднимаясь на ноги, – ты смертоносная, как ураган, и непробиваемая, как сталь, – Лиза рассмеялась, – и когда ты вернешься, то расскажешь нам, как рубила красных людей направо и налево! Вот так, – я махнула рукой, оставляя за взмахом огненный след, от которого вздрогнул Роланд.

– Лея, остановись, пока я не надорвалась, – смеялась Лиза, и даже Роланд смог улыбнуться, услышав ее смех.

– Моя Лиза именно такая! – подхватил он, – ей вообще нет равных!

– Ну, это правда, – робко улыбнулся Август, – ты хороша в бою.

– Ну все, замолчите, – отмахнулась та, когда румянец показался на ее щеках, – я не Джуллиан, меня топить в лести необязательно.

Служанка вернулась с бочонком сидра, и Лиза притащила четыре кружки, пускай, что Август, что Роланд, от выпив-

ки отказывались. Она без лишних слов втиснула их в наши руки, и первая набрала сидра. Отказов она не принимала, объявив, что сегодня ее проводы, и все, даже самые заядлые трезвенники, обязаны выпить за ее здравие. Парни быстро сдались, а я вовсе и не противилась, поэтому следом за девушкой наполнила свою кружку. Кисловатый хмель был не таким противным, как я себе представляла, и потому каждый мой глоток был больше предыдущего. Когда мы ощутимо опьянели, то от печали не осталось и следа – мы хохотали, выкрикивая самые неприличные тосты и распевая самые неприличные песни из всех, что знали. Лиза лезла к Роланду с объятиями, даже когда тот громко протестовал, потому что пьяная Лиза обнимала до хруста костей. Августин так много смеялся, что я с непривычки не переставала на него удивленно коситься. Когда пошла его третья кружка, он вдруг поцеловал меня в щечку, будто мы были малолетками, осмелевшими от первой в жизни выпивки, и тогда Лиза с Роландом гудели, подбадривая Августа на большее. К счастью, дальше он не заходил, потому что я смущалась, даже будучи пьяной, и густо краснела от одного его рассеянного взгляда, оставленного на моем лице. Потом они предавались воспоминаниями о днях, когда их собрали в один отряд, и временах, когда они впервые выходили на поручения по поимке Пламенных. Роланд сразу раскис, утопая в воспоминаниях, и его стеклянные от пьянства глаза смотрели на друзей с тоской.

– А помните, когда за Роландом гонялся громила с топо-

ром, и он так удирал от него, что посеял свой плащ? – сквозь смех говорила Лиза, и юноша недовольно закатил глаза.

– Я совсем зеленый был, вообще-то,– бурчал он, пока Августин хохотал до хрипа.

– Мы с Лизой гнались за громилой, чтобы он не убил Роланда, и Роланд верещал на всю деревню, как девчонка. Это были самые смешные догонялки в моей жизни, – поддакивал тот, держась за живот.

– Мне было пятнадцать! – возмущался юноша, – лучше вспомните, как я одолел лучника, когда он целился стрелой в затылок Августа!

– Роланд, это был безногий калека, и он буквально был прикован к креслу, – прыснула смешком Лиза, и попытка Роланда зардеться обратилась новой волной смеха.

– А помнишь, как мы с Роланд подложили в колчан Джуллиана стрелы без наконечников? – заголосила Лиза, делая глоток, – он же тогда чуть не помер на задании, потому что не было, чем стрелять.

– Лучше бы помер, —понуро ответил Августин, таращась в дно кружки, и все замолкли в одночасье. Воспоминания о лидере уже не казались ему такими забавными. Лиза прокашлялась, а после слабо ударила его кулачком в плечо.

– Да ладно, тебе, Август, ну оказался твой друг тварью редкостной, чего грустить-то? С кем не бывает. Лея, давай, покажи нам фокусы с огнем. Чтоб Август перестал кислой мордой светить.

– О нет, она так полыхает, что живыми мы отсюда не выйдем, – запротестовал Роланд заплетающимся языком. Я поставила кружку на пол и вышла в центр гостиной.

– Не переживай, Роланд, теперь я обуздала свое пламя, – я разожгла огонь на руке и перекинула его на другую. Проверила, что никто не шастает возле нас, и только после повторила трюк. А потом разошлась настолько, что жонглировала огоньками, объединяла их в спираль и танцевала с ней, как с лентой. Огонь струился по моим предплечьям, и яркой вспышкой проносился перед моим лицом. Роланд прикрывался белым плащом – все еще не доверял мне – а Лиза и Август широко улыбались, любуясь переливом пламени. Я собрала его обратно на ладони и бросила в камин – огонек пролетел меж ребят и приземлился на бревна. Сумеречный мрак развеялся, и в поместье стало теплее. Лиза аплодировала, пока я низко кланялась им, как циркач своей публике.

– Невероятно, – тихо проговорил Август, наблюдая за мной. Роланд вынырнул из своего плаща, и больше не казался таким напуганным.

– И правда обуздала, – промямлил он и икнул.

– С такой силой на войне тебе не было бы равных, – довольно протянула Лиза, протягивая кружку с сидром обратно в мои руки.

– Я тоже буду на войне. На войне тут, в столице. Сражаться против Алакина.

Мы подняли последний тост – пили за то, чтобы все мер-

завцы получили по заслугам, и чтобы Эфирит не проиграл заморскому змеиному народу снова. Пили и за Лизу, чтобы она не теряла силу духа, и чтобы вернулась к нам с победой. И, конечно, она упоминала смерть отца: «Чтоб он сдох!» – сказала она и сделала долгий глоток.

А потом мы с Августином отправились домой. На улице – тьма тьмущая, а Августин настолько опьянел, что небось оседлает свинью вместо коня по случайности. Я все еще мыслила достаточно ясно, в отличии от него, поэтому решилась держать поводья. Роланд остался у Лизы и принял это решение еще до того, как она ему предложила.

Я помогла Августину взобраться, протянув руку, и тот сел за мою спину, покачиваясь. Он и правда безбожно пьян, мне кажется, я таким его еще не видела. Его голова елозила на моем плече, пока мы скакали вперед, и чтобы случайно не въехать в чей-то дом, я сняла повязку с глаза – благодаря золотому глазу я видела округу так же отчетливо, как днем. А что? Никто не увидит его в темноте. Когда мы скакали мимо главной площади, я притормозила коня. Посмотрела на Дарлина, и поняла, что не могу оставить его труп загнивать у всех на виду; махнув рукой, я подожгла его тело, и тогда стало светлее. Прежде чем сюда успела прискакать стража, я помчалась вперед, а мое пламя потухло лишь после того, как его плоть превратилась в угли.

Глава 2

Прошла неделя с того момента, как Лиза сообщила о своем переводе в армию. С тех пор я ее не видела, и не знаю, отправилась ли она с отцом на юг, или все еще ожидает приказа. Она могла появляться во дворце, но мне туда путь закрыт – так сказал однажды Баул Хорват, когда настоятельно просил меня не заявляться на королевский двор. Поэтому все дни я сидела в поместье Августа, наблюдая за его уходами и приходами. Он, как и всегда, облачался в белое, и возвращался в поместье, измаравшись в красном. Этим днем он ушел еще до моего пробуждения – и внизу я видела только приготовленный служанкой остывший завтрак. Августин продолжал быть Избирателем, Баул Хорват и Аглая Эриксон продолжали быть сенаторами, и никто не высовывался лишний раз, дабы не приковывать внимания Алакина. После мятежа король и советник все еще взволнованы, потому присматриваются к каждому косому взгляду в поисках изменника. Меня Августин умолял не выходить за ограду его дома и не давал пробраться к Черному лесу. Мое бездействие угнетало меня. Пока Хорваты и Грейги думают, как собрать новых людей, мы залегли на дно. Но часики тикали, и дни Пламенных могли внезапно подойти к концу – этого я боялась настолько, что не могла спать по ночам. Закрывала глаза на несколько часов, а после приходила заря, и я покидала

кровать.

Иногда я наведывалась в кабинет Августа, где таилась дверь в маленькую комнатку. Внутри, посреди сырых неровных стен, висел портрет Лидии Хорват, и я могла потратить полдня, сидя перед ее лицом. Она всегда смотрела непроницаемо прямо с гордо поднятой головой, ее золотые глаза разили величием так отчетливо, словно она была живая. Я хотела бы услышать ее историю из уст Баул Хорвата, вот только не знаю, решусь ли я на этот разговор. Думаю, задевать воспоминания о ней больно и сенатору, и его сыну. Как бы они ни чтили память о ней, но чувствовался их страх, будто имя «Лидия» ломает им кости. Была женщина, кто мог поведать больше – это Аглая Эриксон, ее старая подруга, но Аглаю я вовсе не видела после мятежа. Забот во дворце так много, что она, должно быть, оттуда не вылазит.

Грейги тоже появляются редко; в один из дней Харви прискакал ко мне, чтобы я передала Августу новость о его отправке на юг. Роббин и Харви – моряки, и, разумеется, это был ожидаемо. Харви, однако, сказал, что его отец остается здесь, в Лире. Указом короля, только Грейг младший попал в списки людей, кто поведет следующее судно на Роксинбург. Харви не выглядел огорченным, но и радостным тоже. Просто принял этот указ, как неизбежное, но был счастлив, что Роббину пока война не светит. По крайней мере, он не умрет напрасно в одной из первых флотилий.

Скука одолела меня, и я решилась прогуляться до берегов

Бесславного залива, чтобы посмотреть, как идет строительство крепостей. Августин был все также занят во дворце, и думаю, что я успею вернуться к моменту, как его отпустят домой. Я ушла, потому что боюсь, рано или поздно сойду с ума в четырех стенах его поместья. Поражаюсь, как мать Августа выдержала пятнадцать лет в маленьком подвале – я, вот, могла гулять по заднему двору и заходить в любую комнату, но мне все также было тесно. Скакуна у меня нет, поэтому к югу я отправилась пешком, но я так устала сидеть, что пешая прогулка вовсе меня не пугала. Я проходила главную площадь и видела, как от сгоревшего трупа Дарлина не осталось и следа; запах гари и его гниющей плоти все еще витал в воздухе, но уже не так явственно, поэтому многие торговцы решились открыть свои лавки. Из-за трупного смрада они долго сторонились главной площади, но теперь все потихоньку возвращались на свои места.

Приближаясь к южным трущобам, я видела нагую землю с разрушенными домишками, чьи осколки зубастыми челюстями торчали из почвы. Вплоть до зеленого островка зарослей папоротника все было снесено под корень, и трудяги таскали разбитые в щепки деревяшки, чтобы очистить территорию для строительства. На меня никто внимания не обращал, хотя, наверное, гулять тут нельзя. Больше полусотни крестьян носили камни, рыли ямы, таскали на плечах кирки и молоты, а многие уже подходили к тому, чтобы закладывать фундамент ограждений. Раньше здесь были слыш-

ны крики рыбаков, и вместо камня повсюду валялась дохлая рыба, но теперь слышен удар молота и треск плит. Крестьяне, едва не надрывая спины, таскали одну кладку за другой и волочили набитые мусором мешки. Грейги говорили, что на строительство крепости уходит не один год, особенно если полагаться на одни крестьянские руки. Но я видела, как ехали на колесиках высокие краны, которые могли помочь в строительстве, и потому кажется, что в возведении ограды они преуспеют быстрее, чем за пять лет. Если только Роксинбугрские корабли не подплывут к столичным берегам, чтобы обкидать крепости из катапульт.

– Эй, ты! – окрикнул меня коренастый мужчина, держащий молот на своем громоздком плече, – а ну убирайся отсюда. Король сказал, что на берег впредь прохода нет. Если ты дочь рыбака, скажи своему отцу, чтобы довольствовался реками.

– Что, даже искупаться нельзя? – крикнула я ему в ответ, и мужчина хохотнул.

– Довольствуйся рекой, ее вода хотя бы не ядовита, как морская, – ответил тот и помахал рукой так, чтобы я поскорее ушла подальше, – давай, шуруй, пока тебя не прибило случайно.

Впрочем, спорить я не собиралась; его молот мог расколоть мне череп с той же легкостью, что он ковал камень, поэтому я развернулась, чтобы уйти обратно. Шлейф тины и писка, идущий с залива, забивался в нос, и я с грустью

вспомнила деньки, когда мы собирались в пещере, стоящей на берегу. Ездили мы туда не чаще двух раз в неделю и слышали только плохие вести, но я вдруг поняла, что скучаю по тем временам. Наверное, крепость будет такая большая, что ее стены упрутся вплоть до той скалы. Я шла, свесив голову, и подняла ее только когда врезалась в человека. Незнакомец стоял передо мной статуей, и даже наше столкновение не вынудило его отойти. Передо мной показался паренек лет шестнадцати с чумазым загорелым лицом. Его мертвый взгляд был жутковатым. Я поспешила обойти его, но он схватил меня за руку, не давая сделать шага.

– Одноглазая девочка, – сказал он, всматриваясь в мое перевязанное лицо. Я сглотнула, чувствуя непонятное волнение внизу живота.

– Ты знаешь меня? – спросила я, и тот покачал головой.

– Не знаю. Тебя знает Жучок. Он сказал мне найти одноглазую девочку, живущую с Хорватом.

– Что ему надо? – в лице незнакомца не было ничего, кроме устрашающего спокойствия.

– Жучок хотел напомнить, что он ждет свою плату за помощь.

– Какую помощь? – я отшагнула назад, и парень отпустил мою руку, – какую плату?

– Он поделился с твоим другом тем, что видели черви, копошащиеся в западной земле, и за эти сведения твой друг обещал Жучку плату. Поторопи друга, чтобы Жучок не бес-

покоился.

– Какую плату он должен ему? – повторила я, и парень медленно попятился назад.

– Он знает, какую плату обязан отдать. Одноглазая девочка должна его поторопить.

– Я… передам ему, – с заминкой ответила я, пока тот продолжал идти спиной вперед, – Кто ты?

– Червь, копошащийся в южной земле, – коротко ответил парень, а после развернулся и убежал прочь. Я смотрела ему в спину, до тех пор, пока он не скрылся на горизонте. Августин не говорил о сделке с Жучком, и тем более не говорил, что находится у него в долгу. Я, может, не знаток каверзных сделок, но что-то мне подсказывает, договариваться с людьми, наподобие Жучка – плохая затея. Он держит в своих уздах половину Неказистого переулка, следит за борделями и прививает страсть к азартным играм, так что, что бы он ни попросил, эта цена может обойтись Августу дорого. Нужно будет обсудить ее, как только он вернется в поместье.

Когда я заходила в поместье, возле дверей обнаружила подброшенный сверток пергамента. Он был скреплен красной печатью, на трубочке с обратной стороны было выведено мое имя. Странное послание оставлено для меня, а не для хозяина поместья, и от этого стало жутко второй раз на день. Может, это письмо от очередного червя Жучка? Нет, печать, прибитая к пергаменту, намекала о том, что ее оставила знатная рука. Кто-то, тесно связанный с дворцом, отправил мне

письмо. Бордовая клякса была нетронутой; значит, никто, кроме отправителя, содержимого не читал. Я сжала трубочку в руке и прошла к креслу возле камина. Усевшись поудобнее, я сломала печать и раскрыла сверток дрожащими пальцами. Мне показался изящный почерк и свежие чернила, и стоило мне забегать глазами по тексту, как все внутри сжалось. Снизу была приписка – письмо от Джуллиана.

«*Моя неспокойная и безмерно любимая Лея. Я понимаю, что отныне мы враги, и это необратимо. Теперь вы с Августином знаете, каким силам служит мой совершенный ум, и какие дела творят мои ласковые руки. Понимаю, что все, о чем думаешь ты, читая мое имя – то, какой я мерзавец и подлец. Но во мне есть надежда, что ты дочитаешь это письмо хотя бы до середины. Я хочу сказать тебе лично, что вскоре я отправлюсь на войну, и более твои чудные разноцветные глазки меня не увидят, только если судьба не смилуется и не позволит нам встретиться однажды. За годы, проведенные на войне, я уверен, что твое имя не забуду, и молюсь о том, что ты не забудешь мое. Раз уж мой след исчезнет из столицы в ближайшие дни, вам с Августом не нужно беспокоиться из-за меня. Я-то знаю, что от меня вы беспокоитесь куда больше, нежели от Алакина. Ведь когда-то я был вам верным другом. Я больше не буду вам помехой, и судьбу Пламенных вверяю в ваши руки и руки Алакина. Мой интерес на сегодняшний день исключительно в победе на передовой. Не буду скрывать, что все еще рассчитываю*

на истребление Пламенных. Но как бы мы не разнились в наших взглядах, я все еще не могу перестать думать о тебе и об Августе. Августин стал первым человеком в моей жизни, кем я искренне дорожил, ты стала первой женщиной, о ком я думаю изо дня в день. Я не желаю вам смерти. Но я желаю вам оставить свои благородные бредни в прошлом. Лея, я никогда еще так никого не желал, как тебя, и пускай мы враги, я всегда буду помнить твое несовершенное лицо и твое пламя.

Навеки твой Джуллиан»

Иногда мне требовалась передышка; каждое второе предложение вынуждало меня остановиться. Это письмо было самой настоящей пыткой. Джуллиан отправится на войну, и я желаю ему встретить там свою смерть. Так будет лучше для нас всех, и в первую очередь для него – не думаю, что Август оставил бы его в покое после предательства. Когда я дочитала до конца, то выпустила судорожный вздох. Помесь ненависти, печали и отторжения подогревала сердце. Я боялась предаваться воспоминаниям, где мы с Джуллианом были друзьями, а потом вдруг поняла, что таких воспоминаний нет – он всегда был жесток ко мне. Единственное благое дело, что он сделал – спас от гнева Галлиона, когда я обезглавила троих Избирателей. А в остальные дни он пугал меня и калечил, даже если и пытался оправдывать свои поступки справедливостью. Не знаю, чего он хотел заслужить этим письмом, но единственное, что я чувствую после прочтения

– горечь.

Я смяла пергамент в кулаке, превращая лист в бумажный клубок, а после пустила пламя. Клубок горел в моей ладони и быстро облачался в пепел. Крохотные крупицы посыпались по моим пальцам прямиком на ковер, и я встала с кресла, оставляя серую горсть на полу.

***

– Не пущу! – кричала Ева, преграждая собой дверь. Ее голубые глаза заслонило слезами, и как бы она не старалась их сдерживать, пара капель все равно потекли по щекам. Джуллиан смотрел на нее уставшим взглядом.

– Ева, я говорил тебе давно, что мой уход на войну не обсуждается. Я служил твоему отцу, чтобы получить место в армии, – спокойно отвечал тот, пускай и утомился повторять эти слова. Все утро он потратил на то, чтобы объясниться перед Женевьевой, но она наотрез не желала его слушать.

– Когда я согласилась на это, я не была беременна. Теперь во мне наш ребенок, *твой* ребенок, Джуллиан. И у тебя есть шанс остаться с нами. Ты Избиратель, потому твое право сохраняется, даже если Эфирит окружат враги со всех сторон, – она плакала, придерживая руками округлившийся живот. Он уже проглядывал сквозь плотную ткань платья, пускай срок был не так велик – третий месяц плод зрел в ее чреве, и это становилось заметнее день ото дня.

– Ты дождешься меня, Ева, – он опустил руки на ее плечи и прижал к себе, – я вернусь к вам. Вернусь с победой. Разве ты не желаешь видеть своего мужа воином, что прославит имя королевства? – Ева уткнулась в его грудь, укрытую белым камзолом. Сегодня Джуллиан надел форму в последний раз.

– Мне не нужна твоя слава. Мне нужен ты. Живой. Рядом со мной, – шептала та, глотая слезы. Джуллиан мягко улыбнулся, удивляясь тому, что неотступность Евы его не раздражает, как обычно. Должно быть, скорая отправка на юг смерила его пыл.

– Обещаю, что вернусь к тебе живым.

– Когда? Когда ребенок будет ходить и разговаривать? Когда он подрастет настолько, что научиться считать и писать? – Женевьева отошла от мужа, вытирая рукавом мокрое лицо, – ты не увидишь его рождения. Не подержишь младенца на своих руках. А я мечтала только об этом.

– Если ты хочешь, чтобы я был рядом с ним с рождения, то я могу дать тебе еще одно обещание, – он глубоко вздохнул, раздумывая, насколько правильно давать такие клятвы, – я вернусь как можно скорее после твоих родов. Подержу нашего младенца. Побуду с тобой. А после вновь отправлюсь на войну.

– Правда? – ахнула Ева, – ты приплывешь в столицу, как только наше дите появится на свет?

– Отправь мне письмо после родов. Корабли будут отплы-

вать к Роксинбургу каждый месяц вместе с новыми воинами и письмами. Я буду ждать, – он взял ее лицо в ладони и оставил на лбу поцелуй. Наверное, это обещание было единственным искренним добрым жестом с его стороны. Женевьева в миг отпустила все обиды. Надежда, что он не откажется от своих слов, грела ей душу.

– Не смей забыть свое обещание, – проговорила та тихо, когда Джуллиан подошел к двери.

– Не забуду, – также тихо ответил он и покинул свои покои.

Он спускался вниз, его тело зудило от желания поскорее сбросить белый плащ. Джуллиан проходил мимо зеркал и ликовал, понимая, что видит в последний раз свое белое отражение. Сегодня белый камзол кажется ему еще уродливее, чем обычно, но с тем он наконец почувствовал, что больше ему не принадлежит. Он шел к Алакину в башню, в его кабинет, где его поджидали новые доспехи, собранные по его заказу. Лучшая сталь ковалась специально для Джуллиана; зная его предпочтения, боевая броня будет изящнее и красивее большинства нарядов при дворе. По пути встречались старые и новые Избиратели, среди них он видел даже Миру, что запомнилась ему, как малявка Лизы; девочка смотрела на Джуллиана косо и сторонилась его, словно он был одним из тварей Черного леса. Мира шарахалась от одной его улыбки и мельком брошенного взгляда, и тогда Джуллиан понял, что этого будет ему не хватать на фронте. Пугливых и одно-

временно восхищенных взоров, направленных в его спину. Единственная вещь, по которой он будет скучать – по страху в лицах сослуживцев.

Джуллиана пропустили к Алакину двое вооруженных гвардейцев. У обоих на лице красовались свежие шрамы, оставленные руками мятежников. В отличие от их доспехов, доспехи Джуллиана не покрыты вмятинами, царапинами и ржавчиной. Перед ним стояли новые, блестящие латы, упругий нагрудник, заостренные наколенники и рукавицы из серебра. На плечах красовались массивные бесовские морды из бронзы с разинутыми пастями, на груди высечены идеальные линии герба Эфирита. Джуллиан с замершим сердцем рассматривал чудо кузнечного ремесла, и не мог вдоволь насладиться им, словно боялся, что находится в долгом сне. Приходилось напоминать себе, что он облачиться в них уже следующим утром. Завтра его снарядят в путь до Тольфута, и оттуда он попадет на боевое судно. Море встретит его, как старого друга, уверен Джуллиан, пока его глаза жадно проедают нарядную броню.

– Тебе нравится? – за его спиной раздался голос Алакина, что стоял с прижатой к груди стопкой пергамента.

– Великолепно. Доспехи достойные того, чтобы я носил их, – ухмыльнулся Джуллиан, медленно поворачиваясь к советнику. Он вдруг подумал о том, что продал дружбу с Августом за этот изящный металлолом, и эти мысли ранили его душу.

– Ты заслужил их, – кивнул Алакин, медленно шагая к своему столу, – твоя поддержка во многом помогла мне достичь успеха. За твою верную службу я готов и к более щедрым подаркам.

– Вы уже сполна отплатили мне, советник, – ответил парень, проводя пальцами по выбитому на груди гербу, – я готов быть безземельным рыцарем. Вы можете не платить мне титулами, землей и золотом. Ряженных доспехов и перевода в армию мне достаточно.

– Ты стал рыцарем, но увы, формально закрепить мы это не сможем, – Алакин только присел за стол, как начал перебирать кипу работы, – посвящение в рыцари – это стоящая процессия. Благородная, запоминающаяся на всю жизнь. Но, так как твой уход из белого ордена нарушил много законов, король не сможет посвятить тебя в рыцари публично. Ох, не бойся, я прослежу, чтобы во всех документах делали приписку «сир» к твоему имени.

– Мне плевать на такие мелочи, – хмыкнул Джуллиан, – я не красоваться собираюсь, а воевать. И мне не нужны никакие торжества по этому случаю, так что я переживу нежелание короля Георга посвящать меня в рыцари.

– Славно, – улыбнулся Алакин, – я уже предупредил Галлиона о твоем отбытии. Скажу честно, эта битва далась мне тяжко. Предводитель был готов вырвать мне сердце за тебя.

– И как же вы сумели договориться?

– Дипломатия тут мало чем помогла бы. Пришлось пре-

дупредить Галлиона о том, что спорить с советником то же самое, что измена. Ведь мое слово – это указ короля, а его устами вещает Солнечный Бог. За неповиновения есть только одно наказание, и это смерть. Поэтому Галлион был вынужден идти мне навстречу.

– Всегда восхищался вашим талантом деликатно навязывать людям свою волю, советник Алакин, – расплывшись в довольной улыбке отвечает Джуллиан, а после идет к выходу, – могу идти?

– Ступай, Джуллиан. Завтра ты отправишься в Тольфут вместе с войском в тысячу человек, – Алакин поднял на него синие глаза и ухмыльнулся, – твое войско. Твоя тысяча. Все в твоем полном распоряжении.

– Приятно слышать, – несильно поклонившись ответил тот и покинул кабинет.

Джуллиан спускался вниз, а сам тешил себя фантазиями о славных победах и битвах. Он мечтал о триумфе, о боли, о пленных, о славе, полученной спустя долгие годы войны. Хотя он считает себя таким непревзойденным воином, что вполне уверен и в более скором окончании. Может, он покажет себя так хорошо, что война не затянется и на год. Эфирит дотоле еще не видел таких быстрых побед, но Джуллиан верил, что с его участием все может измениться.

На первом этаже дворца суетились новоиспеченные отряды. Война требовала больше Пламенных душ, посему Галлион дал указ забирать из рук матерей даже младенцев, если

те рождались с золотыми глазами. От Пламенных, кому было меньше семи лет, пользы не так много; какой толк от мелкотни, что недавно научилась разговаривать? Раньше Избиратели приводили тех, кто постарше, но в последние дни все менялось: Избиратели отправлялись в далекие края и возвращались с Пламенными, которые едва успевали вылезти из пеленок. Эти же дети встретят свою юность на войне, среди грязных, вонючих и раненных солдат, а многие из них помрут там же, так и не достигнув зрелости.

Джуллиан остановился, когда увидел у входных дверей Августа. Он прибыл к королевскому двору в одиночестве, без Лизы и Роланда, и Джуллиану стало тоскливо от того, что он не сможет попрощаться со старыми друзьями. Лишь на неуловимое мгновение, а после это чувство вытеснило нечто иное; когда их взгляды с Августом пересеклись, у него похолодела кровь. Он стоял, не в силах ни уйти, ни отвернуться. С того дня, что он объявил себя его врагом, они чудом не пересекались. Джуллиан признавал, что хотел увидеть Августина, но с тем он всячески его избегал и зачастую прятался в своих покоях подле Евы. Август смотрел на него почти сквозь и, подобно ему, не шевелился. Избиратели мелькали между ними, и среди десятка белых плащей они успевали видеть окаменевшие лица друг друга. Джуллиан мог ощущать своим нутром ненависть бывшего товарища. Он чувствовал, как тот желает ему смерти, и как с трудом сдерживается, чтобы не схватиться за меч.

Августин пошел вперед, и Джуллиан тотчас обомлел. Колени его ослабли, когда он подумал, что Август направляется к нему; но он вдруг свернул в коридор, даже не посмотрев в его сторону. Джуллиану стоило вернуться в свои покои, но ноги несли его вслед за Августом. Он пробивался между белыми телами, будто они были сорняками, мешающимся под ступней. Это плохая идея – думал блондин, но с тем продолжал идти. Взгляд его упирался в золотой полумесяц на плаще Хорвата. Они вышли в безлюдный коридор, окружив себя стенами, статуями и давящей тишиной. Августин слышал шаги и знал, кому они принадлежат, потому его ладонь крепко прилегала к рукояти меча.

– Что тебе надо, Джуллиан? – плюнул тот, остановившись. Он не повернул своей головы, но его голоса было достаточно, чтобы застать лидера врасплох.

– Хотел сообщить нечто важное, – ответил тот с дрожащей улыбкой на губах.

– Думаешь, мне есть дело до твоих слов? – его костяшки посветлели, когда хватка на рукояти стала сильнее.

– Может, отныне мы враги, но я все еще твой лидер. Выражай почтение и старайся обходиться без грубости, – непривычно холодным тоном произнес Джуллиан, а Августин натянул непривычно ядовитую ухмылку.

– Раньше мы говорили без всяких формальностей, но ты прав. Мы более не друзья, не товарищи, и все, что мне остается, это быть твоим подчиненным, – он нашел в себе силы и

развернулся. Лицо Джуллиана было все еще непонятно родным, пускай эти изумрудные глаза стали ему ненавистны.

– Это то, о чем я хотел предупредить тебя. Сегодня последний день моего лидерства. Завтра я оставляю свой пост и отбываю на войну, – Августин прикусил язык, дабы не выразить свою надежду на его кончину. Умереть на войне было лучшим исходом для такого ублюдка, как он, думал Августин, остерегаясь того, что эти мысли прозвучат вслух.

– Я не пожелаю тебе удачи и не дам светлых напутствий. Ты знаешь, что я не желаю тебе добра более.

– Знаю. Вероятнее всего ты хочешь, чтобы я вовсе не вернулся с передовой, – горькая усмешка вышла из Джуллиана, – но мой уход на войну значит кое-что еще, – он шагнул ближе к Августу, держа руки за спиной, – более нет смысла для нашей вражды. Скорее всего мы больше никогда не встретимся. Я не буду угрозой вам с Леей. Не трать свои нервы на ненависть ко мне.

– Ты думаешь, что имеешь права просить меня о милости? – Август покачал головой, забавляясь с наивности Джуллиана, которая никогда не была ему присуща, – неважно, где ты будешь и как далеко от меня. Я никогда не забуду твоего предательства. Никогда не прощу тебя. И наша вражда закончится только со смертью одного из нас.

– Весьма ожидаемо слышать это от тебя, мой друг.

– Не смей называть меня так, – резко вставил Август сквозь зубы.

– Это ужасно грустно: то, как легко рушится долгая дружба из-за разных взглядов на жизнь, – хмыкнул Джуллиан и подошел еще ближе, – пускай в столице меня не будет, но мои идеи останутся здесь. Я буду далеко от этих земель. Но Пламенных все еще ждет та участь, которую я им уготовил, – он сказал это шепотом, пригнувшись к уху Августа, и того в миг пронзила ярость. Она встряхнула его, и руки зашевелились сами по себе. Августин схватил Джуллиана за воротник и замахнулся кулаком, но лидер успел схватить его в считанных дюймах от своего лица.

Драка вспыхнула между двумя Избирателями внезапно; они повалили друг друга на пол и катались по ковру в попытках задеть лица кулаками. Костяшки впивались в челюсти Джуллиана, когда Август оказывался сверху; потом Джуллиан скидывал его, и тогда его кулак проезжался по скуле Августа. В ход шли и руки, и ноги, но мечи не были вынуты из ножны. У Джуллиан рассечена губа и бровь, а у Августа к тому моменту уже был сломан нос, откуда хлестала густая кровь.

– Идиот! – пыхтел Джуллиан, придавливая бывшего друга к ковру, – как ты смеешь нападать на своего лидера?!

Августин выбрался из-под него, пнув ногой по бедру. Выпрямившись во весь рост, он пинал Джуллиана по ребрам и животу, пока тот валялся на спине, держась за подбитую ногу. Послышались женские крики, когда служанки заметили бойню: на их писк слетелись Избиратели, но вмешивать-

ся они в драку не спешили. В их числе была и Мира, которая круглыми от шока глазами наблюдала за двумя обезумевшими товарищами. Охотники с интересом смотрели, как Август калечит своего лидера, пока тот плюется кровью. Такими темпами Джуллиан не доживет до своей долгожданной войны.

Их прервал взявшийся из ниоткуда Галлион: предводитель громко рявкнул требование остановиться. На его голос, полный злобы и гнева, подоспел сенатор Баул Хорват. Избиратели разошлись двумя шеренгами, позволяя предводителю и сенатору пройти вперед.

– Хорват! – повторил Галлион, когда увидел, что Август не собирается подчиняться его команде, – остановись, Хорват, пока мой меч не вмешался в балаган, который вы здесь устроили.

Августин посмотрел в бок и увидел встревоженного отца. Баул старался сохранять спокойствие, но его поглощало волнение, застывшее в ледяных, прозрачно-голубых глазах. Август тяжело дышал, отходя от Джуллиана и прибиваясь к стене. Сам лидер кашлял, приподнимаясь на локтях. Его губы тянулись в улыбке, которую сплошь покрыли кровь и ссадины. Он искоса смотрел на Августина, вытирая рот белым рукавом.

– Я требую объяснений, – цедил Галлион, испепеляя разгневанными глазами то одного, то второго.

– Не поделили белый плащ, – отшутился Джуллиан, под-

нимаясь на ноги.

– Если вы хотите драться, то выходите биться на турнире. Избирателям запрещено поднимать руку друг на друга, если вы не стоите на поле внутреннего двора, – говорил Галлион, пока Баул недовольно качал головой. Взор предводителя сместился на сенатора, – ваш сын уже не первый раз нарушает устав, сенатор Хорват. Разве безупречная дисциплина не была сильной чертой вашей семьи?

– Не больше, чем ваше умение следить за порядком в отрядах, предводитель Галлион, – стальным тоном парировал Баул, и Галлион сжал челюсти до заметного пульса на скулах.

– Не нужно ругать Хорватов, предводитель. В этой драке есть и моя вина, – пролепетал Джуллиан, нагло улыбаясь, – впрочем, мы все решили, пускай и силой.

Галлион ему ничего не ответил; его ответом был укоризненный взор, которым он обвел как Джуллиана, так и обоих Хорватов. Предводитель ушел, взмахнув белым плащом, и приказал шайке Избирателей разойтись следом. Он быстро разогнал зрителей своим тяжелым взглядом и басистым возгласом, и тогда в коридоре остался только Август, Джуллиан и сенатор. Баул подошел к сыну и положил руку ему на плечо, когда заметил, как его серые глаза проедают белобрысый затылок.

– Уходи, Джуллиан, пока я не рискнул своей жизнью, лишив тебя твоей, – процедил тот злобно, но все, что прилетело ему в ответ – громкая усмешка. Джуллиан уходил, и пока

его тело болело от ударов, сердце ныло от тоски. Осуждающий взор Баула, который он успел заметить на своем лице, навеки остался в его памяти.

– Я понимаю твои чувства, сын, – проговорил Баул, сжимая плечо парня в своей ладони, – но не позволяй им овладеть твоим разумом. Подобная опрометчивость может выйти нам боком.

– Я знаю, – тихо ответил Августин, придерживая пальцами кровоточащий нос, – я пытался держать себя в руках. Но это дается сложно, когда предатели расхаживаю рядом, как ни в чем не бывало.

– Твой гнев оправдан, Августин. Моя душа тоже неспокойна из-за поступка Джуллиана, – Баул опустил глаза в пол, отпрянув к окну. Когда мужчина узнал об истинных намерениях Джуллиана, он не испытал ни шока, ни мимолетного удивления, словно это признание было давно ожидаемым. И все же скорбь угнетала сенатора: он до последнего хотел верить, что белокурый мальчик, которого он приютил в детстве, не станет подобием Алакина. Сенатор, как и его сын, тяжело переживал эту утрату, но он был больше опечален, нежели зол, – Я помню Джуллиана робким и скромным мальчиком, – прохрипел Баул, когда сын встал рядом с ним у окна, – он был славным ребенком своего отца Ро́мана. Мне не хватит века, чтобы понять, как тьме удалось захватить его сердце, и в какой момент это произошло. Быть может, в том была и моя вина, – Баул оперся руками о подоконник, буд-

то боялся, что его ноги подкосятся, – может, я не углядел за ним. Не давал заботы и тепла в нужной мере.

– Нет, отец, – встрял Августин, – не смей винить себя в его грехах. Ты был внимательным и учтивым к нему, как к родному ребенку. В детстве он никак не обнажал перед нами своего истинного лица, но я уверен, тьма поглотила его уже тогда.

– Это понимание ничуть не облегчает ношу потери, – Баул думал о том, что дурное предчувствие долго терзало его душу. Он давно замечал неладное за белокурым юнцом, но увы так и не смог уличить в нем врага – не просто не смог, а скорее не хотел. Отцовская любовь правила его головой, когда он смотрел на Джуллиана, и все же видел в нем много света.

– Я бы убил его, – равнодушно сказал Августин, прежде чем покинуть дворец, – не будь он отправлен на войну, я бы убил его на одном из заданий, куда нас наверняка сослали бы вместе.

– Поднялся бы твой меч на близкого человека? – спросил Баул, и Августин горько ухмыльнулся.

– Уже поднимался. Дважды, – тихо ответил он, а после зашагал к главным дверям.

Августин должен отправиться на поиски Пламенной девушки для Жучка. Об этом он думал каждый раз, как открывал глаза после сна. Долго он откладывал свою часть сделки, но вскоре понял, что бегать от этого поручения не сможет –

иначе его настигнут серьезные проблемы. Ничего нового ему делать не придется: он уже облачен в белую форму, и все, что от него требуется, соответствовать ей. Однако в этот раз он поведет одаренную душу не к предводителю, а на Неказистый переулок, и пусть Солнечный Бог простит ему этот грех. Всю неделю Август собирал слухи и известия о том, где могут прятаться Пламенные люди. Он объезжал столицу вдоль и поперек, скакал по городу с рассвета до заката в поисках следов, что приведут его в нужный дом. В один из своих выездов он заметил подозрительно тихую хижину на западной окраине. Люди обходили ее стороной, словно в страхе быть замеченными на ее пороге. Окна хижины были забиты досками, а дверь обвешали двумя замками. Что-то скрывалось в стенах этого дома, и Августин прекрасно понимал, что именно. Поэтому он мчался на Рейджи к западу, чтобы вломиться туда и забрать Пламенного в рабство. Были сомнения, что там живет девушка; если Пламенным окажется мальчик, придется доставить его Галлиону. Но попытаться все равно стоило.

Когда люди видели бодро скачущего Избирателя, то разбегались по сторонам и запирались в своих комнатах. Были слышны молитвы, которые они тихо шептали, в надежде упокоить тех, кто скорее всего умрет после встречи с белесым всадником. Августин ненавидел свой острых слух за то, что мог слышать плач, молитвы и мольбы; а когда он показывался у жилых земель, он слышал только их. Люди, что

уже потеряли детей, друзей и близких, смотрели ему вслед тяжелыми, мертвыми глазами. Многие лица были знакомы ему, потому что в прошлые года он своими руками лишил их семьи. И вот он скачет вперед, чтобы вновь лишить кого-то семьи, но теперь не из-за поручения или долга Избирателя, а из-за сделки с Жучком, и от этой мысли было еще более гадко. Его всегда удивляло, что многие Пламенные оставались в столице. Неужто не лучше бежать? Без оглядки, на другие земли, далекие от Лиры, где Избиратели показываются не так часто. Разумеется, нет того уголка в королевстве, где не ступит нога обладателя белого плаща, но они всяко реже встречаются в захолустьях. И все же немало Пламенных, кто давно захвачен, были пойманы именно в столице. Судя по переписям, они рождались здесь чаще, чем на иных землях. Лира прочнее других связана с Солнечным Богом, а одаренные появляются на свет благодаря его воле. Тем не менее, если это правда, то воля Солнечного Бога несправедлива.

Августин спешил коня и выпрыгнул из седла. Вокруг – трущобы, скот, посевы и десяток загонов. Узкая тропа шла между домов кривой линией. Август прошел небольшой рынок с четырьмя продовольственным лавками, и торговцы пугливо спрятались за товаром, дабы лишний раз не смотреть на Избирателя. Он на них не обращал внимания; его внимание приковано к дому в один этаж, к которому прилагался небольшой курятник. Подойдя ближе к двери, он рассмотрел два массивных замка. Кто-то очень не хотел, чтобы

гости заходили вовнутрь. Двери были закрыть изнутри, но замки все равно, будто показательно, висели снаружи. Придется сносить дверь – думал он, и все же вежливо стучал по дереву, надеясь, что его впустят без сопротивления. В ином случае, в живых здесь никого не останется. Как бы долго он ни стучал, но дверь так и не открыли. Август заметил косые взгляды соседей, и тогда он понял, что будет ломать засовы. Грубыми пинками он проломил дыру, а затем дверь разлетелась в щепки. Курицы, словно в панике, кудахтали и махали пернатыми крыльями, пока Августин проходил в хижину.

Внутри было тихо и темно из-за забитых досками окон. Только свечи горели, и их было так много, будто он оказался в убранстве Солнечной церкви. В полумгле он разглядел старика, что сидел в соломенном кресле спиной к нему и нерасторопно качался. Был виден только его облезлый затылок с несуразными темными пятнами, ничуть не скрывающимися под покровом тонких седых волосинок. Старик был явно глух. Он продолжал тихо покачиваться, да что-то бормотать себе под нос.

Августин осмотрелся: увидел проход в спальню и узкий коридорчик к деревянному корыту с водой. Небольшая кухонька находилась по правую руку от него, и когда он зашел к столу, то увидел, как под ним прячется девочка. Она скрывалась за длинной скатертью, чьи концы возились на пыльных половицах. Август замер, рассматривая ее короткие рыжие косички и напуганные золотые глаза, устремленные в его

лицо. Молчание затянулось: почему-то Избиратель не мог его нарушить, а девочка вылазить из-под стола не спешила. Она вздернулась, когда раздался гортанный кашель старика, и только после выбежала из своего укрытия. Подбежав к деду, одаренная принялась гладить его плечи, пока тот кашлял так, что дрожали стены дома.

– Старость – вот та болезнь, которую твой дар не в силах исцелить, внучка, – прокряхтел старик сквозь кашель, и девочка положила горящие золотом ладони на его грудь. Она успокоила недуг, и кашель прекратился. Старику на вид под восьмой десяток лет. Августин наблюдал за ними, не позволяя себе слишком громко дышать. Пламенная повернулась к Избирателю и склонила голову. Уже знала, что будет дальше; видом она совсем ребенок, но порядок дел был ей понятен. Она родилась с рыжими волосами и золотыми глазами, а мужчина, стоящий перед ней, носит белые одежды, а значит судьба ее не пощадила.

– Не убивайте дедушку, господин, – прошептала та, делая мелкие шажочки к нему, – я пойду с вами. Дядя позаботиться о нем вместо меня.

– Как тебя зовут? – спросил Августин осипшим голосом. Девочка удивленно моргала, она знала, Избиратели такими мелочами обычно не интересуются.

– Фиона, – тихо ответила та, смиренно опустив глаза в пол.

– Сколько тебе лет? – снова задал вопрос тот, и девочка

снова удивилась.

– Одиннадцать лет, господин.

– Где твои родители? – любопытство Избирателя не могло ее не поражать. Она ожидала, что он молча окует ее в кандалы и уведет из хижины. Старик продолжал качаться на кресле.

– Мои родители испугались того, что у них родилась Пламенная дочь. Они отдали меня брату матери, и мы с ним остались жить у его отца.

Одиннадцатилетняя девочка тоже подойдет Жучку, подумал Августин, разглядывая ее силуэт. Он дождется, когда она станет по-женски привлекательной, и пустит ее в ход. Фиона будет ублажать господ, которые будут приходить в его владения на Неказистом переулке, и всю свою молодость она проведет в кровати рядом со старыми вельможами. Августин сглотнул, размышляя, какая жизнь будет снисходительнее к этой девочке – жизнь в домах Жучка или жизнь в конуре у богатых лордов. Что лучше, если будут использовать ее тело или ее дар? Нет, всякий из этих выборов сущий кошмар, понял Августин и ужаснулся.

– Не убивайте дедушку, – жалобно повторила та, протягивая тоненькие кисти рук, – я пойду, куда скажите, можете надеть оковы. Только не трогайте его.

У Августина сердце колотилось так, словно оно норовит вырваться через белый камзол. Он отшагнул назад, чувствуя легкое головокружение. Девочка шагнула еще ближе, вытя-

гивая руки и приглашая Избирателя их связать. Августин закусил щеку и прикрыл веки. Смотреть на маленькую Фиону было невыносимым испытанием.

– Фиона, ты где? – прохрипел старик, прекратив качаться на кресле. Тогда Августин понял, что он не только глух, но и слеп, – Дядя Лич скоро придет, а мы так и не приготовили ему обед. Сейчас твой старик отдохнет маленько, и мы возьмемся за поварешки.

– Хорошо, дедушка, – ответила Фиона, хотя старик ее не слышал. Чтобы он не остался без ответа, она подошла к нему и погладила по плечу. Старик смолк, и Фиона вернулась к Августину. Тот все также стоял, не зная, как он может забрать девочку у больного старика, чья жизнь наверняка зависела от ее дара.

– Пойдем, – сказал тот, протягивая ей ладонь. Он не вязал ее оковами или веревками, и это тоже не могло не поразить Фиону. Она взялась за его руку, и они покинули хижину, как отец и дочь, идущие на простую прогулку по рынку. Шли медленно, словно Избиратель оттягивал ее похищение, как мог. Он держал ее небольшую ладонь в своей, пока они брели к коню, и слышал ее тихие всхлипы. В этот раз он снова возненавидел свой слух.

Фиона остановилась, и Август повернулся к ней. Она рассматривала его лицо, но без страха или ненависти – было ясно, что она приняла неизбежность своего похищения.

– Ваш нос, господин, – указала та пальчиком, и Августин

нахмурился. Он коснулся носа и шикнул, когда противная ноющая боль прошлась по всей голове. Чертов Джуллиан сломал ему нос, и потому он до сих пор кровоточил. Фиона шагнула еще ближе, и Август застыл, наблюдая, как она тянет к нему горящую ладонь. Дотронувшись до переносицы, она исцелила все: кости срослись, и кровь перестала сползать на губы. Парень удивленно хлопал ресницами, понимая, что боль пропала. Девочка улыбнулась и вновь покорно зашагала к коню.

Они сели в седло, и Августин дернул поводья. Рейджи нехотя поскакал галопом, и Фиона прижалась к белому плащу, боясь, что свалиться на землю. Ни разу за свою короткую жизнь она не сидела на коне и даже видела их всего дважды.

– Вы привезете меня во дворец, господин? – спросила та, пока они выбирались с западной окраины.

– Нет. Мы поедем в другое место, – ответил тот, проглотив колючий ком, вставший поперек горла.

Фиона больше не говорила, а Августин не мог поверить, что он и правда отдаст ее в рабство Жучка. Эта девочка будет окружена похотью и развратом, насилием и болью. Совесть так громко протестует, что Августу не удается ее заглушить глупыми оправданиями. А вдруг Жучок не дождется ее зрелости? Вдруг он будет продавать ее детское тело также, как взрослое? Он посмотрел на Фиону через плечо и вновь ужаснулся. Круглое лицо с маленькими губами и маленьким носом было далеко от зрелости. Она такая хрупкая, что мо-

жет сломаться от одного толчка. Августин затормозил коня уже на подходе к Неказистому переулку и тяжело вздохнул. К черту Жучка. Он не позволит ему издеваться над ребенком.

Я найду другую – подумал Августин, разворачивая Рейджи по направлению ко дворцу – найду взрослую рыжую женщину. Ту, что не будет вызывать такую же жалость, как эта малютка. Он повез Фиону на королевский двор, чтобы отдать ее предводителю. Пусть лучше лечит знать, там ее дар пригодится больше. Многих Пламенных изъяли, отправив на войну, и лишние рыжие головы нужны лордам, оставшимся без них.

Так будет правильнее.

***

Августин вернулся ближе к ночи. Я дождалась его, пускай мои веки слипались, как только закат потемнел и обратился в призрачные сумерки. Присев возле камина, я ковыряла кусок хлеба и жевала мякиш, но не от голода, а от скуки. Мне нужно поговорить с Августом о письме, присланном Джуллианом, и о его сделке с Жучком, о которой я узнала по случайности. Парень никогда не славился открытостью и готовностью делиться своими тайнами, но надеюсь, в этот раз все будет иначе; мы пережили достаточно, чтобы не иметь секретов друг от друга. Когда послышалось ржание коня, я вста-

ла с кресла и пошла ко входу. Августин оставил Рейджи во дворе, а сам шел к дому, опустив голову. Уже отсюда мне виделось, что настроение у него поганое, и из-за него он, скорее всего, не захочет говорить. Август прошел мимо меня, даже не взглянув, и я пошла за ним следом. Он разлегся на диване, а я встала рядом, слушая его неспокойное дыхание.

– Августин… надо поговорить, – сказала я, но тот никак не отреагировал. Тогда я обошла диван, чтобы сесть в его ногах. Мы недолго молчали, прежде чем он соизволил ответить.

– Что-то важное? – его голос был низким и хриплым, и это убедило меня в том, что его настроение и вправду оставляло желать лучшего.

– Да, – я прочистила горло, раздумывая, с чего начать, и поняла, что лучше рассказать о письме, – Джуллиан оставил мне послание.

– Где оно? – вдруг вскочив спросил Августин. Он сел, выпрямив спину, и словно отрезвел, – что этот мерзавец хотел от тебя?

– Сообщил, что отправится на войну.

– Об этом я уже слышал, – выдохнул парень, возвращая голову на обивку дивана, – ты оставила его письмо?

– Нет. Сожгла.

– Правильно сделала, – кратко ответил тот и прикрыл веки.

– Это еще не все, – Августин посмотрел на меня сквозь

трепещущие ресницы, – я встретила человека, который назвался червем, копошащимся в южной земле. Он служит Жучку. Червь поведал мне, что Жучок ждет, когда ты выполнишь свою часть сделки, – Август уткнулся лицом в ладони и глубоко вздохнул. Мои слова, казалось, еще больше его удручили.

– Я и так знаю, что должен выполнить свою часть сделки. В следующий раз, если тебя будут докучать его черви, скажи, что я не забуду об этом.

– Но что ты пообещал ему? И ради чего согласился? – Август закусил губу, и я побоялась, что он опять начнет скрываться. Я положила ладонь ему на колено и мягко погладила, надеясь, что расположу его к откровениям. Он молча раздумывал, стоит ли мне знать об этой сделке, и попутно разглядывал мое лицо. Хотя в этой темноте, разбавляемой лишь зажженным камином, он мало, что мог увидеть.

– Я согласился принести ему в служение Пламенную душу взамен на сведения, где тебя искать. Без его помощи я бы не успел спасти тебя из плена Кая.

Это не та правда, которую я ожидала. Августин пошел наперекор своим принципам, когда решился на такой несправедливый обмен. Мне тяжело поверить, что Пламенная душа будет страдать в домах Жучка только ради того, чтобы я сейчас грелась в поместье Хорвата. Я открыла рот, но слова упрямо не хотели его покидать – я просто не знала, что ответить на это. Августин поднялся, присев возле меня, и по-

ложил ладонь на мою щеку.

– Не смей говорить, что я поступил неправильно, – сказал тот, словно читал мои мысли.

– Н-но, Август… Это ведь так…, – я вздохнула, качая головой, – это и правда неправильно. Вдруг ты совершил ошибку, согласившись на такой уговор?

– Ошибку? Не будь этой сделки, ты бы встретила смерть в плену у Кая, – он повернул мое лицо к себе, заглядывая в глаза с серьезностью, – я ничуть не жалею об этом. И я выполню свою часть.

– Ты обменял меня на другую ни в чем не повинную жизнь.

– И обменял бы снова, если бы встал такой выбор, – я поджала губы и хотела опустить голову, но Август держал меня за подбородок, не давая отвернуться.

– Ты уже отдал ему Пламенного? – Августин выглядел опечаленным, так что я и без слов поняла, что ответ «нет».

– Я отдам, как только найду подходящего, – он отпустил меня, и я смогла отвернуться, чтобы он не видел застывшей на лице грусти. Между нами повисла тишина, которую следовало нарушить словами благодарности; я ведь должна быть благодарна Августу за то, что он пожертвовал своими принципами ради меня? Я благодарна, безусловно. Но цена, что он назвал, казалась мне жестокой, и уверена, Августин тоже считает ее таковой.

Так ничего и не ответив, я ушла в спальню, оставив Авгу-

ста внизу в одиночестве.

Глава 3

Судно покачивалось на тихих волнах мягко – тому заслуга ясный день, безоблачный и чистый, несмотря на приход осенней поры. Безмятежность, застывшая над Бесславным морем, была удивительным подарком для всей флотилии. Не будь море таким покладистым всю неделю, хлипкие галеи, идущие в первой шеренге, превратились бы в груду досок. Джуллиан разлегся на смятых простынях и, блаженно прикрыв веки, потягивал терпкое вино из кубка.

Маленькая койка, стоящая в скромной каюте, казалась ему куда приятнее необъятных перин его дворцовой спальни. Одной пуховой подушки ему было достаточно, и он ничуть не скучал по десятку бархатных, что валялись на его кровати в столичным поместье. Доспехи тяжелее белой формы, но это неудобство напоминало о том, что он, наконец, живет, а не существует. Вот уже неделю Джуллиан бороздит по морскому простору и никак не может нарадоваться свободе, щедро дарованной ему советником. Первые три дня он не мог сойти с палубы; стоял, впитывая морской бриз, да разглядывая вздутые пурпурные паруса. Он не отрывал взора от бирюзовой линии горизонта: там, на границе с лазурным небосводом, мелькала дюжина вражеских кораблей, что покинули гавани в попытке защитить берег от высадки воинов. Паруса Роксинбурга были броскими: темно-красные,

как гранатовое вино в кубке Джуллиана. В середине красовался герб – двухголовая кобра, напустившая свой капюшон. Змеюка была вышита белыми нитками с зелеными вставками. Когда Джуллиан увидел знамена Роксинбурга, то не смог сдержать восторга – наконец он видит что-то помимо солнца в железных руках. Герб Эфирита ему знатно приелся за двадцать три года жизни в столице. Но еще приятнее было видеть, как вражеские знамена горят. Их двухголовая кобра превратилась в шматок красно-белой ткани, когда вторая флотилия выпустила бочки с кипящем маслом по их суднам. Это была стратегия, придуманная самим Джуллианом. Он поделил пятьдесят кораблей на три шеренги: первая шеренга, состоящая из десяти слабых и заросших лишайником галей, привлекла внимание врага и приняла на себя основной удар. На тех суднах было всего двести пятьдесят воинов, и кажется, все погибли, встретив шквал запущенных из катапульт снарядов. Вторая шеренга состояла из более сильных кораблей, что были снабжены воспламеняющейся смолой, бочками с кипящем маслом и тысячью солдатами во главе с генералом Фроссом. Они вступили в бой с уже ослабленным врагом, у которого припасов значительно поубавилось после первого захода. Вторая шеренга Фросса – тридцать кораблей – подбила двадцать вражеских суден и потеряла около ста воинов, а третья шеренга – оставшихся десять кораблей – смогла проплыть мимо останков без всяких потерь. Джуллиан расчистил путь для флотилии, которую вел собственно-

ручно. И теперь им оставались считанные сутки до выброса якорей на дно. Прибытие к берегам Роксинбурга стало делом времени, поскольку более препятствий на своем пути они не встречали.

Первые пятьдесят кораблей, пущенных на Роксинбург три недели назад, смогли подобраться к границам без бойни на море: враг попросту не ждал, что его берег окажется под угрозой. Гарнизон, видно, доложил о приближающейся флотилии в момент, когда сотня баркасов с тысячью воинов на борту уже высаживались у крепостей. Как и оповещал генерал Фросс, Роксинбург занят другой войной, и уж не рассчитывал, что его слабостью так подло воспользуется Эфирит, стоящий на другом конце Бесславного моря. Джуллиан рассуждал о том, что, должно быть, первая тысяча воинов с трудом пробивает оборону крепостей; тем не менее, его подмога не заставит себя ждать, и как только новая флотилия с ним во главе окажется у берега, крепость будет взята под контроль Эфирита. Джуллиан мечтательно вздыхает, предчувствуя неминуемую победу на кончике языка. Он вдоволь насладился зрелищем морской битвы, и потому ему не терпелось попасть в битву на суше. Много часов он потратил на книги, посвященных военной славе Роксинбурга: он бегло изучил их ранние победы, узнал больше о территории, которую они забрали больше века назад у Эфирита, и, конечно, прознал об их стратегии. Знание – сила не менее значимая, чем хорошие корабли и наточенные мечи. А на войне, жела-

тельно, обладать всем вместе взятым. Этому он научился у Алакина.

Джуллиан поставил кубок на тумбу и подошел к малому окошку каюты. Картина все та же, что и последние семь дней: незримые бирюзовые дали и колыхание ласковых волн, где происходил долгий и завораживающий танец солнечных бликов. Солнце – хороший знак, предвестник победы тем, кто служит Солнечному Богу. Он смиловался, когда одарил Бесславное море спокойствием, дабы дряхлые корабли первой флотилии не развалились еще до столкновения с врагом. Но, как заявляет сам Джуллиан, подачки Солнечного Бога ему не нужны. Твоя самоуверенность погубит тебя – сказала тогда Пламенная по имени Ханна, что сопровождала боевое судно. Джуллиан ответил ей, что порицания от бордельной девки, раздвигающей ноги за горсть монет, его не интересуют. Слухи о ее мастерстве в ублажении летали по всему кораблю, оттого моряки и солдаты смотрели на нее голодным глазами. Наверное все, кроме Джуллиана, желали отведать ее тела, забыв о даре, который нужен им на войне куда больше, чем ее лоно. И все же, женских касаний ему не хватало также, как прочим мужчинам; пока это был единственный недостаток, замеченный им на войне. А кровь от сражений лишь больше горячилась, и оттого хотелось выплеснуть мандраж в страсть. Неделя без прелюбодеяния давалась ему тяжко; Джуллиан даже не мог вспомнить, когда последний раз он столь долго держал свое мужское достоинство нетро-

нутым. До того, как высадиться на берег, он понял для себя – проблему нужно решать, пока похотливые мысли не стали отвлекать его от войны.

– Вы звали меня, сир Джуллиан? – в каюте показался невысокий паренек в плотной кольчуге, весом больше него самого, смуглый и с почти лысой головой. Моряк, сидящий у весел вместе с другими матросами.

– Да, Уилл, пригласи ко мне в каюту Пламенную, – махнул на него рукой Джуллиан, и парень, кивнув головой, пошел на поиски девушки.

Джуллиан никогда не думал о Пламенных женщинах, как о любовницах; они не вызывали в нем того же возбуждения, только резкое отвращение. Он не мог понять тех, кто берет одаренных, как и тех, кто фантазирует о соитии с ними – чего уж говорить о тех, кто за это соитие расплачивается мешками с золотом. Джуллиан никогда бы не поверил, что будет согласен на ночь с Пламенной, но нынче, они были единственными, кем он мог довольствоваться, поэтому он ожидал прихода рыжей девушки, попутно снимая с тела доспехи. Под ними у него оставалась хлопковая рубашка и длинные коричневые бриджи.

– Сир Джуллиан. Вы посылали за мной, – на пороге показалась Ханна. Она отвесила ему почтительный поклон, аккуратно улыбаясь одними концами пухлых губ. Голос ее лился медом, и было ясно, что голосом она соблазняла мужчин также умело, как своими изгибами. Джуллиан осмотрел ее

прямые рыжие патлы и скривился.

– Опять ты, – небрежно бросил он, и девушка вздернула бровь, – ты, что, единственная Пламенная на моем корабле?

– Нет, сир. Есть другая, – спокойно ответил та, и Джуллиан с облегчением выдохнул.

– Тогда позови другую.

– Почему? Неужто мое ремесло как-то сказывается на способностях исцелять? – ухмыльнулась та, поправляя тонкую бретель платья на своем хрупком плече, – пока я служила дому Луны, мой Пламенный дар никуда не исчез.

– Мне нужен не твой Пламенный дар, – фыркнул Джуллиан, хватая кубок с вином. Одним большим глотком он осушил его до дна, – мне нужна женщина.

– Я женщина, сир, причем умелая, – ухмылка на ее лице росла с каждым сказанным словом. Она скинула бретель с плеча и сделала шаг вперед, – я понимаю, для чего вам женщина. Поверьте, мои навыки поразят вас больше, чем навыки любой другой на этом корабле.

– Я не собираюсь касаться девушки, что ублажила порядком полусотни мужчин, – с отвращением сказал Джуллиан, и Ханна остановилась, – я и так с трудом принял рыжие волосы и золотые глаза, но соглашаться на шлюху я точно не стану.

– Вы многое теряете из-за своих предрассудков, – хмыкнула та, осматривая мужчину с ног до головы. Ей стало грустно от его отказа – таких красавцев, по ее мнению, еще нужно поискать. Хорошо сложен и высок, обладатель самых притя-

гательных изумрудных глаз из всех, что ей доводилось видеть. Молод, но уже успешен; тем не менее, она не стала спорить с господином, и, оставив неглубокий поклон, Ханна вышла из каюты, обещая прислать другую.

Джуллиан потянулся за графином, чтобы снова наполнить кубок. Он клялся себе не пьянеть и сохранить ясный рассудок до высадки на берег, но он собирался взять Пламенную, и на трезвую голову эта мысль давалась сложнее. Может, вино сгладит омерзение, которое он испытывает, когда представляет голую одаренную под своим телом.

В каюту зашла другая, как и обещала Ханна; видом ей не меньше двадцати, а лицом, не сказать, что уродка.

– К вашим услугам, господин, – поклонилась та, и Джуллиан затаил дыхание, когда вдруг понял, что ее рыжина напоминает ему волосы Леи. Такие же невнятные, похожие на ржавчину, длиной ниже грудей и лишенные огненного блеска, присущего Пламенным людям. Девушка была невысокой и тощей, и ее несовершенное тело снова напомнило ему о Лее. У нее бледная кожа и тускло-золотые глаза, печальные, словно вечно скорбящие.

– Как тебя зовут? – спросил Джуллиан, убирая кубок из рук. Он медленно шагал ей навстречу, разглядывая ее лицо с животным интересом.

– Пламенные нечасто произносят свое имя, ваша светлость. Обычно у господ нет к нему интереса, – тихо ответила

та, наблюдая, как мужчина подбирается к ней подобно хищнику.

– Мне интересно. Как тебя зовут? – повторил тот, встав к девушке почти впритык. От их близости ее одолевала неловкость.

– Лайла, – шепнула та, и Джуллиан положил ладонь на ее щеку.

– Дивное имя. Чем ты занималась в прошлом, Лайла?

– Служила лорду, что владел небольшим замком на земле Рудного Пролива, – Джуллиан обрадовался, что она не являлась очередной шлюхой.

– Давно служишь лордам? – продолжал опрашивать он, скользя пальцами по ее челюсти, шеи и ключицам. Он слышал, как сбилось ее дыхание, и видел, как страх мелькнул в золотых глазах.

– Так давно, что не смогу посчитать, сколько лет прошло, – она сглотнула, когда его пальцы ненавязчиво прошлись вдоль плавной дуги груди. На свой страх и риск Лайла отшагнула назад, и Джуллиан приглушенно хохотнул. Сама скромность – подумал тот, умиляясь с ее растерянности. Такие робкие и пугливые девицы всегда его привлекали.

– Ты услужишь мне, Лайла? – прошептал он, и девушка осмотрела его тело, пытаясь найти хотя бы маленький синяк, но его кожа была ровной, не задетой ни ссадиной, ни шрамом. Тогда ей стало еще страшнее.

– Но на вас нет ни царапины, господин, – дрожащим голо-

сом ответила та и встрепенулась, когда Джуллиан резко прижал ее к себе за талию.

– Мне нужно исцелить душу, а не тело, Лайла, – тягуче промолвил тот и развернул ее к себе спиной. Куда лучше взять ее сзади, чтобы она не раздражала его своими золотыми глазами. Он нагнул ее над круглым столиком, стоящим посреди каюты, и девушка вцепилась в дерево ногтями.

– Нет, господин, молю вас, не надо! – одаренная протестовала, извиваясь всем телом, но Джуллиан держал ее крепко, не давая вырваться. Одной рукой он придавливал ее загривок, а второй давил на бедро.

– Не рыпайся, и тогда тебе не будет больно, – пролепетал тот, но Лайла испугалась его слов так, что задергалась строптивее. Он поднял подол ее платья, а с себя спустил бриджи. Горячие слезы обжигали ее щеки, пока адская боль между ног сводила с ума. Ей казалось, будто в нее вошла стрела и разорвала нежные складки. Толчки Джуллиана были резкими, сделанными без всякой ласки, и от его грубости боль становилась лишь сильнее. Она плакала и умоляла его остановиться, хоть и понимала, что он ни за что ее не отпустит, какими бы истошными не были ее мольбы. Джуллиан хватал ее за ягодицы, а вторую руку запускал в копну ржавых прядей и наматывал их на кулак. Прерывистые вздохи выходили из его распахнутых губ, но их полностью заглушал скулеж Лайлы. Опустив глаза ниже, он заметил, как из ее лона течет густая кровь. Лишь на секунду он притормозил, осознавая,

что ему попалась девственница. Его вела не только похоть – его вела ненависть, и она захватывала его, когда он смотрел на рыжую голову. Он ни за что не подарит Пламенной ласки, и ей придется терпеть его жестокость до тех пор, пока он вдоволь не насладится ее муками.

Джуллиан развернул ее к себе лицом и одной рукой схватил за щеки. Сжав зубы до скрипа, он смотрел в ее заплаканные золотые глаза, и толчки его становились еще грубее. Странная помесь из желания и отвращения довела его до предела, и он толкнул девушку на спину, заливая ее платье своим семенем. Половой орган покрылся кровью вплоть до основания, будто он вытащил клинок из плоти врага. Лайла тряслась и рыдала, пока пыталась слезть со стола, но ноги ее ослабели настолько, что она упала на пол. Джуллиан смотрел на нее равнодушными, безжалостными глазами, пока натягивал обратно нижнее белье и бриджи. Девушка ползла к стене на четвереньках, и каждое ее движение отзывалось режущей болью внизу живота. Ее платье измаралось кровью; красные капли падали прямиком на доски.

– З-за что, господин…, – всхлипывала та на всю каюту, придерживая живот рукой. Из-за пережитого ужаса она напрочь забыла, что может избавиться от боли с помощью своего дара, но, когда разум прояснился, она тут же опустила горящие ладони на живот и лоно.

– Просто так, – Джуллиан хлебнул из кубка, посматривая в окошко. Море все также спокойно. Небо все также пылает

лазурью.

– Вы были так жестоки…, – шептала та сквозь слезы. Она исцелила себя и больше боли не чувствовала, но не могла прекратить плакать.

– Я умею быть гораздо учтивее, когда дело касается женского тела, – лепетал тот, принимаясь обкладывать свое тело доспехом, – но твоя Пламенная природа не заслуживает моей учтивости, – он посмотрел на нее холодными глазами, и они случайно пересеклись взглядом. Лайла тяжела дышала, прибиваясь к стене и поджимая под себя колени.

– Только из-за моего дара? – непонимающе проговорила та и зажмурилась, пуская больше слез по щекам. Ее прежний хозяин не был так жесток. Он никогда не трогал ее, и не просил ничего, кроме исцеления его больного желудка. Ей сильно повезло, ведь она даже не знала, что с Пламенными могут обращаться так скверно. Всю осознанную жизнь Лайла провела в высокой башне имений своего хозяина, но никогда не сталкивалась с тем ужасом, который испытала в этой каюте.

– Выйди вон, – отмахнулся Джуллиан, внезапно потеряв интерес к ее обществу, – покинь мою каюту немедленно.

Лайле пришлось подавить очередной всхлип и смиренно послушаться приказа. Когда она брела к двери на трясущихся ногах, придерживая низ живота, она чувствовала его ненасытный взгляд на своей спине. Утирая слезы, она оставляла кровавые разводы на своем лице; ее ладони перепачкались девственной кровью, и она ужаснулась, увидев свежие

красные пятна на пальцах. Джуллиан подошел обратно к столу и сморщился, заметив, что ее девственная кровь осталась и на полу его каюты. Гадость. Он никогда не любил грязь и беспорядок. Придется напрячь одного из моряков, чтобы он послужил ему поломойкой.

И все же, Джуллиан не отрицал сам для себя, что издеваться над Пламенной ему понравилось. Он и не подозревал, что брать златоглазых против их воли также приятно, как размышлять об их истреблении. Возможно, Лайле придется наведаться к нему в каюту еще несколько раз, пока они не прибьются к берегу. А возможно, когда они осадят крепость и займут ее, Лайла пригодится ему и там. Бедная Лайла – усмехался тот – я не отстану от нее до тех пор, пока не вернусь в Эфирит, или пока смерть не разлучит нас. От этих мыслей он почувствовал сладкий мандраж внизу живота, и только допив вино он смог унять возбуждение.

Просиживать весь день в каюте он не хотел, поэтому отправился наверх, на палубу. Джуллиану повезло, что морская болезнь не затронула его: он видел, как блюют пехотинцы, впервые за долгое время взошедшие на корабль. Их укачивало так, что цвет их кожи мало чем отличался от мутных вод снизу. Толкучка внизу и вверху корабля была ощутимой; чтобы перевести как можно больше воинов их пихали на судно, невзирая на нехватку спальных мест. Моряки и солдаты сидели толпами у бортов, прибивались к мачтам, другие теснились в трюмах, куда помещалось не менее пяти-

десяти человек. Только у Джуллиана была честь иметь личную каюту; еще она была у капитана, но, как слышалось парню, он ютился в ней не один, а с дамочкой.

– Почему Бог так жесток ко мне? Из всех кораблей меня занесло именно на твой, – бурчала Лиза, облокачиваясь спиной на мачту. Она задавалась этим вопросом еще с того дня, как впервые взошла на палубу. Невозможно передать ее огорчения, когда она увидела ненавистную ей белобрысую голову. До последнего надеялась, что он ей померещился; и вот уже неделю ей приходится терпеть его присутствие. Радует, что, хотя бы, отец далеко. Его место было на кораблях второй флотилии, вступивших в битву днем раньше.

Джуллиан широко улыбнулся, услышав знакомый дивный голосок. Лиза старалась избегать его общества, как бы он ни пытался завести с ней разговор, но теперь она не убегала и сама возжелала говорить.

– Неужто со мной соизволила беседовать моя дорогая Лиза, – лепетал Джуллиан, медленно поворачиваясь к ней. Лиза выглядела неважно: глаза уставшие, кожа серее пепла, волосы блестят сальным жиром. Плавание далось ей тяжелее, чем она на то рассчитывала. В первый день ее тошнило всякий раз, как волне удавалось сильнее ударить по боку судна; во второй день ее тошнило после ложки каши, а на третий день ее вывернуло от вида порубленного окуня. Вина тому морская непереносимость, и девушка никак не могла ожидать, что она будет такой явной. По сей день ее укачивало,

и ей приходилось держаться борта, чтобы не блевануть под ноги моряков.

– Я не хочу с тобой беседовать. Просто задаюсь вопросом, чем же я так не угодила Солнечному Богу, что даже на войне не могу от тебя избавиться, – хмуро ответила Лиза, и Джуллиан рассмеялся.

– Судьба сталкивает нас снова и снова. Быть может, нам суждено умереть в один день, держась за ручки? – забавлялся тот, наблюдая, как девушка подкатывает глаза так сильно, что, должно быть, видит свой мозг.

– Везде, где ступает твоя нога, Джуллиан, происходит произвол, – она отлипла от мачты и направилась ближе к нему, – ты отправил на верную смерть моряков первой флотилии. Сделал из них приманку, которую проглотил и пережевал враг. Мы потеряли больше двух сотен людей из-за твоей глупости.

– Глупости? Я отдал двести жизней, чтобы сохранить две тысячи, – хмыкнул тот, вздергивая светлую бровь на лоб, – это называется стратегия, а не глупость. Твой отец должен меня понять.

– Мой отец стоит во главе второй флотилии, и ты отправил его следом за другими на тот свет, – равнодушно ответила та, поскольку судьба отца ее ничуть не беспокоила.

– Уверен, генерал Фросс переживет каждого из нас. К твоему же несчастью, —Лиза тихо усмехнулась. Оставалась надежда, что он подох первым из всего экипажа, но она пони-

мала, что в словах Джуллиана было слишком много правды. Она видела впереди величавые крылья пурпурных парусов кораблей Эфирита, и насчитала ровно столько, сколько было с момента отправки. Ни одно судно второй флотилии не было потоплено, а значит отец цел и невредим. Их шеренгу окружали горящие обломки вражеских галей, с дырявыми парусами, напичканные трупами Роксинбургских моряков и воинов. Она вспоминала, как пару дней назад ей рассказали о том, что генерал Фросс повел людей по мостам на судна Роксинбурга и устроил там кровавое месиво. Своей рукой он перерезал больше сотни солдат, и ей верилось, что это были не байки, придуманные для славных песен, а самая настоящая правда.

– И все же я поражена тем, что ты с таким яростным рвением отправился на войну, Джуллиан, – она прервала затянувшуюся тишину и встала рядом с товарищем у обочины. Они упирались руками на борт, разглядывая чистое небо и блеск мелких волн.

– Просто ты плохо знаешь меня. Будь мы близки, ты бы понимала, о чем я грезил с юных лет, – ответил он, чувствуя, как пот струится по его вискам. Осень вблизи Роксинбурга ничем не отличалась от лета; не было не туманных зарей, не грузных туч, не прохладных ветров. Только жара, духота и непреклонно стоящий на небосводе круг яркого солнца. В доспехах переносить зной давалось еще тяжелее.

– Последнее, чего я хотела, так это сближаться с тобой, –

хмыкнула та, – таким, как ты, совсем не подходит жизнь на войне. Вокруг сплошь грязь, вонь и трупы. Нет ни красивых женщин, ни праздника, ни цветов. Вместо изысканных блюд – пресная похлебка и ломоть хлеба. Вместо драгоценностей – ржавая сталь. Меня поражает твоя готовность отказаться от роскоши, к которой привыкли твои глаза.

– Война для меня и есть роскошь, – довольно выпалил тот, расплываясь в улыбке, – придворная мишура радует сердце, но оставляет после себя пустоту. Война ее не оставит. Она насытит и даст истинную тягу к жизни. Ты, как дочь генерала, должна это разделять.

– Я не разделяю твоего восторга, – упрямо заявила та, и Джуллиан покосился на нее с вопросом.

– Тогда почему ты здесь?

– Потому что я дочь генерала, как ты и сказал.

– Дочери генералов выходят замуж за знатных рыцарей и лордов, а не воюют рядом с отцами.

– Просто ты плохо знаешь меня, – повторяя его же слова ответила Лиза, поворачивая к нему голову, – будь мы близки, ты бы понимал, почему я здесь нахожусь.

Она оставила его, чтобы прибиться к носу корабля. Там ее ждала не более радостная картина. У штурвала находился Харви Грейг, капитан судна, тот еще прилипала, который не давал ей проходу с того дня, как они вместе поднялись на борт. Харви оказался не таким уж неумелым: он ловко управлял кораблем, следил за порядком и, опережая флюгер,

всегда знал, куда подует ветер, знал, когда и в каком количестве нужно спустить паруса. Но попутно он успевал надоедать Лизе своим бесконечным трепом и наглой улыбочкой; еще дал ей место в своей каюте, лишь бы она не ночевала подле голодных до женщин мужчин. Впрочем, его предложение она встретила без возражений, и даже была ему благодарна. Они спали на разных койках, и тем не менее, за эту неделю сблизились больше, чем того хотелось. Проводили бессонные ночи за беседами, делили фляги пресной воды, и, порой, Харви помогал ей бороться с приступами рвоты. Благодаря ему переживать морскую болезнь стало не так тяжко. И каким бы навязчивым он не был, его поступки трогали сердце Лизы; еще ни разу мужчины не относились к ней с такой заботой. Рядом с ним она позволяла себе расслабиться. Разрешала ему гладить свои волосы, когда с опустошенным желудком валялась на койке, иногда засыпала, уронив голову на его плечо. Чем дальше был отец, тем меньше она боялась присутствия Харви.

– Ветер попутный, на радость морякам. Им не придется натирать мозоли на пальцах, держась за весла, – сказал Харви, когда Лиза подошла к нему на нос корабля.

– Думаю, их зады знатно окаменели, пока они гребли прошлой ночью, – ухмыльнулась та, и Харви выпустил смешок.

– Следующим вечером мы прибудем к крепости. Корабли Роксинбурга плыли к нам с запада, со стороны Золотой Жаровни, а значит Лучистая Гавань уже занята нашими вой-

сками, отправленным три недели назад, – подметил тот, рассматривая опустошенные галеи с красными парусами. Они были далеко и успели превратиться из грозных морских чудищ в жалкие щепки.

– Ох, избавь меня от разговоров о войне, – отмахнулась девушка, свесив голову. Снова ее желудок сжался в тиски. Этим днем она не ела и не пила, и не могла понять, отчего ее желудок собирается отчиститься.

– Этих разговоров станет только больше, когда мы спустимся на берег, – грустно улыбнувшись ответил Харви, и Лиза подняла на него уставшие глаза.

– Ты не спустишься на берег. Ты капитан, твое место здесь.

– Я не буду просиживать задницу на палубе, пока ты сражаешься, – хмуро ответил парень, – с нашим приходом крепости попытаются осадить красные воины. Бойня неизбежна.

– Знаю, поэтому ты останешься просиживать задницу на корабле, – ответила та, и Харви вылупил на нее глаза.

– Это приказ, госпожа Лиза? – ахнул тот, посмеиваясь, – ты привыкла брать борозды управления в свои прекрасные руки, но я капитан корабля, а значит приказывать здесь могу только я.

– И что же мне прикажет делать капитан корабля? – ухмыльнулась Лиза, пересекаясь с ним взглядом. Он осматривал ее болезненное лицо с беспокойством.

– Я приказываю тебе пойти вниз и попить воды, пока коньки не отбросила, – ответил тот, убирая с ее лба слипшиеся черные пряди.

– Пока мы стоим на море не будет того места, где мне полегчает, – выпрямившись сказала Лиза и глубоко вздохнула. Надеялась, это поможет ей почувствовать себя лучше, но от влажного, пропитанного солью, воздуха, ей становилось только хуже.

– Иди уже, – толкая ее в плечо усмехнулся Харви, – внизу тебе будет всяко лучше. Не могу смотреть на твое умирающее лицо.

– Что, уже надоела тебе? – ухмыльнулась та, и Харви снова толкнул ее в плечо, отводя смущенный взгляд в бок.

– Я понесу тебя в каюту на руках, если ты продолжишь нести чепуху, – пригрозил капитан, и тогда Лиза цокнула, но послушалась его просьбы. Она шла вниз, разглядывая величавые мачты, запрокинув голову. Корабли с тремя мачтами – редкость. Они больше, маневреннее, и плывут быстрее, чем другие. У Эфирита не так много кораблей, где больше двух мачт, и, как заметила Лиза, у Роксинбурга тоже. Это дает какую-никакую веру в их победу на море.

Лиза спустилась на корму, где толпились умирающие от жажды и жары воины. Она шла мимо них, отпугивая мужчин своим тяжелым взглядом. Пускай в долгом плавании женщин им не хватало, дочери генерала Фросса никто не докучал – кроме Харви, разумеется. Она шла к каюте капитана и

встретила на пути Пламенную; имени ее не знала, как и имени второй. Пламенные девушки носились всю неделю возле солдат, которые умудрялись травиться рыбными деликатесами. Из-за них они гадили, как в последний раз, но благодаря исцелению, хотя бы не помирали. Рыжая девушка остановилась перед Лизой, осматривая ее лицо с дотошностью.

– Отойди, – бросила Лиза, когда та перегородила ей дорогу. Пламенная не послушалась, еще и подошла поближе, разглядывая посиневшую кожу девушки своими золотыми глазами.

– Вам плохо, – сказала та, и Лиза пустила смешок.

– Удивительная наблюдательность, – саркастично ответила она, отодвигая Пламенную в сторону.

– Я могу помочь, – оказавшись за спиной Лизы вякнула Лайла, нервно перебирая пальчиками юбку.

– Чем ты поможешь? От морской болезни нельзя излечить, – устало выдохнула Лиза, посматривая на нее через плечо.

– Я могу облегчить вашу болезнь, – неуверенно промямлила та, и Лиза нахмурилась, заметив кровавые пятна на ее платье. В целом, Пламенные всегда измазаны чьей-то кровью, но эти засохшие разводы, как чуяла Лиза, принадлежали самой Пламенной.

– Ладно, – сдалась та, качнув головой в сторону каюты, – иди за мной.

В каюте капитана было просторнее, чем в любой другой:

здесь помещались две койки, десяток подсвечников, широкий стол с цветной картой и второй стол поменьше, на котором лежали пиалы с фруктами. Лиза разлеглась на простыни, а Пламенную пригласила сесть рядом. Не став тратить времени на разговоры, одаренная приступила к исцелению; она водила светящимися ладонями вдоль живота Лизы, касалась ее лба и затылка, и головная боль, ненавязчиво держащаяся девушки на протяжении всего путешествия, отступила. Как Пламенная и обещала, ей стало легче, но с тем Лиза понимала, что это продлится недолго, скорее всего до первой встряски.

– А ты не солгала. Мне правда лучше, – протянула Лиза, садясь прямее. Даже мысли ее прояснились, когда морская болезнь стихла.

– Это моя работа, – робко улыбнулась девушка, не отрывая глаз от пола. Лиза закусила губу, подумав, что ей стоило бы отблагодарить ее; но всякие слова благодарности всегда с трудом покидали ее рот. Это было испытанием не меньше, чем просить прощения или делать кому-то комплименты.

– У тебя на платье кровь. Откуда? – сощурившись спросила та, и Пламенная тотчас встревожилась.

– Один из моряков чистил рыбу без нужной аккуратности и случайно пересек лезвием свою ладонь. Испачкалась, пока затягивала ему рану.

– Ты лжешь, – вдруг заявила Лиза, не прекращая презренно осматривать ее лицо. Лайла распахнула губы, не зная, как

ей оправдываться.

– Почему вы так решили?

– Еще неделю назад я была Избирателем, – от ее признания девушка покрылась мурашками. Любой, кто рождается с даром, боялся этого слова – «Избиратель». Люди, подобные ей, однажды убили мою семью, думала та, посматривая на Лизу, – ты знаешь, что Избирателей провести не так просто.

– Знаю, – прошептала Лайла, вновь опустив глаза, – но я бы не хотела говорить, откуда на мне кровь.

– А что такого? Ты, что, успела убить кого-то? – усмехнулась Лиза, и Пламенная надулась, пока яростно отнекивалась, – я шучу, не суетись так.

– Раз вам стало лучше, я пойду, – она поднялась с койки, но Лиза остановила ее. Подумала о том, что ей не хватает приличной компании для досуга. Ее окружали незнакомые люди, с кем общение не клеилось настолько, что она начинала скучать по временам, когда просиживала часы с Роландом в таверне, когда выходила на задания с Августином и болтала о мелочах с Мирой. Эта Пламенная казалась ей вполне пригодной для беседы, и она надеялась, что разговор с ней отвлечет ее от мыслей о войне и отце.

– Подожди. Расскажи мне свою историю, – выпалила черноволосая, и Пламенная удивленно похлопала ресницами. Этот день преподносит ей все больше сюрпризов, – когда тебя похитили Избиратели, или кем был твой отец – хоть что-нибудь.

– Вы уверены, что хотите тратить время на разговор со мной, госпожа? – тихо проговорила та, пока Лиза устраивалась поудобнее.

– Куда нам спешить? Мы стоим на море. Врагов поблизости нет. Уверена, тебе так же скучно, как мне.

– Все утро я забочусь об экипаже, госпожа. У меня нет возможности скучать.

– Думаю, сейчас ты сказала слов больше, чем за всю жизнь своего служения. Можешь угоститься фруктами, если хочешь, – не отступала Лиза, и Пламенная сдалась, восприняв ее просьбу за приказ. Она присела обратно на койку, пытаясь вспомнить свою жизнь до того, как Избиратели похитили ее.

– Я родилась в бедной семье. В столице. Мне было немного лет, прежде чем Избиратели пришли за мной, но думаю, это вас не удивит. Моих родителей убили за сопротивление, но хотя бы пощадили брата. Не знаю, как сложилась его судьба, но надеюсь, он в полном здравии.

– Кем был твой брат?

– Я запомнила его простым ребенком, не знаю, кем он стал в зрелости, – девушка мягко улыбнулась, вспоминая лицо мальчика, что уже наверняка изменилось, превратившись в лицо мужчины, – Дарлин с рождения был сильным, заботливым, но упрямым. Много лет я думала, что он не оставит меня в рабстве. Может, просто надеялась, что он заберет меня однажды, и, честно говоря, до сих пор надеюсь.

– Твой брат… Дарлин? – не скрывая шока произнесла Ли-

за, – Дарлин Рифер?

– Да, – в замешательстве ответила Пламенная, а после точно воссияла, – вы знаете моего брата? – она, сама того не заметив, схватила Лизу за руки, – вы можете рассказать мне о нем?..

У Лизы пересохло во рту, когда она вспомнила, как тащили труп Дарлин из дворца. Ее взгляд притупился, пока она пыталась поверить в то, что у полководца Дарлина – Пламенная сестра. Все это казалось ей слишком невероятным и до невозможного печальным. Стало понятно, почему он так рвался в бой, почему примкнул к Хорватам и возглавил мятеж. Неужто ради тебя, девчонка, думала Лиза, разглядывая ее золотые глаза, смотрящие в ее с надеждой.

– Как тебя зовут? – спросила Лиза, сглотнув остатки слюней.

– Лайла. Но это неважно, – девушка поднялась на ноги, расхаживая по каюте, – я хочу знать, как сложилась жизнь моего брата. Госпожа, расскажите, если вам не в тягость.

Но Лиза осознавала, что ведать правду о кончине Дарлина будет ей в тягость. Она сама до сих пор не может принять, что он погиб, пускай их знакомство не продлилось долго. Как рассказать этой девчонке о том, что ее брата убили, а труп выставили на главной площади на всеобщее обозрение? Пускай сердце Лизы соткано из камня, ее язык не поворачивался нарекать Дарлина мертвецом. Тем более, его родной сестре.

– Твой брат… Твой брат самый храбрый из всех мужчин,

которых мне доводилось знать, – выдавила из себя Лиза, и Лайла улыбнулась.

– Он всегда был таким…

– Дарлин превосходный воин. Даже генерал Фросс называл его достойным, – продолжала говорить она, потирая ладони, – уверена, он принесет еще ни одну победу Эфириту.

– Правда?…– ахнула Лайла и почувствовала, как глаза намокают от слез. Она смахнула влагу с ресниц, улыбаясь дрожащими концами губ, – я так рада за него. Может, он где-то рядом? Вы не знаете, на какой корабль его сослали?

– Не знаю, – прокусывая губу до крови ответила Лиза, не решаясь поднимать взгляд на Пламенную, – знаю, что он не на нашей флотилии. Лучше не рассчитывай на встречу с ним.

– Понимаю, – кивнула головой Лайла, – мне достаточно знать, что он справился со своей утратой. Ваши слова успокоили меня, госпожа.

Лиза попробовала улыбнуться, но вышло коряво, так еще и ранка на губе защипала. Она разрешила Пламенной уйти, и та покинула каюту, сверкая улыбкой. Давно Лайла не улыбалась, и даже подумывала о том, что забыла, как это делается. Лиза смотрела в закрытую дверь, ощущая непонятную пустоту. После разговора с Пламенной ей стало пусто и тяжело одновременно; что это, скорбь, жалость, тоска? Может, она сделала только хуже, утаив от Лайлы правду о смерти ее брата? Ее брат – мятежник, ставший изменником короны.

Она взяла со стола флягу и сделала маленький глоток воды, чтобы избавиться от сухости. Было бы лучше, будь в этой фляге сидр, а не вода.

– Тебе не полегчало? – спросил Харви, нагрянувший в каюту. Он стоял за ее спиной и видел, как она опирается о стол, склонив голову.

– Полегчало. Пламенная помогла мне, – понуро ответила та, и Харви зашел вглубь, прикрывая двери.

– А выглядишь чуть ли не хуже, чем час назад.

– Все в порядке. Просто…, – Лиза повернулась к нему, поджимая губы, – Пламенная, попавшая на наш корабль, сестра Дарлина.

– Что? – выпалил Харви, – сестра Дарлина одаренная?, – Лиза кивнула, и парень заметно обомлел, – ты сказала ей, что он мертв?

– Нет.

– Почему? Ей стоит знать, что ее брат погиб, как герой.

– Ее брат погиб как изменник, поднявший мятеж против короля, Харви, – надломившимся голосом ответила Лиза, и парень заметно просел, – вот, что она услышит, если поведать ей правду.

– Она должна знать, что он сражался за нее, – Харви обвел затылок Лизы смягчившимся взглядом, но та оставалась непреклонной.

– Я не хочу возлагать на себя это бремя. Можешь сам рассказать, если хочешь.

Они оба замолчали, слушая неспокойное дыхание друг друга. Харви посмел шагнуть ближе, вытянув руку, но замер, когда Лиза обернулась и сама подошла к нему. Неуверенно, противясь самой себе, она протянула к нему руки, чтобы обнять. Парень боялся громко вздохнуть, лишь бы не спугнуть ее. Она положила голову ему на грудь и прикрыла веки. Тепло его тела, даже в морской духоте, казалось ей приятным. Запах его пота за эту неделю стал роднее, чем запах крови. Его льняная рубаха насквозь промокл, и Лиза чувствовала, как ткань прилипла к ее щеке. Харви гладил ее спину невесомо, почти неощутимо, а она осознавала, что в его объятиях ей уютнее, чем в стенах дома. Лиза казалась ему дикой кошкой, которую можно прогнать случайным взмахом руки, поэтому он не позволял себе лишний раз шевелиться, чтобы она вновь не убежала.

Они стояли в обнимку долго, и сами не заметили, как летит время; их прервал молодой матрос, что ворвался в каюту капитана без стука. Лиза мигом отпрянула от Харви, отворачивая покрасневшее лицо от нежданного гостя.

– Уилл, черт бы тебя побрал, почему ты не стучишься, прежде чем зайти к капитану? – ворчал Харви, но Уилл был таким взволнованным, что он ненароком напрягся.

– Прошу прощения, капитан Грейг, но дело важное.

– Что случилось? – нахмурился Харви, пока Уилл пытался отдышаться.

– Мы заметили не меньше пятнадцати кораблей, плыву-

щих с запада, – тараторил он, утирая смуглый лоб от пота, – красные паруса с двухголовой коброй ведут их.

– Разве вторая флотилия не разбила их корабли? – непонимающе сказал Харви, и Уилл резво закивал головой.

– Все верно, капитан, эти корабли отплыли следом за разбитыми.

– Ясно, – Харви переглянулся с Лизой, – вторая флотилия уплыла слишком далеко. Мы должны дать бой без них. Выгружайте баллисты и снаряжайте катапульты. Сир Джуллиан получил вести?

– Да, капитан. Он уже поднимает пехоту.

– Я встану у штурвала, а ты скажи морякам, чтобы садились за весла. Направь двадцать человек к мачтам, чтобы опускали паруса. Чем быстрее мы подплывем к их кораблям, тем быстрее сможем атаковать.

– Подожди, Харви, разве не лучше плыть быстрее до берега, чем вступать в бой? – встряла Лиза, шагая следом за капитаном.

– Мы не успеем доплыть до берега, и тогда их корабли будут бить сзади, – они шли от кормы к верху, попутно примечая, как засуетились солдаты; одни тянули наверх снаряды – каменные глыбы – другие хватали щиты и мечи, третьи тащили луки и стрелы со смоляными наконечниками для обстрела огнем.

– На абордаж! – крикнул Харви, встав на палубу, – курс

на запад, готовить мостки, достать тросы и дреки.

Лиза подбежала к левому борту. Она видела длинную линию галей, возникшую словно из ниоткуда на горизонте. Пышные алые паруса надвигались, как кровавый закат. Корабли плыли формой острия копья – впереди два судна, затем пять, а в конце восемь. Пятнадцать кораблей против наших десяти – проговорила Лиза одними губами – это неравный бой. Корабли Эфирита повернулись носами к врагам, и моряки, сев на весла, принялись резво грести под боевой клич. Моряки рубили тросы, выпуская паруса под попутный ветер. Соседние судна ускорились и выкатили осадные сооружения на палубы, загрузив их всем, что было под рукой; когда герб двуглавой гадюки показался настолько близко, что закрыл собою солнце, горящие горшки с маслом дождем полетели на их мачты. Четырехрогие якоря бросали на чужой борт, чтобы скрепиться и не дать ему сбежать от атаки. Корабль Харви сцепился с кораблем Роксинбурга, и вскоре были сброшены мостки.

– Лиза, чего стоишь, разинув рот? Вперед! – неспокойный голос Джуллиана вывел ее из мыслей, и, обернувшись, она увидела его, экипированного с ног до головы. Джуллиан дал команду лучникам натянуть тетиву, и как только три вражеских корабля оказались в ловушке, он просигналил пустить стрелы. Град пущенных снарядов опустился железной лавиной на головы врагов. Воины Роксинбурга не имели мощной брони – погода в их государстве была жарче, чем в Эфирите,

потому вместо плотных кольчуг они носили латы из кожи, защищающие грудь, ноги и руки. Лиза достала ножны, когда по мосткам побежали враги. Два меча в ее руках лежали по-обыденному крепко. Оставалось делать то, что у нее получалось лучше всего – сражаться.

Лиза не была защищена таким же изящным доспехом, как Джуллиан; вместо него она носила рубашку, наподобие Харви, но благодаря службе в Избирателях ей и не требовалась особая защита. Она билась без щита, шлема, нагрудника: Лиза летала по судну от одного врага к другому, орудуя клинками с таким мастерством, что противники не успевали даже взмахнуть мечом перед ее лицом. Первый пал от ее руки, когда она ударила так, что снесла ему голову; второго она пнула к борту и выпотрошила ему брюхо, а третьему отрубила руку, когда он замахнулся на моряка Уилла. Джуллиан бежал по мостку на корабль врага, ведя за собой полсотни человек. Он рвался в гущу сражений, улыбаясь и ликуя так, будто он развлекается, а не воюет, а каждый, кто попадался ему на пути, лишался конечностей, не успев моргнуть глазом. Судно Харви опустело, когда воины перенеслись под горящие паруса Роксинбурга. Несмотря на огонь и бесчисленное количество врагов, Джуллиан без всякого страха носился по их палубе, даже когда за его спиной раздавались предсмертные крики его солдат. Другие корабли Эфирита таранили корабли Роксинбурга, и тогда воины летели за борт. Джуллиана покачнуло и чуть не выбросило в море, когда один из кораб-

лей влетел в судно, где бился он. Его нагрудник смялся от удара мачете одного из солдат, и Джуллиан схватил того за плечо и выбросил в воду, будто он был не тяжелее графина вина. Второй солдат чудом смог полоснуть ему щеку, и тогда Джуллиан выбил из его руки меч и отправил за прошлым в море. Глубокий порез рассек ему скулу, и кровь окрасила левую часть лица. В ушах звенело от криков, взрывов и лязга мечей. Он видел, как тонули два корабля с пурпурным парусами. Роксинбургцы пробили их пятью булыжниками, и те медленно шли на дно. Еще один корабль был захвачен врагами; красные люди встали за штурвал и перебили всех, кто находился на палубе. Он шел вперед, к штурвалу, чтобы крутануть руль и направить вражеское судно на погибель вместе с солдатами. Джуллиан собирался потопить сразу два корабля, и, если Бог смилуется над ним, он успеет перебежать на свой. Иначе он упадет в море, а доспехи не позволят ему выплыть, утянув на дно.

– Рубите тросы с дреками! – кричал он солдатам, – отцепить это судно от нашего корабля!

Пока он шел к рулю, его спину прикрывали союзники, и меч его входил в каждого, кто встречается ему на пути. Он сбился со счету, сколько полегло от его ударов, а взор его мутнел и размывался от мандража. Порой казалось, что его телом управляет кто-то другой; он даже не замечал, когда ему под ноги падали люди. Встав у штурвала, он резко дернул руль, и корабль развернулся с такой силой, что Джулли-

ан потерял равновесие и покатился к борту; его воины бежали к мосту, и он, встав на ноги, бежал следом за ними. Мост отсоединился от его корабля, и тогда Джуллиану пришлось прыгнуть, чтобы не погибнуть вместе с экипажем; но он успел зацепиться за борт только пальцами и теперь висел, посматривая вниз, на трепещущие волны, по которым прыгали трупы, и уже думал, что окажется рядом с ними. Ему не хватало сил, чтобы подтянуть себя выше, и он рассчитывал, что его бездыханное тело будет плавать среди обломков, павших воинов и голодных рыб. Но вдруг его руки схватили, и некто потащили его ввысь.

– Идиот, что ты натворил! – сквозь сжатые зубы цедила Лиза, пока они с Харви пытались вытянуть его на палубу. Он подтянулся, и вскоре его выбросило на пол. Солдаты, не успевшие добраться до своего корабля, летели в море, но многие погибли, когда судно, направленное Джуллианом, врезалось в судно Роксинбурга. Джуллиан встал и, не успев отдышаться, посмотрел, как корабль, который он отправил по курсу ко второму, мощно таранит бок. Красные солдаты Роксинбурга сыпались за борт, как зерна из порванного мешка.

– Обменял сотню жизней наших на три сотни жизни врага, – пожал плечами тот, пока Харви бежал за штурвал. Джуллиан видел, как по палубе бегают две Пламенные, исцеляя раненных, чудом выживших после атаки Роксинбургцев. Трупы врагов сбрасывали в море моряки. Харви вел судно

ближе, но видел, как еще один Эфиритский корабль захватывают враги. Еще один потонул, и на волнах тлел необъятным ковром пурпурный парус. В этот момент капитан понимал, что битва будет проиграна.

– У нас осталось только два корабля. Наш и корабль капитана Фрайма, – тараторил он, видя, как на маленьких шлюпках к его кораблю подплывают выжившие союзники, что бежали с потопленных. Радует, что уцелевших людей не меньше, чем убитых.

– Плевать, – рыкнул Джуллиан, подходя ближе к Харви, – плыви к ним. Мы дадим бой каждому.

– Это самоубийство, – сказал ему Харви, но тот оставался непреклонным.

– Ты предлагаешь нам бежать? – оскалился Джуллиан, – не очень благородно для капитана.

– Они возьмут нас в клещи.

– Я убью всех, кто носит красные кожаные латы, Грейг, – пригрозил он, – не смей сомневаться в моих указах.

Харви стиснул зубы, но повел корабль вперед. Лиза прибежала к ним, вся покрытая кровью – теперь она мало чем отличалась от воинов Роксинбурга.

– Джуллиан, что ты удумал? – встряла она, – ты хочешь нашей смерти?

– Я хочу, чтобы вы перестали быть слабаками, – плюнул он, тяжело вбирая воздух через раздутые ноздри, – Грейг, плыви на запад, пока я тебя не скинул в море и сам не взял

управление.

Капитан хотел возмутиться, но их спор был прерван гудением боевого рога. Они замерли, когда звук оборвался и вновь повторился. Дружно повернув головы вперед, они увидели приближающуюся вторую флотилию под командованием генерала Фросса.

– Не может быть, – ахнул Грейг, прибиваясь к носу корабля, – они должны были уже доплыть до берега.

– Видимо, поменяли курс, когда дошли вести о битве, – ответила Лиза, разглядывая надутые пурпурные паруса с мерцающим золотым гербом Эфирита. Генерал Фросс вел флотилию прямиком на врагов. Стоял на носу, горделиво задрав подбородок и обнажив громоздкий меч. Под его руководством было тридцать кораблей, и они рассекали волны, надвигаясь на корабли Роксинбурга подобно шторму. У вражеских войск из пятнадцати суден осталось только восемь, и они попали в ловушку, когда генерал перекрыл им пути отступления своей шеренгой. Лиза опустила голову и ушла с носа корабля, понимая, что благодаря отцу их битва будет выиграна. Он спас их, и она надеется, что генерал не будет злорадствовать, когда они высадятся на берег.

Закат опустился над морем, превратив бирюзовые волны в розовые; бойня окончилась победой Эфирита. Враги были перебиты, а их корабли разрушены. Уцелевшие судна были взяты под контроль генерала Фросса, и красные паруса заменились на пурпурные. Выжившие вояки праздновали по-

беду, наглотавшись разбавленным вином и элем, а к ночи в каютах стоял такой шум, что он заглушал колыхание моря. Они пили за победу, за короля, за генерала и за сира Джуллиана, который провернул одну из самых опасных авантюр. Но сир Джуллиан не присоединялся к их празднику, предпочитая ликовать в одиночестве. Он сбросил с себя доспехи, оставшись в рубахе и бриджах, и лежал на простынях, прикрыв веки. Кровь бурлила и кипела после сражения, и даже второй кубок вина не мог ее утихомирить. Эйфория, нахлынувшая после тяжелого дня, разливалась по венам. Джуллиан почти заснул, но его взбодрил пришедший в каюту моряк Уилл.

– Сир Джуллиан, я здесь, чтобы доложить о потерях, – заявил моряк, но рыцарь махнул на него рукой.

– Уилл, вместо того чтобы праздновать победу, ты докучаешь меня своими подсчетами. Разве это дело?

– Но это важнее празднований, сир, – похлопал ресницами тот, – я уже доложил сведения капитану Грейгу и обязан доложить их вам.

– Ладно, валяй, – вздохнул Джуллиан, поднимаясь на локтях.

– Мы потеряли пять сотен солдат. Три сотни тяжело ранены, но Пламенные уже вернули их в строй. На наших флотилиях сейчас одна тысяча пятьсот солдат, больше половина отплыли на корабли генерала Фросса.

– Славно, – бросил тот, не имея к цифрам никакого инте-

реса, – это все?

– Да, сир.

– Тогда иди и напейся, Уилл, – фыркнул Джуллиан, – и мне заодно принеси чего-нибудь приличного.

– Завтра вечером мы высадимся на берег, лучше сохранить свежую голову, – уперся Уилл, – но я принесу вам графин вина, если есть непреодолимое желание.

– Есть, – кивнул Джуллиан и задумался, чего бы ему хотелось еще. Он тронул свою щеку и шикнул, когда рана на лице защипала. Надо же, он совсем о ней позабыл. Наверное, останется шрам, но шрамы красят мужчин, думал тот. И все же, залечить это безобразие необходимо, – Уилл, пригласи ко мне Пламенную.

– Какую из них? Любую?

– Нет. Ту, что носит имя Лайла.

Он довольно улыбался, предвкушая встречу с девушкой. Должно быть, она будет протестовать до последнего, когда услышит, что ее зовут в его каюту. Он встал, чтобы подойти к окошку и увидеть тысячи звезд, цветущих на синем небе. Надо же, он даже не скучает по своему поместью, в котором души не чаял. Давненько он там не появлялся; после вестей о беременности Евы ему приходилось быть рядом с ней во дворце. Женевьева… Любимая женушка наверняка пролила немало слез за эти дни. Он, однако, не разделяет с ней горечи, и даже, как бы грустно это ни звучало, вовсе по ней не скучает, как и по своему поместью. Признает, что ему тоск-

ливо сражаться без Августа – как бы легко давались победы, будь он рядом. Биться плечом к плечу с близким другом приятнее, чем в одиночку. Сейчас они бы пили вино, восторгаясь битвой, и обсуждали бы осаду берега. Но, увы, Августин далеко, мечется по столице пытаясь свергнуть Алакина, и больше он ему не друг. И не скучает по нему, как Джуллиан не скучает по Женевьеве. Как это все гадко, думает Джудлиан, но отвлекается от своих размышлений, когда в его каюту вваливается Пламенная. Ее буквально затолкнули, а руки затянули веревкой. Несложно догадаться, почему: вряд ли она воровала еду или пыталась кого-то убить, скорее всего она так прытко сопротивлялась, что ее пришлось доставить связанной.

– Сир Джуллиан, Пламенная к вашим услугам, – оповестил Уилл, придерживая ее за плечи. Девушка дергалась, посматривая на рыцаря стеклянным глазами, – она пыталась спрятаться, когда узнала, что вы зовете ее. Пришлось обмотать руки веревкой.

– Развяжи ее, – усмехнулся Джуллиан, и Уилл разрезал узел на ее кистях кинжалом. Пламенная пыталась сигануть к выходу, но Уилл перегородил ей путь, – оставь нас.

Моряк вышел, закрыв дверь. Пламенная бросилась к ручке, но поняла, что Уилл держит дверь снаружи. Ей было так страшно, что она не решалась повернуть голову к Джуллиану. Беспомощно стучала ослабевшими кулачками о дверь, моля выпустить ее отсюда.

– Нет… прошу, – шептала та, услышав шаги, устремленные в ее сторону.

– Ну что же ты, Лайла, не стоит так переживать, – лепетал Джуллиан, опустив свои ладони на ее плечи. Его грудь прислонялась к ее спине и макушке вплотную. Она тихо плакала, понимая, что этот вечер будет еще сквернее, чем утро.

– Вы снова будете издеваться надо мной, господин?, – проговорила та дрожащими губами, но в ответ услышала тихую усмешку.

– Еще никогда женщины не называли страсть со мной издевательством, – проговорил тот, но вспомнил лицо Леи и смолк, – … Хотя, была одна такая, – потом он вспомнил Лизу и снова притих, —… Ладно, две таких.

Он взял книгу, в которой хранились письмена о Роксинбурге, и прошел к своей койке. Лайла пребывала в замешательстве, пока наблюдала за тем, как он перелистывает страницы, задумавшись о чем-то. Трогать ее не спешил, и тогда она вовсе растерялась. Зачем ее сюда притащили? Неужто только для того, чтобы она посмотрела, как он читает? Он бегло проходился по строкам, поглаживая листы пальцами, молчание в каюте затянулось на долгие минуты. Длилось оно до тех пор, пока Джуллиан не поднял изумрудные глаза на Лайлу.

– Излечи меня, – потребовал он, указывая на свою порезанную скулу. Лайла неуверенно зашагала к нему, молясь всем Богам о том, чтобы это был единственный приказ от

него за сегодня.

Сев рядом с мужчиной на простыни, она коснулась горящей ладонью его лица и порез мгновенно затянулся, оставляя после себя лишь засохшую кровь. Когда рана исчезла, Лайла хотела убрать руку, но Джуллиан схватил ее кисть, не давая отстраниться.

– Я могу идти, господин?…, – прошептала та, чувствуя, как его пальцы сдавливают ее предплечье до синяков. Синяков Лайла не боялась – могла исцелиться от них моментально, но того, что с ней может случиться дальше, она боялась до трясучки.

– Ты смогла пережить битву. Удивительно, – вдруг сказал он, осматривая ее испуганное лицо, – я видел, как ты носилась по палубе, исцеляя павших воинов. Неужели тебя ни разу не задел вражеский меч?

– Во время битвы мне порезали руку, господин. Ханна вскрыла врагу горло осколком от бутылки и исцелила меня.

– Вот как? Вот ведь боевая шлюха, – хмыкнул Джуллиан и отпустил руку Лайлы, – славно, что она была по близости. Я бы не хотел тебя терять. Пока что.

Он захлопнул книгу и поднялся с койки. Медленно прошел к окну и встал напротив него, сложив руки за спиной. Молча разглядывал черные воды, покрытые серебряными бликами лунного света, и о чем-то думал. Лайла покорно сидела на одном месте, борясь с желанием попытать удачу и сбежать.

– Ты знаешь, какое имя носит крепость, к которой мы прибудем завтра? – вдруг заговорил тот, не отворачивая белокурой головы от окна.

– Нет…

– Лучистая Гавань. Это имя она носила и в столетие, когда была под контролем Эфирита. Море в те времена называлось Лучезарное, и его Роксинбургцы тоже сохранили. Только в Эфирите его прозвали Бесславным.

– Я буду молиться Солнечному Богу о том, чтобы оно перестало носить имя Бесславного, господин, – тихо ответила Лайла, в душе не чая, почему он решил говорить об этом. И все же это лучше, чем лежать под ним.

– Я считаю, это знак того, что Эфирит вернет свои земли и свое море. Сохранив их прежние имена, Роксинбург дал надежду нашему королевству, – продолжал рассуждать Джуллиан, пока Лайла хмуро смотрела в его затылок, – на том берегу стоят и другие крепости. Лунная Пристань, Золотая Жаровня и Томный Свет. Они хранят берег, как считают Роксинбургцы. Но я считаю, они ждут возвращение своих истинных хозяев.

–… Уверена, что ваши слова правдивы, господин,

– Какое ты милое создание, – посмеялся тот с ее покладистости, – твой лорд знатно выдрессировал тебя.

– Пламенные служат беспрекословно, господин.

– Правильно, – кивнул тот, но думал лишь о том, что мертвые они ему приятнее, чем живые, – тебя такой воспитали

родители, твой лорд или Избиратели? Кому мне быть благодарным за столь дивную женщину?

– Моя Пламенная природа велит мне служить.

– Я знаю Пламенных, у которых глас этой природы гораздо тише твоего. Они своенравны. А хотелось бы, чтоб каждый рождался таким же покорным, как ты.

– Ваша хвала радует меня, господин, – опустив голову сказала та, и Джуллиан медленно пошел ей навстречу. Встав перед ней, он взял ее подбородок и поднял ее лицо выше. Она видела его мягкую улыбку и вдруг признала себе ее привлекательность. Его нежный голос и внезапно нежные касания вымыли из нее страх. Джуллиан умел покорять женщин, даже тех, кто изначально его ненавидел; и то, с каким трепетом смотрела на него Лайла, еще раз его в этом убедило.

–В благодарность за твою покорность я буду нежнее, Пламенная, – прошептал он в ее губы и толкнул на спину.

– В знак благодарности вы могли бы не трогать меня, – он навис сверху и начал стягивать с ее плеч платье. Золотые глаза вновь намокли от слез.

– Нет, – кратко ответил тот, оставляя поцелуи вдоль шеи, – но я обещаю не быть таким же жестоким, как утром.

– Н-но.. ваша светлость…

– Ты говорила, что Пламенные служат беспрекословно, – грубее ответил он, хватая ее за щеки.

– Даром, не телом.

– Мне ты будешь служить и тем, и тем.

Джуллиан не сдержал своего слова; он просто не мог быть нежнее с той, что родилась с золотыми глазами. Стоило ему наткнуться на них, так его толчки вновь стали грубее, и каждое его движение было полно ненависти. Лайла плакала, а ее вскрики проходились по всей корме, пока Джуллиан резко входил. Простыни под ними окрасились ее кровью. Страх и боль, искусно высеченные на ее лице, были Джуллиану самым дивным трофеем.

Глава 4

– Вестей с фронта нет? – этим прохладным утром король вместе с женой и детьми решил прогуляться до аллеи, которая ко второму осеннему месяцу заметно пожелтела. Листья изредка отрывались от веток и падали на гальку, покрывая ее золотистой россыпью, но кроны оставались пышными и таким яркими, что даже туману не удалось погасить их цвет. Хелена шла впереди, придерживая на руках Барта, Карла и Адам носились вокруг них.

– Нет, мой король. Вести появятся, как только генерал Фросс доберется до берега, – ответил ему Алакин, съежившись под шерстяным плащом. Погода не была настолько скверной, чтоб укрываться плотной шерстью; туман рассеется вскоре, и на небе покажется ясное солнце, но советник был слаб перед любой погодой, кроме летней.

– Когда будет отправлена новая флотилия? – продолжал спрашивать король, медленно шагая вперед, к жене. Он с улыбкой смотрел, как Адам и Карла бросаются грудой листьев, и те застревают в их каштановых волосах, как венки. Хелена устало вздыхает, когда они снова пачкают свои нарядные одежки, и просит их остановиться, но они слишком увлечены своей забавой, чтобы слушать ее.

– Пока поддержка новых флотилий не требуется. Лорды Стоунвилля, Ровеля, Восточной Равнины и Селледо будут

ждать указаний, как только в них будет необходимость, – говорил Алакин, попутно застегивая жилет.

– Вы думаете нам хватит тех людей, что мы отправили, чтобы взять всю линию берега? На ней стоит ни одна крепость, а четыре, – нахмурился король, но Алакин его параноии не разделял.

– Я верю в генерала Фросса. На прошлой войне с севером он одерживал победы без численного преимущества. В битве за Аванхолл он смог одержать вверх имея всего шесть сотен солдат против тысячи солдат генерала Мрата. В этот раз мы направили в общей сумме пять тысячь человек и будем готовы отправить еще в два раза больше.

– Хватит ли у нас кораблей для такого количества? – уточнил король, хотя подобные заботы он должен разбирать сам, коль носит корону. Он не расстается с ней ни на секунду, и о ее безупречном блеске порой думает больше, чем о войне. Все хлопоты передовой упали на Алакина, но ему, хотя бы, помогает Правящий Сенат. Без их поддержки, у него, скорее всего, лопнула бы голова.

– Строительство кораблей не останавливается, мой король. Уверен, у нас будет возможность отправить солдат, – кивнул советник, но Георг оставался неспокойным. Конечно, он переживает – кто же хочет править государством, проигравшим войну? Неудача в войне ударит по его репутации больнее, чем по всему королевству, а Георг пылко желает войти в историю таким же Победоносцем, как его дед.

К ним подбежал Адам, и Алакин улыбнулся ему, отвесив поклон юному принцу. Адам крепчает день ото дня, а ростом он вскоре перегонит своего отца. Своего отца он мог перегнать не только хорошим сложением: он посвящает много времени истории и дипломатии, и чаще папеньки берет в руки меч. Правда единственной, кого он лупит ради забавы, оставалась его сестра Карла – к другим, обученным рыцарям, его пока не подпускала мать.

– Вы говорите о войне на Бесславном море, отец? – спросил Адам, и Алакин приметил, что даже его голос возмужал.

– Все так, Адам, – ответил ему король, и карие глаза мальчика заискрились интересом.

– Эфирит собирается осадить крепости? Мы сможем овладеть вторым берегом? – Алакин не мог скрыть удивление от того, как много знает юный принц, – я читал про Лучистую Гавань и Золотую Жаровню. Много кораблей стояло в их портах.

– Верно, мой принц, – улыбнулся Алакин, – откуда вам известно столь много о другом береге Бесславного моря?

– Я же наследник, – горделиво заявил Адам, вскинув подбородок, – будущий король должен знать, чем собирается править.

– Из тебя получится замечательный король, сын, – потрепав мальчишку по волосам ответил Георг, – только не спеши занимать мое место. Твой отец не собирается пока отдалятся от трона.

– Почему ты не с ними? – вдруг спросил Адам и отшагнул назад, скинув руку отца со своей головы.

– С кем? – непонимающе уточнил Георг, насупив брови.

– С воинами. Почему ты не осаждаешь крепости подле них? Твой дед, Овэн Победоносец, бился рядом с войском и вел их в битву, – вопрос сына поставил Георга в тупик. Он поджал губы, не зная, что ответить Адаму. Король вовсе не проявлял интереса к силе, оружию, и все, что касалось войны, его отталкивало. Пока она происходит за сотню миль от него, он спокоен; но будь она под его носом, он бы мало, чем мог помочь.

– Ваш отец нужен здесь, в столице, – ответил за него Алакин, – при Овэне Победоносце королевство пребывало в тиши и благодати. На правление короля Георга же выпало много невзгод.

– Солнечный Бог жесток к моему мужу, – появилась Хелена и положила ладонь на плечо сына, – солнце послало ему немало испытаний, – ее взгляд похолодел, когда встретился с глазами советника, – и у этих трудностей порой человеческий лик.

– Да, восстание военных повергло меня в ужас, – согласился Георг, совсем не понимая, на кого намекает Хелена. Но Алакин чуял, что королева имела в виду его; эта мысль его встряхнула.

– Впрочем, беседы о войне и невзгодах с утра пораньше портят настроение на весь день, – льстиво улыбнувшись во

все зубы ответил Алакин, игнорируя холодный взгляд королевы на своем лице, – я оставлю вас, мой король, и проведаю, как идут дела у сенаторов. Близится зимняя пора. Нужно проследить, хватит ли людям на далеком севере мехов и запасов еды.

– Меня радует ваше трудолюбие, советник, – удовлетворенно проговорил Георг и отпустил его, а сам остался подле семьи, чтобы вдоволь нагуляться в саду перед обедом.

Последнее время королева нервирует Алакина больше, чем кто-либо. Он шел к вратам, подумывая о том, что даже Баул Хорват порой обходится с ним мягче, нежели Хелена. И чем я ей не угодил? Всегда был льстив, дружелюбен и заботлив по отношению к ней, ее мужу и к их королевству. А что взамен? Презренные взгляды, недвусмысленные намеки и полное негодование всем, что я соизволю говорить. Раньше такого не было, где же я успел ей насолить? Алакин не привык быть обделенным любовью королевской семьи. Все его чтили и лелеяли, и вот уже второй король называет его близким другом. Может, она сблизилась с Баулом Хорватом, и тот настроил ее против меня? Вполне разумное предположение, бурчал про себя советник, проходя мимо белогрудой толпы Избирателей. Не хватало только занозы в лице королевы – все же эта заноза более влиятельна, чем прочие.

– Советник Алакин, – поклонилась ему Тиана, идущая навстречу вразвалочку. От нее тянулся приторный винный запашок, и Алакин нахмурился, вспомнив, который час. Еще

не дошло до полудня, а разодетая в шелка и бархат Тиана уже попахивает, как пьяница.

– Сенатор Тиана Эриксон, почему я вижу вас при дворе в таком виде? – буркнул на нее Алакин, и Тиана впилась пальцами в перила, дабы не свалиться со ступенек от его прямого вопроса.

– В каком-таком? – притворяясь дурочкой проговорила Тиана, звучно икнув на весь этаж. Алакин цокнул, закатив глаза.

– Тиана, ты забыла, какому титулу служишь? Ты позволяешь себе слишком много раздора. Я вижу только то, как ты бегаешь на Неказистый переулок и едва не спишь на собраниях Сената, – тихо процедил тот вблизи ее лица, чтобы никто не мог их слышать.

– Вы так суровы ко мне, советник, – ахнула женщина, роняя ладонь на грудь, – когда вы приглашали меня в столицу вместе с кукольным театром, вы были со мной вежливее.

– Из-за твоего безрассудства мы потеряли кукольные театры. Твое триумфальное шоу окончено, теперь ты такой же сенатор, как и четверо других. Соответствуй своему статусу.

– Мы потеряли кукольный театр только потому, что ваши охранники настолько слабы и бесполезны, что не смогли защитить шутов от недовольной публики, – выставив палец заявила Тиана, и Алакин чуть не ругнулся вслух, – и не надо обвинять меня в том, что я плохой сенатор. Я вовсе не просила осыпать меня подобными титулами.

– Не огорчай меня, Тиана, я не люблю жалеть из-за неправильных выборов, – пригрозил Алакин и отстранился, почувствовав, как сам пьянеет от запаха из ее рта, – к следующему собранию я жду от тебя отчет. Распорядись повозками с зерном, которые необходимо отправить на север.

– Что? – выпучив глаза пискнула Тиана, – я откуда знаю, сколько зерна нужно отправить на север?

– Для этого в твоем распоряжении ратуша. Люди, служащие там, знают, как распоряжаться продовольствием. Надеюсь, это не было для тебя сюрпризом, ведь скоро будет три месяца, как ты сенатор, так что займись наконец делом, – Тиана недовольно фыркнула и обошла советника стороной. Его дурацкие поручения испоганили ей настроение. Нужно спихнуть все на Обера Оллинса, раз уж она проводит с ним неприлично много времени в своих покоях. Взамен на ее ласку он обязан выполнять половину ее дел – какой же еще толк тогда от связи с мужчинами, думает себе Тиана, шагая к дверям наружу. Она увидела, как на порог дворца заходит Аглая, придерживая стопку пергамента у груди. Сестра выглядела уставшей – явно с утра до вечера хлопочет в ратуше, пытаясь разобраться с издержками войны. Тиана ухмыляется, замечая, как у старшей проглядывают светлые дуги синяков под глазами —так и пропадает прелестная женская красота, если непозволительно много работать, как мужчины.

– Тебя не было на заседании в ратуше вчера, Тиана, – начала отчитывать Аглая, как только столкнулась с сестрой у

лестницы, – это грубое нарушение. Правящий Сенат должен думать над потерями и о пересчете золота в период войны.

– У меня нет никакого интереса думать над вашими потерями, – закатила глаза та, и все же уходить не спешила. Тиана все никак не может забыть день мятежа, когда сестра спасла ее накануне восстания. В голове не укладывалось, откуда она могла знать о приближающимся войске – только если не имела к нему отношения. Алакин все еще выяснял, кто мог стоять за мятежниками, и вынюхивал каждую нелепую сплетню, пытаясь найти виновника. Рано или поздно следы приведут его к Аглае. Но с чего бы моей сестре пускать сору негодующих на дворец?

– Твое небрежное отношение к обязательствам огорчает меня, Тиана, – ответила Аглая, обходя ее стороной, – пускай твоя безответственность для меня не новость.

– Ты спасла меня в тот день, – вдруг выпалила Тиана, вынуждая Аглаю замереть. Она без труда поняла, какой день имеет в виду сестра, – но от чего же ты меня спасала, Аглая?

– От бедствий, которые близились ко дворцу, – она стояла спиной к сестре, не показывая своего волнения. Тиана таращилась в ее затылок.

– Откуда ты узнала об этих бедствиях? – сощурилась Тиана, медленно шагая вперед. Аглая пожала плечами, сохраняя спокойствие из последних сил.

– Ты в чем-то подозреваешь меня, Тиана? – ровным тоном спросила Аглая, решая избавиться от ненужных прелюдий в

столь нерадивом разговоре.

– Не скрою, было странно видеть твое волнение за час до того, как мятежники подошли ко дворцу, – Тиана хмыкнула, вздернув нос, – а ведь ты говорила, что все проблемы начинаются с меня. Может, ты сама вляпалась во что-то по серьезнее?

– Моя верность короне неоспорима. Я была сенатором при короле Воранде и остаюсь им при короле Георге.

– Люди, обычно, верны только самим себе, даже самые преданные, – Аглая смотрела, как Тиана вьется вокруг нее, подобно ядовитой змеюке, – и мне очень интересно, каким принципам следуешь ты. Подчиняться короне еще не значит служить ей сердцем и душой.

– Ты думаешь, мятежников вела моя воля? – вздернув бровь спросила Аглая, и Тиана наигранно ахнула.

– Мятежники выступали против войны. А война началась против государства, где, как я слышала, уже не первый год живет твоя единственная дочь. Это, должно быть, тяжело, понимать, что она вероятнее всего умрет, – Аглая выронила стопку пергамента. Слова сестры задели ее сердце, – думаю, ты была во многом солидарна с мятежниками, разве нет?

– Нахалка, – сквозь зубы проговорила Аглая, опускаясь к полу, чтобы собрать листы, – в твоей глупой голове нет ни одной здравой мысли.

– Давай, Аглая, кусайся, пока клыки на месте, – похихикала Тиана и оставила ее в одиночестве. Аглая подбирала

бумажки на авось. Листы торчали в разные стороны, а свежие чернила сбились одной кляксой. Она тяжело выдохнула, понимая, что многие текста придется переписывать заново. Но куда больше ее пугали подозрения Тианы. Если она вцепилась за тот случай, то уже вряд ли успокоится. Неужели теперь придется сжиматься от страха на каждом совещании, где Тиана может доложить свои опасения советнику? Сестра уже сомневается в ее преданности короне, а значит, вскоре в этом начнет сомневаться и Алакин. Спасала ведь ее на свою беду – думала Аглая, шуруя к лестнице на ослабевших ногах. Ее превозмогал страх, и она никогда бы не поверила, что может бояться свою глупую сестру. Младшая не была умной – но она оставалась подлой, и всегда была готова нанести удар в спину. Стоило подумать об этом раньше, когда я неслась к ней в попытках уберечь, печалилась Аглая.

– День добрый, сенатор Эриксон, – она уже поднималась по лестнице, как вдруг показался Августин. Он поздоровался с ней в спешке, ведя за собой двух Пламенных. Мальчика лет десяти и девушку гораздо взрослее – видом не меньше шестнадцати.

– Августин, – вздохнула та, хватая его руку. Парень остановился, повернув голову к женщине, – нужно будет обсудить кое-что важное. Сегодня. Мы с твоим отцом прибудем к тебе в поместье.

– Разве это не опасно? – нахмурился Августин, но Аглая казалась ему уж очень взволнованной, чтобы спорить.

– Опасно. Но дело требует срочного обсуждения, – Августин решил не противиться; если даже Аглая, обычно тихая и невозмутимая, так встревожена, значит риски оправданы. Он молча кивнул и повел Пламенных дальше, к кабинету Галлиона, а Аглая продолжила свой путь до тронной залы.

Августин потратил неделю, чтобы найти Пламенную девушку для Жучка. Он отправился на юг, оставив Лею в одиночестве на целых семь дней. Разлука далась ему тяжко, но в большей мере оттого, что он боялся вернуться и обнаружить ее убитой головорезами Алакина. К счастью, интерес советника к ней утих, как только Баул Хорват назвал ее своей внебрачной дочерью. Видимо, Лея еще нескоро перестанет скакать по древу Хорватов, притворяясь то одним родственником, то другим.

Август отправился в деревню, название которой Теплые Дали, находящуюся в округе города Тольфута. Он потратил на поиски много дней и ночей, прежде чем наткнуться на Пламенную девушку, чье имя даже не запомнил. Она была дочерью торговца рыбой, и отец держал ее в ящике с товаром всякий раз, как к деревне подъезжали незнакомцы, но Августу удалось поймать ее. Ее отец не оказал сопротивления и остался жив; Избиратель увез ее в столицу, не пролив крови. И снова Августин не смог отдать девчонку в рабство Жучка – он ругал себя днями и ночами за свою слабость, и все же привез Пламенную во дворец, а не в Золотую Осу. Попутно он нашел Пламенного мальчика, но это была чистая

случайность: по дороге к столице он остановился в одной из таверн, где прятали ребенка, рожденного у местной путаны. Он с малых лет служил своим даром и исцелял посетителей своей матери от болячек, передающихся через постель. Казалось, юнец сам бросится к Избирателю, лишь бы его увезли подальше от того кошмара, который он видел с малых лет. И вот, спустя неделю, Августин тащит двух Пламенных к предводителю – а те и не особо вырываются. Смиренные, уставшие и забитые – таким они очутились на королевском дворе. Иногда Августу кажется, что нет того места, где Пламенным было бы безопасно: им не давали покоя что в родных домах, что в домах лордов, и порой чудится, что это мракобесие остановить невозможно. Помимо свободы, которую он хочет им дать, им также нужна защита.

– Предводитель, я привел двух Пламенных, – сказал Августин, встав на пороге небольшой комнаты, где Галлион принимал одаренных. Он сидел за столом, черкая на пергаменте имена тех, кого уже отправили на войну и тех, кого отправят следом. Его рабочее место завалено переписями Пламенных; с самого начала войны Галлион занят не меньше, чем Алакин или сенаторы.

– Разве я давал тебе задание, Хорват? – пробормотал Галлион, не отрывая глаз от строк. Его хмурый взгляд скользил вдоль чернил, и он изредка хватался за перо, чтобы зачеркнуть половину листа.

– Я – Избиратель, и мой долг ловить Пламенных хоть с

заданием, хоть без, – равнодушно ответил Августин, сжимая меж пальцев цепь, уходящую к кандалам рыжих пленников.

– Что же, здесь я не могу с тобой поспорить, – выдохнул Галлион, убирая пергамент в сторону. Он облокотился на спинку стула, рассматривая рыжих юнцов без особого интереса.

– Могу идти, предводитель? – Августин не мог дождаться своего прибытия в поместье к Лее. Более он не желал расставаться с ней и на пару часов.

– Подожди, – вдруг остановил его Галлион, поднимаясь с места, – из пятого отряда остался только ты и Роланд. Лиза и Джуллиан отправлены на войну. Два человека слишком малое количество для полноценного отряда. Тем более, – он пропыхтел, стуча пальцами по столу, – тем более, что вы лишились сильного лидера. Так дело не пойдет. Жди здесь.

Он вышел из кабинета, оставив Августина наедине с пленниками. Парень заметил, как переминаются с ноги на ногу Пламенные, и как их грязные лодыжки подрагивают от усталости. Он подкармливал их, пока вез в столицу, но этого было недостаточно. Голод и изнуренность наверняка валят их с ног, поэтому Августин отпустил кандалы и позволил им сесть на диван, стоящий у дальней стены. Пламенные смотрели на него с вопросом, не решаясь шевелиться.

– Сядьте, – приказным тоном сказал тот, и они встрепенулись. Все еще боязливо косились на него, будто ожидали попасть в западню, но с тем смиренно потопали к дивану.

Сам Август тоже не прочь разлечься на чем-нибудь мягком, об этом он мечтал так же часто, как о Лее. Во время походов он, как и многие Избиратели, почти не ест и не спит. Поэтому по возвращению в столицу они сбегают в свои богатые поместья, где отдыхают сутки, прежде чем вновь нестись по поручениям. Но, видимо, Августин отдохнет еще не скоро. Галлион вернулся, а вместе с ним Роланд, Мира Тарт и Итан Фиргер. Роланд удивился, встретив друга, и тут же бросился к нему с объятиями.

– Август, дружище, где ты пропадал? – улыбнулся Роланд, но замолк, когда предводитель окатил его грозным взглядом.

– Трепаться будете потом, – отчеканил Галлион, и все четверо затихли. Он вернулся к своему столу, вовсе забыв о том, что в его кабинете теснятся Пламенные, – Августин, Роланд, Мира и Итан. Я решил, что отныне вы все в одном отряде.

– Н-но я же в отряде Люка, – встрял Итан, и Галлион посмотрел на него взбешенными глазами. Перебивать предводителя будет только слабоумный – подумали Роланд и Мира одновременно.

– Когда предводитель говорит, вы молчите, – напомнил ему Галлион и вернул внимание к другим, – вы будете в одном отряде и это не обсуждается. Так как лидера у вас нет, я нарекаю им Августина.

– Что? Почему я? – плохо скрытое негодование возникло на лице Августа и бросилось в глаза Галлиону.

– А тебя что-то не устраивает, Хорват? – сузив веки про-

шипел предводитель, и Август сжал кулаки, – это честь – иметь подобный титул. Лучше скажи мне спасибо. Теперь эти трое, – он махнул рукой в сторону Роланда, Миры и Итана, – под твоей ответственностью. Будь хорошим лидером и не дай новичкам подохнуть при первой же вылазке.

– Вас понял, предводитель, – сдержано ответил Августин, опустив голову.

– Свободны, – гаркнул Галлион, и Избиратели покинули его кабинет, отвесив поклон напоследок.

Мира и Итан убежали сразу, как вышли за порог, но заметно сторонились друг друга и скалились, стоило их взглядам пересечься. А Роланд шел рядом с Августом неторопливо, примечая его понурость. Серее осенних туманов – думал Роланд, поглядывая на друга, и не знал, как завязать с ним разговор. Они шли к лестнице в молчании, и только на первых ступенях Роланд решился заговорить:

– Поздравляю тебя, Август, – улыбнулся тот, заезжая кулачком ему по плечу, – ты заслужил титул лидера отряда.

– Роланд… Замолчи, – проворчал Августин, выходя вперед него. Юноша смотрел в его белый плащ, хлопая ресничками и гадая, что могло его так огорчить в этой вести. Избиратели готовы глотки перегрызть за должность лидера – это же такая благодать! Оттуда и до должности предводителя недалеко, уж если с Галлионом что-то приключится. Роланд побежал за ним следом, чуть ли не спотыкаясь о свои же ноги.

– Почему ты такой хмурый? Быть лидером – это достойно и уважаемо, – невинно лепетал тот, мешаясь ему под рукой, как надоедливый комар знойным летом.

– Хочешь, я отдам лидерство в твои надежные руки, раз уже тебе так нравится эта должность? – безразлично бросил тот, пока они шли вперед, к выходу.

– Ох, мне-то до лидерства как пешком до Норквиля, – неловко посмеялся Роланд, почесывая затылок, – мне и до Избирателя, честно говоря, далековато.

– Поверь, из меня лидер не лучше, чем из новобранца.

– Это не так, – ахнул Роланд и схватил друга за рукав, лишь бы он перестал нестись вперед, – ты достоин быть лидером. И ты будешь гораздо лучше… Джуллиана, – Август повернулся к нему и заметил, как приуныл Роланд, назвав имя бывшего лидера, – с тобой не так страшно, как с ним. Хорошо ведь, когда тебя уважают больше, чем боятся.

Джуллиана уже нет в столице, но Роланд все еще озирается в страхе, будто тот выскачет из-за кустов. Наверное, он больше других рад тому, что Джуллиан оказался на войне – даже больше самого Джуллиана. Роланд был преданным Избирателем и больше других слушался лидера, однако больше других он его и боялся. Теперь их старый друг далеко, и более Роланду не приходится испытывать страх – но Джуллиан был ночным кошмаром, что преследовал его во снах и не отступал по пробуждению. Август вздыхает, поняв, что отказаться от должности не сможет. Благодаря ей он в силах

позаботиться о Роланде, которому нужна защита в этом жестоком белом ордене.

Взгляд Августа смягчился, и парень подошел ближе, чтобы пожать ему руку.

– Не волнуйся. Я не подведу, – кратко сказал тот, и карамельные глаза юноши блеснули помесью восхищения и облегчения.

– Я знаю, – натянув слабую улыбочку ответил он и сжал ладонь друга.

Женевьева с тоской наблюдала за Августином и Роландом, встав у колонны. Рука ее лежала на округлившимся животе. Девушка предавалась воспоминаниям о своем муже, что не так давно ходил под белым плащом по дворцу, а сейчас его форма пылиться в их покоях, и более надета не будет. Даже после окончания войны он ни за что не вернется в орден и скорее всего будет воевать вплоть до старости. А что остается ей? Родить ребенка, дождаться мужа, чтобы зачать второго, и все оставшиеся годы проводить с малышами, в надежде, что Джуллиан задержится в их доме хотя бы на месяц. Эта перспектива ее огорчала. С каждым проведенным порознь днем она осознавала, что его эгоистичные желания всегда будут для него важнее их детей, важне ее. Эта черта напоминает Еве Алакина, чьи амбиции увели его в такие темные дебри, что он позабыл о собственной дочери.

Ева отмирает, когда Август и Роланд шагают к выходу. Ее печальный взор недолго держится золотых полумесяцев,

прежде чем она решает вернуться в спальню. Отец настоятельно просил ее не гулять в одиночестве, но Женевьева не могла сидеть взаперти комнаты сутками напролет. Алакин приставил ей королевских фрейлин, чтобы они не давали миледи заскучать, но Ева устала от их общества. Больше времени она проводила с Каем, нежели с ними: слушала его заумные речи перед сном и распивала целебные отвары в его компании. Он, однако, не мог покидать каморку часто, даже с позволением советника. Его прогулки по дворцу не могли оставаться незамеченными. Много вопросов появлялось у придворных, когда они видели Кая у архива или же в саду. Поэтому он приходил к Еве поздним вечером или ранним утром, но сегодня он мог явиться в любой час, чтобы проведать здоровье ее чрева.

Женевьева зашла в спальню, прикрыв дверь. Порой она хочет сменить покои, ведь каждый уголок комнаты пропитан воспоминаниями о Джуллиане. Оттого ее подушка всегда была мокрой – без слез засыпать в его кровати она еще не научилась. Здесь тепло из-за разведенного в углу камина, но мрачновато из-за густого тумана за окном. Присев за стол, Ева положила перед собой чистый лист пергамента и взяла перо. Это десятое по счету письмо, которое она собирается написать мужу. Стопка писем копилась в нижнем ящике, ожидая отправки на войну. С первыми суднами, что повезут провизию и послания, она передаст Джуллиану бесчисленное количество строк, полные ее любви и надежды на его

скорое возвращение. Пергамент темнел от громоздких капель ее слез, а чернила так часто смазывались, что ей приходилось брать новый и писать заново. Пока она была увлечена своими мыслями, отраженными на листе, не заметила, как в комнату явился Кай, в мантии, усыпанной катышками и плешью, с широким капюшоном, закрывающий рыжую макушку. Он не отвлекал Еву: тихо наблюдал, как она выводит буквы, сохраняя идеальную осанку. Беременность ничуть не придала девушке пухлости, и она чудом оставалась такой же изящной, как и в былые времена. Кай видел беременных женщин, и видел, как вынашивание ребенка отражается на их внешности: они полнели, кожа портилась, а волосы нещадно лезли с головы, как листья лезут с деревьев в осеннюю пору. Но Женевьева все еще была прекрасна… или его влюбленные глаза сами рисовали ей столь чудесный образ.

– Ох, Кай, давно ты здесь? – вздрогнула Ева, краем глаза замечая силуэт парня на пороге. Она утерла намокшие веки и улыбнулась, когда повернула к нему голову.

– Не хочу тревожить тебя. Могу стоять здесь до тех пор, пока ты не закончишь, – сказал он, но Ева не стала бы над ним так издеваться, поэтому тут же пригласила его на кресло. В этом кресле Джуллиан сидел перед окном бессонными ночами, предаваясь глубокой думе.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался Кай, когда Ева села напротив.

– Меня одолевает скорбь и скука, но если тебя волнует состояние моего тела, то оно приемлемо, – пожав плечами ответила та, – думаю, моему ребенку ничто не угрожает.

– Нам лучше убедиться с помощью моего дара, – сказал Кай, посматривая на ее живот, – если с ребенком случится что-то неладное, Джуллиан будет винить меня.

– Джуллиану стоило остаться рядом со мной, если он так озабочен моим ребенком, – буркнула Ева. Кай сел на корточки напротив нее и принялся щупать живот сквозь плотную ткань платья. Ладони его грели ее кожу, а их свет ласкал глаз.

–В этом мире нет ничего, что могло бы убедить Джуллиана остаться, – тихо проговорил Кай, сомневаясь, что ему стоит делиться подобным мнением, – и я говорил тебе об этом. Говорил, что он тебя не достоин.

– Джуллиан великолепен даже со всеми своими недостатками, – упрямо отвечала та, как и отвечала каждый раз всем, кто смел задеть честь ее мужа. Она проговорила оправдания, как мантру, и сама попутно вдумывалась в слова, чтобы случайно в них не усомниться.

– Если он настолько безупречен, почему с тобой рядом я, а не он? – аккуратно спросил Кай, продолжая водить ладонью.

– Потому что его долг – защищать королевство, а вместе с ним и меня, и нашего ребенка. Не каждый рожден таким же храбрым, что и мой муж.

Кай прикусил язык, чтобы не взболтнуть лишнего. Интересно, как почувствует себя Ева, узнав, что ее дорогой муж

променял ее на хранение тайны? Кай давно размышляет о том, когда ему стоит получить свою награду – он смотрит на Еву желающими глазами при каждой встрече и думает, что этот день настал, но зайти дальше дружеского чмока в щеку никак не удавалось. Женевьева прикрыла веки, уронив голову на спинку стула, и в своей уставшей безмятежности она виделась Каю еще красивее. Парень встал прямо, оповещая миледи о том, что никакая болезнь не тревожит ни ее, ни плод.

– Замечательно. Я и не сомневалась, что ребенок Джуллиана будет крепким, – улыбнулась та, поглаживая живот. Кай сжал зубы, поняв, бороться с собой уже не может. Он подошел к креслу Евы и уперся руками в подлокотники, нависнув сверху. Девушка подняла к нему лицо, рассматривая его напряженные черты растерянными глазами. Она слышала его тяжелое дыхание и чувствовала непонятную дрожь, исходящую из его тела.

– Ты должна отдаться мне, Ева, – вдруг прошептал он, и Женевьева замерла.

– Чего?… – парень положил свою ладонь на ее щеку. Она тут же сбросила ее и отвернулась, но Кай взял ее за подбородок, вынудив смотреть глаза в глаза.

– Ты расстроишься, если узнаешь, почему я имею право трогать тебя.

– Никто не имеет право трогать меня, кроме Джуллиана, – резко заявила та и толкнула Кая в грудь, но он не отошел

ни на шаг.

– Не упрямься, Ева. Если ты не отдашься мне, твой любимый Джуллиан пострадает, – ответил он и взял ее руку в свою. Женевьева пыталась вырваться, но тщетно. Поведение Кая нервировало и пугало ее в одночасье.

– Что ты несешь? Кай, что происходит с тобой? Ты ведь никогда таким не был, – тараторила та, пока он нагибался ниже к ее губам. Парень не давал ей шанса избежать поцелуя, но он успел лишь невесомо коснуться ее губ, прежде чем Ева отвесила ему пощечину. Кай, игнорируя жжение удара, аккуратно подхватил миледи на руки и переложил на кровать. Женевьева разложилась на перине и смотрела на Пламенного, как на монстра из Черного леса.

– Я давно питаю к тебе нежные чувства, Ева, – говорил он, поставив колено меж ее ног. Она попыталась отползти выше, но Кай возвратил ее на место, притянув за талию.

– Я ничего не понимаю, Кай, остановись немедленно! – она начала рыпаться рьянее, когда он возлег над ней, – я замужняя женщина, не смей трогать меня!

– Я бы не тронул тебя и пальцем, не будь у нас с Джуллианом некой договоренности, – осыпая поцелуями ее шею лепетал тот, замечая, как Ева распахнула рот, услышав про их сделку.

– К-какой еще договоренности?

– Джуллиан предал Алакина. Я видел своими глазами, как он пощадил врагов твоего отца. Я храню тайну, которой луч-

ше оставаться в секрете, иначе Джуллиан потеряет все, к чему так долго стремился. Но за мое молчание я выдвинул свои условия.

– Нет, Джуллиан не позволит пользоваться мной. Он убьет тебя, если узнает, что ты домогался меня, – проглатывая слезы лепетала Ева. Кай нагло ухмыльнулся, подняв на нее помутневший от похоти взгляд.

– Взамен на свое молчание я попросил его отдать тебя. Один раз. На одну ночь. Единожды могу позволить себе почувствовать тебя своей, – он задрал подол платья. Ева задыхалась от слез. От признания Кая было больнее, чем от его ненасытных рук. Джуллиан не мог согласиться – думала та – он не может быть так жесток ко мне.

– Джуллиан не поступил бы так, – пропищала та сквозь слезы, – я его жена, носящая его фамилию и его ребенка под сердцем. Он не отдаст меня другому.

– Уже отдал, – спокойно сказал Кая, избавляясь от мантии. Он предстал перед Евой в одной длинной рубахе изо льна, но его пальцы уже опустились на пуговицы, чтобы снять ее следом, – поэтому я и говорю, что он тебя не достоин.

– Я дочь советника короля. Еще одно движение, и я прикажу казнить тебя, – гневно сказала та, смотря на то, как Пламенный бесстыдно оголяется перед ней.

– Попробуйте казнить бессмертного, – злобно посмеялся Кай, оставшись перед ней в одном нижнем белье. Тело Пла-

менного не было таким же совершенным, как у Джуллиана; у второго тело было крепким и рельефным, его спина и плечи шире чуть ли не в полтора раза, чем у Кая, и от одного взгляда на его мышцы женщины теряли голову. Кай же выглядел куда слабее: худой, в ширь узковатый, а кости выпирали заметнее мускул, – если ты будешь противиться мне, Ева, я сдам твоего мужа Алакину, и тогда он вернется с войны прямиком на эшафот.

Ева смолкла, когда перед ней встал невозможный выбор: отказаться, поставив под угрозу Джуллиана и всю их семью, или же согласиться и спасти его от гнева отца. Конечно, после того, как Кай поведал ей о сделке, она подумывала о том, что Джуллиан заслужил понести суровое наказание – из всех пакостных поступков, что он себя позволял, этот был хуже любого. Но, как бы она не злилась на него в это мгновение, как бы не желала ему смерти и расправы, ее сердце все равно сжималось от одной подобной мысли. Ненависть захватила ее разум, но душа не могла отказаться от Джуллиана. Даже сейчас она простила его и понимала, что простит за все другое. Женевьева уронила голову на перину и затихла. Расслабила тело и больше не брыкалась в руках Кая. Парень заметил ее смирение и поразился готовности отдаться ему; она слегка раздвинула ноги, словно приглашая забраться меж них. Смотрела в потолок и бесшумно плакала, стиснув зубы.

– Если так я смогу уберечь Джуллиана, то делай, что вздумаешь.

мается, – взгляд Евы мрачнее пасмурной ночи, и голос ее отливал сталью. Кай сглотнул, ощущая отвратительное послевкусие ее согласия. Как бы он не пытался очернить Джуллиана, в ее глазах он все равно оставался единственным и неподражаемым.

– Ты согласна пожертвовать своим достоинством ради него? Ради этого урода? – изумленно проговорил он, и тогда ожесточенный взгляд Евы перешел с потолка на его лицо.

– Не смей называть его так. Иначе я найду сотню способов убить бессмертного, – процедила та, и Кай в конец обомлел, – ты воспользуешься мной и сдержишь обещание, данное моему мужу.

– Я.. Я не просто пользуюсь тобой, Ева. Меня ведет не бездумный разврат, а чувства, – робко проговорил он, и Ева громко ухмыльнулась.

– Чувства? Зачем оправдывать свою животную природу таким сантиментами. Люди, воистину любящие, никогда не возьмут силой того, кого любят.

Кай замер в паре дюймах от ее лица. Ее холодное дыхание морозило его кожу. Женевьева лежала неподвижно, приняв влечение Кая к своему телу, как неизбежное испытание. Пламенный чувствовал это – что его касания для нее пытка, и что его любовь не меньше, чем наказание. Тогда он напряг челюсти и отпрянул от нее. Схватил рубашку, чтобы натянуть ее обратно, а следом мантию. Женевьева бездумно хлопала ресницами.

– Я не стану трогать тебя. Как и не стану подставлять Джуллиана. Надеюсь, этого хватит, чтобы доказать тебе истинность моих чувств, – бросил он ей через плечо и, полностью одевшись, медленно побрел к выходу. Женевьева смотрела в его спину равнодушными глазами; его поступок не казался ей ни благородным, ни добрым. Он уже посмел тронуть ее, и она этого не забудет. Ее сердце умело прощать – но только одного человека.

Дверь хлопнула. Ева, на свое удивление, более не пролила ни слезинки. Ее глаза высохли вместе с ресницами, и желание плакать исчезло с уходом Кая. Она приподнялась на кровати и пустыми глазами посмотрела в окно. Осень в столице дивная и мягкая, оставляющая след не тучами, а разноцветными кронами. Эта осень, пускай и была не менее красивой чем прошлые, вызывала в Еве отторжение. Эта осень казалась ей самой ужасной из всех. Она вернулась к столу, взяла исписанные листы пергамента— все, до последнего, где мелькало имя Джуллиана – и понесла их к камину. Присев возле него, она один за другим бросала письма, написанные возлюбленному, в огонь, наблюдая, как желтые грани чернеют и сворачиваются в клочки. Огонь трепетал, вспыхивал, жадно поглощал листы, которые тлели и искрились, превращаясь из черных сгустков в рассыпчатый пепел. Горели строки, полные любви, горели нежные пожелания и надежды на его скорое возвращение. Бросив последний кусок пергамента, Ева не стала смотреть, как он догорает: поднялась на ноги

и пошла обратно к постели.

***

Я не успела вернуться в поместье к вечеру, ноги привели меня на порог, когда небо густо потемнело. Час поздний. Августин уже неделю пропадает где-то далеко от Лиры, и потому больше никто меня не сторожит. Я отряхивалась от еловых игл, грязи и сухих листьев, застрявших в распущенных волосах. В Черном лесу не так много деревьев, богатых окрашенными в осеннюю палитру кронами, но парочку дубов, нагло вросших между стройных елей, я встречала. Пока Август бороздит по деревням и городам юга в поисках Пламенных, я не прекращала попытки приручить нечисть. Однако, сколько бы дней я не провела подле проклятых созданий, они не желали нарекать меня своей хозяйкой, а последние сутки они вовсе обходили меня стороной. Волк, что чаще других одаривал меня краткой беседой, все время молчал, и следил за мной с молчаливым осуждением, будто я делаю что-то не так. Иногда меня вышибало от раздражения, и я плевалась огнем на всех, кто сливался с тенью, и тогда они становились враждебнее. Уходила я из леса без каких-либо успехов. Ни видений, ни подсказок, ничего я не могла найти среди обитателей одной проклятой могилы. Пару раз храбрилась и доходила до разрушенного поселения, но и там меня не ждало ничего, кроме мертвой тишины и отчаяния. Ну,

однажды я нарвалась на кабана, каким-то чудом выжившим в Черном лесу, и он едва не насадил меня на бивни, но мне удалось поджарить его. Больше всего огорчало то, что Августин не получит от меня хороших вестей. Алакин воплощает одну поганую идею за другой, а мы ничем не можем ему помешать.

Я зашла в поместье и обнаружила разведенный камин. Странно, если учесть, что прислуга тушит огонь, прежде чем покинуть дом. К этому часу дом всегда пустует. Но здесь чувствовалось чье-то присутствие, и я шла вглубь медленно, насторожившись. Ладонь моя поглаживала рукоять меча, с которым я не расставалась даже во сне – пока Августина не было рядом, я боялась стать случайной жертвой воров или наемников. Я шла к лестнице, обнажив сталь и презренно осматриваясь по сторонам.

– Кто здесь? – громко спросила я, сжав пальцы вокруг рукояти крепче, – кем бы ты ни был, я убью тебя, не поведя глазом.

– Прошу пощады в своем же доме, миледи, – послышался знакомый голос с лестницы, и я подняла голову вверх, открыв рот. Августин стоял наверху, облокотившись всем телом на перила, и широко улыбался, наблюдая за мной. Я опустила острие к полу, ощущая, как приятное волнение крутит узлы внизу живота.

– Августин… Когда ты приехал? – проговорила я, не двигаясь с места. Он спускался ко мне, не отрывая глаз от моего

лица.

– Пару часов назад. Надеялся, что ты встретишь меня, – ответил он мягко, встав передо мной почти впритык, – но когда я вернулся, обнаружил холод, пустоту и не тронутой котелок ячменной каши, – его взгляд сделался беспокойнее, и он потянулся к моим волосам, чтобы вытащить оттуда еловую иголочку, – несложно догадаться, где ты пропадала, – подметил он, разглядывая свою находку.

– Я не могла сидеть сложа руки, – спокойно сказала я, но Августин явно был недоволен, – поэтому пешком шла до Черного леса каждый день.

– Ты как всегда неосторожна. Пока меня не было, наши враги могли навредить тебе, – он опустил лоб на мой, тяжело вздыхая.

– В Черном лесу мне безопаснее всего.

– Тебя не переспоришь, – усмехнулся он и отстранился, когда я успела подумать, что он вот-вот коснется моих губ. Август обошел меня, чтобы сесть на диван.

– Ты нашел девушку для… Жучка?, – с заминкой спросила я, и вновь эта мысль оставила неприятный осадок. До сих пор не могу смириться с тем, что Август вынужден отплатить Жучку такой суровой ценой.

– Нашел, но… Так и не смог отдать ее ему, – прохрипел он, упираясь лицом в ладони. Августин сидел, свесив голову, и казался ужасно вымотанным. Я тихонько присела рядом и обвила рукой его напряженные плечи. За дни похода его

мышцы ощутимо окрепли.

– Мы что-нибудь придумаем, но позже. Тебе нужно поспать.

– Аглая и мой отец должны прибыть к поместью. Я жду их с тех пор, как приехал.

– Ты устал. Может, вы перенесете встречу?

– Не беспокойся обо мне, Лея, – усмехнулся тот, подняв на меня сонные глаза, – я же Избиратель. Нам отдых ни к чему. Лучше ты иди спать, а я буду ждать сенаторов.

– Я не оставлю тебя, – хмуро утвердила я, – ты голоден? Ранен? Чем мне помочь тебе?…

– Этим, – он подался вперед, и наши губы сомкнулись в тягучем поцелуе, невинном и нежном, от которого веки закрылись сами по себе. Его губы обветрились настолько, что я царапалась о них, и, честно говоря, складывалось ощущение, что я целуюсь с мочалкой, но все равно было приятно. Он отстранился, шумно вздохнув с шипящим звуком, а после упал на мою грудь. Прижался, скрепляя руки в замок за моей спиной, и притих.

– Могу я просто полежать так?, – пробубнил он мне в ключицы, и я улыбнулась.

– Конечно.

Мы улеглись на диван и пролежали в обнимку долгий час. Я игралась с его черными прядями, и была уверена, что слышу, как он похрапывает. Это умиляло и забавляло одновременно – так уперто отказывался от отдыха, чтобы мо-

ментально заснуть, приютившись на моем теле. Я старалась не шуметь, чтобы дать ему подремать, но он встрепенулся, услышав хлыст кнута и ржание лошади. Колеса заскрипели, оповещая о подъехавшей к ограде колеснице. Август отлетел от меня, как от огня, и начал причесывать пальцами взлохмаченные волосы к затылку.

– Я не спал, – тут же оправдался он, вскочив на ноги, и я громко рассмеялась, увидев красный след на его опухшей щеке.

– Я вижу. Бодрый, как никогда, – хихикнула я, и тот закатил глаза, не сдержав улыбку.

В поместье зашли Баул Хорват и Аглая Эриксон. Лицом— не менее сонные, чем Августин. Война сказалась на Правящем Сенате; они трудятся вдвое больше обычного, чтобы королевство не погрязло в нищете, пока все траты уходят на фронт. И все же, я не понимала, в чем спешка – раз уж все такие занятые, почему не встретиться завтра?

– Прошу простить нас за поздний визит, – сказала Аглая осипшим голосом и прокашлялась, чтобы не звучать, как умирающий человек, – Но каждая минута теперь на вес золота.

– Прости, сын, что притеснили тебя. Знаю, что ты долго пробыл в походе один и наверняка устал, – добавил Баул Хорват, но Августин отмахнулся, уверяя, что извинения им ни к чему. Хотя сам с трудом на ногах стоит.

Сенаторы прошли к дивану, где еще мгновением назад

Август сладко посапывал, а мы встали перед их встревоженными лицами, ожидая вестей. И, судя по их понурым глазам, вести вновь досадные.

– Я попросила Баула присоединиться к нам. В ратуше страшный завал, поэтому мы освободились только сейчас, – вступила Аглая, сжимая в кулачках шерстяную юбку, – но эти проблемы не так велики, как грядущие. Я подозреваю, что моя сестра хочет обвинить меня в поддержке военного мятежа Дарлина.

– Советник с радостью наречет Аглаю изменницей, – покачал головой Баул, – поэтому нам стоит быть готовым к худшему.

– Как Тиана могла догадаться о таком? Я видела ее в Золотой Осе, и она казалась мне…, – я запнулась, понимая, что обзывать Тиану в присутствии ее старшей сестры несколько грубо, но Аглая ухмыльнулась, догадываясь, что я хочу сказать.

– Да, она поверхностна и глупа, ты не ошиблась, – закончила она, и я неловко поджала губы. Именно так я и хотела выразиться.

– Разве Тиана может поступить так жестоко? Вы же родные сестры, – спросил Августин, и Аглая, не прятав грусти, кивнула.

– Она не имеет ни принципов, ни любви, ни сострадания.

– Почему она уверена в том, что вы причастны к мятежникам? – мой вопрос вынудил сенатора еще больше погруст-

неть.

– Спасла ее на свою голову. Видно, я глупа не меньше, чем она.

– Ты поступила как хорошая сестра, Аглая, – возразил Баул, поворачивая к ней свое бородатое лицо, – и не нужно ругать себя за свое большое сердце.

– Вы должны что-то предпринять, —встревожился Августин, – вам нужно бежать, сенатор, пока Алакин не арестовал вас прямиком в ратуше.

– Я знаю, что нужно сделать, – выдохнула женщина, и ее взгляд сделался серьезнее, – мне нужно было только предупредить вас. Как поступать в дальнейшем я уже понимаю. Когда Тиана наречет меня изменницей, не ищите меня и не пытайтесь спасти, – Баул хотел снова возразить, но женщина окатила его строгим взглядом, – нет, Баул. Близиться неизбежное, и не нужно прыгать в пропасть за мной.

– Что это значит? – спросила я, хмуря брови, и Аглая ухмыльнулась.

– Вы все узнаете после того, как Тиана сдаст меня Алакину, – сенатор глубоко вздохнула и посмотрела на Августина, – Августин, ты должен собирать войско. Сейчас столица слаба как никогда прежде. Это хороший момент, чтобы ударить по советнику.

– Понимаю, сенатор. У меня возникла одна идея, когда я пребывал на юге, – все внимание перешло на парня, и я вновь почувствовала себя бесполезной, вспомнив, сколько

неудач потерпела в Черном лесу. Пока я безуспешно пыталась овладеть нечистью, Август, как всегда, продумал иной план, – Мы с Леей отправимся в Селледо. Нам нужны союзники, и я предчувствую, что лорд Келли согласится стать им.

– Властитель Селледо? – вздернув бровь спросила Аглая, а Баул улыбнулся, видно понимая, чего добивается его сын.

– У лорда Селледо приключилась одна неудобная история с Алакином. Много дней назад, во время охоты в честь коронации Георга, дочь Алакина напала на дочь лорда Келли.

– Я припоминаю такое, – в голове возникла обезумевшая Ева, привязавшая бедную Оливию к дереву. Она грозилась ей расправой за Джуллиана.

– Лорд Келли и без того не питал особых симпатий к Алакину, – согласился Баул Хорват, – его дочь Оливия успела выразить чувства к Джуллиану, а Алакин, в итоге, женил Джуллиана на Женевьеве. Думаю, он и во многом другом не одобряет действия советника.

– Поэтому нужно попробовать договориться с ним. Он может выделить нам своих людей, – подытожил Августин, и сенаторы довольно переглянулись.

– Как долго добирать до Селледо? – спросила я, понимая, что нельзя пропускать встречи с нечистью Черного леса, но судя по лицу Августа, ответ мне не очень понравится.

– Две недели, если без долгих остановок. С привалами может выйти и целый месяц.

– Черт, – выпалила я и смутилась, вспомнив, что рядом с

нами уважаемые сенаторы.

– Не волнуйся, Лея, – успокоила меня Аглая, взяв за руку, – доверься Августину. Однажды он увидел союзников в Дарлине и Грейгах, а значит, и в этот раз он не ошибется.

Сенаторы уехали, а нам с Августином оставалось только насладиться крепким сном. Ведь следующим днем мы отправимся в далекий путь, перед которым лучше хорошенько выспаться. Уверена, такая роскошь – спокойный и долгий сон – выпадет нам еще нескоро.

Глава 5

Это утро выдалось туманнее, чем все прошлые. Второй месяц осени подносил нам прозрачную блеклую зарю, от которой холодела кровь. Я стояла у черных прутьев, что почти растворялись в густой дымке, и делала глубокие вздохи, подняв лицо к серому небу. Нечасто Лира окрашена в серый; власть солнца заметно ослабла, и улицы столицы превратились в сгусток мрака. Поговаривают, когда осень приходит, Солнечный Бог окрашивает кроны в огненные краски и золотит листья, а небо оставляет ясным, но середина осенней поры стала незнакомо угрюмой. В подобных днях была своя красота – когда ты стоишь посреди лабиринтов тумана, кажется, будто ты витаешь в облаках. Эта красота пугает неизвестностью, и она непривычна жителям столицы, даже мне, пускай я выросла в Черном лесу, где на странность всегда холоднее, чем здесь. Многие побаиваются долгих осенних дождей потому как верят, что когда солнце прячется за тучи, и когда на город опускается мерзлота, это является знаком безразличия Солнечного Бога к их судьбе. Он обогревал землю даже глубокой зимой, но порой мне кажется, эта зима выдастся снежнее, чем все прочие.

Августин собирал мешки в дорогу, наполняя их галетами, яблоками, ломтями сыра, флягами воды и ветчиной – все, что могло спасти нас от голода и жажды во время пути. Я,

в свою очередь, стояла во дворе, ожидая прихода Роббина. Грейг старший вызывался сопровождать нас до Селледо, заявив, что знает юг также хорошо, как морскую пристань, и даже сам лорд Келли ему знаком. Пока его сын воюет, Роббин не хотел оставаться в стороне и решил помочь нам собирать союзников.

– Ужаснее дня для путешествия и не подобрать, – послышался его голос за оградой, и я, повернув голову, увидела Роббина верхом на песочном коне с белыми пятнами на брюхе.

– Утро выдалось не таким, каким мы ожидали его встретить, – согласилась с ним я, кутаясь в шерстяную синюю накидку. Она спасала меня от заморозка, но голые кисти рук заметно покраснели, когда мерзлый ветер обкусал их вдоль и поперек. Стоило надеть перчатки.

– Где Август? – поинтересовался Роббин, и я приметила, что мужчина был одет по-легкому: в шерстяную тунику, сливающуюся с цветом его пористых волос и гривой его коня. Он явно озябнет, если следующий день выдастся таким же, как этот.

– Собирает припасы. Скоро он выйдет, и мы заберемся на Рейджи.

– Почем нам припасы? – хохотнул Роббин, показательно вытягивая прикрепленную к ремню флягу, – глоток рома избавит вас от голода и холода. А все остальное по необходимости можно найти в лесах и водоемах. Съедобным мясом

наша земля не обделена.

– Если будем постоянно отвлекаться на охоту, то доберемся в Селледо через месяц, – отозвался Августин, идущий из поместья с двумя увесистыми мешками. Он подвязывал их к седлу, пока я думала о том, что Рейджи будет в тягость нести нас обоих с таким грузом.

– Сынок, я столько времени бороздил по суше и морю, что научился выживать без еды и воды сутками напролет, питаясь солнцем и сильным духом, – посмеялся Роббин, делая мелкий глоток из фляги.

– Я разделяю этот талант, как Избиратель, – ухмыльнулся Августин и покосился на меня, – а вот Лея привыкла к добросовестному рациону.

– Хочешь сказать, что я люблю налегать на еду? – вскинув брови спросила я, и мужчины засмеялись.

– К счастью не настолько, как Роланд, – ответил Августин и протянул мне руку, чтобы помочь взобраться в седло. Я горделиво вздернула подбородок и обошлась без его помощи, кинув напоследок, что раз уж я заядлый едок, то он меня не поднимет. Когда я уселась верхом, Август взял мои ладони и принялся натягивать на них перчатки из кожи.

– Что ты делаешь? – спросила я, пускай все и так было очевидно.

– Не хочу, чтоб твои руки отвалились от холода, – кратко бросил тот и взобрался следом.

Мы скакали галопом к выезду, поражаясь, как туману уда-

ется поглощать не только очертания домов, но и всякие звуки; то-ли было слишком рано для пробуждения жителей, то-ли они испугались внезапных холодов настолько, что спрятались в хижинах в ожидании потепления. Я держалась за Августина, осматриваясь по сторонам, открыв рот: бледный круг солнца едва пробивался сквозь серую занавесу, а дорога впереди и по бокам наглухо в ней увязла. Еще вчера туман не был таким вязким, а сегодня он во всю хозяйничает на столичной земле. При короле Георге в Лире поменялось многое, и происходило много дотоле немыслимого – но как при нем могла измениться погода? Еще месяц подобных дней, и люди начнут верить в то, что сам Бог прогоняет его с трона. Приходилось объезжать южные окраины, где строились крепости; рабочие всегда недовольно гаркали на тех, кто смел к ним приближаться, оттого наш путь был еще более долгим. Мы стремились к выезду, ведущему к Тольфуту, и вдруг, проскакав мимо крохотных ферм, мы заметили силуэты двух всадников. Они были таким же размытыми, как очертания мельниц, что больше походили на монстров, скрывающихся в одеяле тумана. Но чем ближе были всадники, тем больше мы могли разглядеть – и явнее всего увидели белую форму. Я вцепилась в Августа крепче, поняв, что к нам навстречу двигаются Избиратели. Они могли узнать Августина – нет, они точно его узнают – и тогда у них появятся вопросы, почему он покидает столицу без формы.

– Етить того, – пробормотал Роббин, спешив коня. Авгу-

стин сделал то же самое. Всадники сбавляли скорость, чтобы не влететь в нас.

– Август? – голос Роланда выдал его быстрее, чем нам показалось его лицо. Его сопровождала девчонка, заметно моложе нас всех. Такая же русоголовая, как Роланд, и с таким же каменным лицом, как у Лизы.

– Роланд, что вы с Мирой тут забыли? – спросил Августин, и юноша нахмурился.

– Выполняли срочное поручение. Один Пламенный бежал из знатного дома, стоящего в Золотом квартале. Говорят, его видели в пути на юг, – Роланд осмотрел меня и Августа, презренно сощурившись, – а вы куда скачете? – он осознал, что Август одет в обычный теплый жилет, и белого цвета на нем вовсе нет, – ты… не при исполнении?

– Я направляюсь на юг, – сдержанно ответил Август, и я поняла, что он остерегается Роланда. Он мог доложить Галлиону, что Августин покинул столицу без белого плаща, и это обязательно ему аукнется.

– Зачем? – спросил Роланд, посматривая на меня. Может он не был таким же внимательным, как Джуллиан, и не обладал сильным умом, но он мог разглядеть в наших словах ложь, если Август соизволит соврать.

– Я думал, лидеры не отвечают на дотошные вопросы своих подчиненных, – вдруг заявил Августин, и теперь нахмурилась я. Какой лидер? Что я пропустила?

– Ты ведь не за Пламенными едешь, да? – грустно улыб-

нувшись спросил Роланд, и я услышала, как скрипнули кожаные поводья, когда Августин сжал их в ладонях.

– Не за Пламенными, – отрезал тот, и Роланд поджал губы. Девочка по имени Мира бегала взглядом от Августа до Роланда, явно не понимая, что происходит.

– Я…, – сказал Роланд и прочистил горло, – я доложу Галлиону, что ты на задании, – он поднял свои карамельные глаза, и тогда стало ясно, что юноша собирается нас прикрыть от ненужного внимания со стороны предводителя, – скажу, что ты отправился на поиски Пламенных на восток. Он не узнает, что ты на юге. Обещаю.

–… Спасибо, – кратко ответил Августин и дернул поводья. Роланд успел окатить меня потеплевшим взглядом, сопроводив его улыбкой и легким кивком. А после они поскакали мимо нас, сделав вид, что этой встречи и не было. Мы с Августом и Роббином продолжили путь и устремились вперед, сохраняя молчание. Пускай Августин молчал, я чувствовала его облегчение. Уверена, на его губах расползлась скромная улыбка, но все, что я видела – его черный затылок.

Когда небо прояснилось, а туман постепенно развеялся, солнце перевалило за середину. Мы скакали часов пять без остановки, и все, что нас окружало – разноцветные заросли лиственных лесов, песчаные проблески и каменистые утесы. Роббин говорил, что мы не должны сворачивать до того, как покажется первая деревня, название которой Теплые Дали. Но до нее скакать еще не меньше суток. Август заявил, что в

ближайшее время остановки сделаны не будут. На небе пролетела стая птиц, и их размашистые крылья бросили на нас бледные тени. Я подняла голову к ним, и подумала о том, как чудно уметь летать. Лучше бы вместо пламени Бог даровал мне крылья. С ними в любом случае жизнь дается проще. Мой желудок громко урчал к моменту, когда небо пожелтело. Закат расцвел – шел двенадцатый час нашего долгого пути. Я хотела попросить остановиться, чтобы перебиться галетой и яблоком, но стеснялась – Август разгонял Рейджи неотступно, и думаю, предложение взять передых его не устроит. Конечно, Избирателю со стажем выносливости не занимать, но у меня уже знатно затекла спина, а живот прилип к позвоночнику, и если мы проскачем еще пару часов, я свалюсь на землю. Я смотрела на Роббина и видела, что ему тоже в тягость сидеть верхом, но мужчина не хотел жаловаться. Он успевал глотать ром из фляги, и после янтарных капель взгляд его прояснялся, а усталость снимало рукой. Порой он разгонялся вперед со звонкими кличем, словно приглашая в гонку, и Август примыкал к нему, заливаясь смехом. Мне одной, видно, было не до веселья; когда Рейджи набирал скорость, мое ослабевшее тело едва не сносил ветер. И только к ночи Августин позволил разбить нам лагерь, чтобы перекусить и дать передышку скакунам. Мы прибились к узкой речушке, протекающей между лесными горбами и делящей одну землю надвое. Ее устье стекало к Бесславному морю, но его берега были от нас далековато, и только со-

лоноватый запашок ненавязчиво забирался в нос. Река была мелководной, и к нашей же удаче, ее не придется переплывать; вода не доходила даже до седла.

Песочный конь лакал реку, попутно успевая щипать траву. Августин стоял рядом с Рейджи, поглаживая его гриву и скармливая ему яблоко. Я одним взмахом разожгла небольшой костер, чтобы он огрел нас теплом, которого не хватало этой звездной ночью.

– Хочешь? – протянул мне флягу Роббин, а когда я отказалась, он пожал плечами и допил ром. Потрясся флягу горлышком вниз, он с огорчением приметил, что его сладкий нектар кончился.

– Времени на сон нет, – сказал Август на подходе к нам, – как только вы утолите голод, мы поскачем дальше.

– И когда, командир, вы соизволите дать нам возможность похрапеть? – спросил Роббин, разлегшись на траве у костра.

– Думаю, когда мы пересечем деревню Теплые Дали. Вблизи Тольфута можно будет взять передышку, – Августин осел у костра и посмотрел на Роббина с усмешкой, – а, что, капитан корабля уже выдохся?

– Я тя умоляю, – хохотнул Роббин, отмахнувшись, – однажды мы с Харви пробыли трое суток под пеклом на корабле, окруженном пиратами. Нас покачивали грозные волны, а жара стояла такая, что мы чуть не расплавились. И глаза сомкнуть не могли, пока вокруг плавали чертовы пираты. Здесь, хотя бы, нет врагов под кормой и солнце не палит в

глаза. Так что от меня жалоб ты не дождешься.

– Харви, должно быть, на войне будет проще, имея такой опыт, – робко улыбнулась я в надежде, что мои слова никак не заденут Роббина. Не хотелось напоминать ему, что его сын на войне. И все же взгляд его сделался печальнее, пускай он и старался улыбаться.

– Я за сына не переживаю. Он у меня хоть и смазливый балабол, но толк в море знает, – Роббин усмехнулся, покачав головой, – вот ведь засранец. Первее отца на войну уплыл. Будет ему, что старику своему рассказать.

– Все еще думаешь, что Эфирит обречен на проигрыш? – вдруг спросил Августин, опустив взгляд на огонь, – вы с Харви частенько упоминали, что флот Эфирита не выстоит.

– В этих размышлениях был смысл, когда мы полагали, что не дадим войне начаться. Теперь она началась и длится уже более месяца. Все, что нам остается, это верить в таких, как мой сын, и молиться за них, – Роббин погрустнел еще заметнее и больше не улыбался. Видимо, он до сих пор не может поверить в преимущество Эфирита; в нем оставалась только вера в лучшее, не подкрепленная ничем, кроме надежды.

– Лиза рядом с Харви. Я верю в них, – тихо сказала я, и Роббин усмехнулся.

– Эта дамочка точно не даст моему оболтусу помереть.

– Еще с ними Джуллиан, – напряженным голосом добавил Августин, сжимая ладонь в кулак, – как бы я не ненавидел

его, все равно признаю, что боец он отличный. Если забыть о его легкомысленности, можно сказать, что и стратег из него неплохой.

– Ну так и генерал Фросс не промах, – развел руками Роббин, – но он – та еще паскуда. К нашему же несчастью, будущее королевства сейчас зависит от этих паскуд.

– Почему ты не любишь генерала, Роббин? – спросила я, и тот пожал плечами.

–Война на севере убила в нем человека. Он верен долгу и короне, но его преданность черна, как ночь. В ней он забыл о милосердии и сострадании, которых порой не хватает в нашем черством мире.

– Ты знал Фросса настолько хорошо? – подняв бровь спросил Августин, но Роббин явно не хотел вдаваться в подробности.

– Я знал хорошо всех, – кратко ответил тот, и на этом разговор окончился. У Грейгов и впрямь было много знакомств, но когда они успевали их находить, все еще для меня загадка.

Невзирая на мглу, прохладу и непроходимые заросли, мы скакали к деревне, чудом не теряясь в ночи. Так мы пробыли в пути до рассвета, но и с приходом солнца ничто не изменилось – мы все еще сидели верхом, ускоряясь каждую вторую милю. Только к новому вечеру мы достигли деревни, и лишь к глубокой ночи ее пересекли. Деревня Теплые Дали казалась уютной: здесь разжигали жаровни размером с таз, не позволяя темноте мылить глаза. Домики построены

как из камня, так и из дерева, и стояли они четкими рядами, а не наобум. Вспаханные поля окружали деревню, как озера, а загоны со скотом выглядели опрятнее, чем в столице. Я видела небольшую Солнечную церковь и разветвленные улочки рынка, видела, как уходит ввысь на пригорку черноземная почва с пробивающимися сквозь зелеными ростками. Над деревней не стояло пасмурное небо, и густые туманы не скрывали дома в своих объятиях. Люди представлялись мне дружелюбными и улыбчивыми, даже несмотря на то, что никто, очевидно, не любит незнакомцев. Августин проезжал деревню, свесив голову, и старался не смотреть в чужие лица. Он бегло упомянул, что бывал здесь недавно, а его поход в деревню окончился похищением Пламенной. Поэтому он предчувствовал, что те, кто его запомнили, добра ему не желали.

Ночью, когда деревня была позади, мы позволили себе передышку на сон. Разбили небольшой лагерь, скинув с коней мешки, и улеглись под звездным небосводом у костра, который я повторно развела для нас. Не подстилок, не мягких перин, не простыней – только голая земля могла приютить наши затекшие спины. И, не тратив времени на разговоры, мы легли спать. Август утвердил, что мы встанем на рассвете с первыми лучами зари, поэтому каждая минута сна была для нас благодатью.

Все заснули моментально, устав после долгой дороги, и сон наш был крепок. Я спала так сладко, что не видела снов,

и никакие шорохи не пробуждали меня. Однако много подозрительных звуков доносилось до наших ушей. Мы ворочались, но внимания на них никто не обращал; но я открыла веки внезапно, когда услышала чей-то рев. Резко подорвавшись с места, я не успела опомниться, как почувствовала тонкую грань кинжала у своего горла. Некто закрыл мой рот, а я смотрела, как незнакомец держит поржавевший меч над грудью Августина.

– Ты, тварь, забравшая мою дочь, – брызжа слюной говорил пузатый мужчина, пока Август держал его руки, не давая острию пройти сквозь грудную клетку. Роббина держат двое бородатых мужчин, угрожая кинжалом также, как мне, – думал, я забуду тебя? Я дал клятву Богу, что, если ты еще раз покажешься в наших краях, я отправлю тебя на солнце, проклятый Избиратель!

– Нападение на Избирателя всегда окончится твоей смертью, даже если Избиратель спит, – процедил Август и оттолкнул его от себя так, что мужик попятился назад, но меча не выронил. Краем глаза я видела, как Роббин въехал макушкой по лицу незнакомца, что держал его, и разбил ему нос. Грейг вступил в рукопашный бой с двумя мужчинами, и бил их своими кулаками так, словно оружие ему вовсе не нужно. Одного он повалил на спину, а второго взял за воротник и принялся кромсать его лицо костяшками сжатого кулака. Мужчина, что держал меня, намеревался вскрыть мне горло, когда заметил, как его дружков избивают; но, прежде чем

его рука дернулась, я пустила огонь на его кисть, и он выронил кинжал. Пока незнакомец дрыгался, пытаясь потушить пламя, я схватила его за волосы и послала искры на его голову. Роббин добил первого, а после взял его клинок и всадил во второго. Августин успел достать меч и весьма быстро обезоружил нападавшего. Тот свалился на зад, уползая от острия, направленного к его шее.

– Я пощадил тебя в тот день, – проговорил Августин сердитым тоном, пока мужчина смотрел на него злыми глазами, – но ты посмел броситься на меня, даже несмотря на мой благородный поступок.

– И я бы поступал так снова и снова, дабы отомстить за свою дочь, – прошипел тот. Мужчина, которого я подожгла, свалился на землю почерневшим куском плоти. Еще пара трупов лежали возле Роббина, и Грейг тяжело дышал, отряхивая кулак. Отец Пламенной осмотрел своих павших товарищей, и его губы незаметно дрогнули.

– Ты убьешь его? – тихо спросила я, наблюдая, как вздымаются плечи Августа от шумных вздохов. Он стоял напротив мужчины, но не спешил вонзать меч в его сердце.

– Убью, – сквозь стиснутые зубы ответил Августин и замахнулся; незнакомец закрыл глаза, тараторя молитву одними губами, прежде чем умереть. Мы с Роббином стояли за спиной Августа, свесив головы в ожидании, когда он оборвет ему жизнь. Но вдруг, пока Августин поднимал меч, в его плечо прилетела стрела. Он не выронил рукоять и лишь

громко ругнулся, ощутив острую боль. Обернувшись назад я увидела, как стрелок, стоявший в нескольких ярдах, принялся бежать; он подстрелил Августина и рассчитывал скрыться. Может, он даже посмел надеяться, что убьет Избирателя. Август отвлекся лишь на секунду, но успел перерезать горло отцу Пламенной; пока он разбирался с торчащей из спины стрелой, я уже бежала за тем незнакомцем, кто пустил ее. Мои ступни заискрились, позволяя разогнаться быстрее лошади, и когда я подобралась к его силуэту настолько, что чуть не наступила на пятки, приказала пламени наброситься на его тело. Красно-желтые сгустки припали к его спине и затылку, и мужчина взвыл, падая в землю пластом. Тело его задрыгалось, кожа запузырилась, и я добила стрелка, вытащив свой меч. Лезвие вошло в его лопатку, и тогда незнакомец затих. Огонь облачился в дым, и он мигом потух, как свеча. Оставив его труп тлеть, я поспешила к Августину; он к тому моменту уже снимал жилет и рубаху под ним, чтобы промыть рану. Стрела валялась рядом, а ее металлический наконечник покрылся его багрянцем.

– Ты как, сынок? – обеспокоено проговорил Роббин, опустившись перед ним на колени. Августин поливал плечо из фляги, и кровь из раны розовела, смешиваясь с водой. Бледно-красные дорожки струились по его спине водопадом.

– Жить буду, – равнодушно ответил он, доставая из мешка перевязки. Я подошла к нему, выхватывая лоскут ткани из его рук.

– Августин, повернись ко мне спиной, – потребовала я, опускаясь рядом с ним на корточки.

– Лея, я и сам могу справиться с жалкой царапиной, – усмехнулся тот, но я была неотступной. Костер хоть и грел нас, но осенняя ночь была слишком прохладной, чтобы сидеть с открытым верхом; удивительно, как Августин еще не продрог.

– Повернись, – снова потребовала я, и парень нехотя послушался. Он назвал рану жалкой царапиной, но мой язык не поворачивался назвать эту дыру подобным словом. Черно-красная, глубокая рана зияла под тусклым светом костра, и выглядела так болезненно, что у меня ослабли колени. Еще и этот шрам, оставленный моим огнем однажды, бросался в глаза.

– Нам нужно будет исцелить тебя Пламенным даром, – неспокойным голосом сказала я, но Августин отмахнулся.

– Что там исцелять? – пустяково бросил он, – бывало и хуже.

Я промывала рану, корчась, и накладывала ткань, чтобы остановить кровь. Если запустить это дело, рано или поздно опасный недуг проберется к нему в тело. Нужно менять повязку часто, чтобы он не умер от заражения.

– Зря я ром выпил, – проговорил Роббин, наблюдая за нами, – он бы перебил любую заразу, которая может попасть в кровь. Эх, до чего полезный нектар… исцеляет и тело, и душу.

– Мы должны найти Пламенных в Тольфуте. Или лекарей, – тараторила я, видя, как ткань намокает красным, – как скоро мы доберемся до города?

– Если двинемся в путь сейчас, то уже к завтрашнему вечеру, – ответил Август, надевая рубашку и жилет сверху.

– Сейчас? Тебе нужно отдохнуть, – сказала я, пока тот поднимался на ноги. Мои слова ничуть не убедили Августина.

– Все в порядке, Лея, – упрямо повторял он, – садись в седло.

– Давай я буду вести Рейджи, – я обогнала парня, чтобы сесть в седло спереди, – тебе не стоит напрягать руку.

– Боги, Лея, я переживал удары града стрел, наверное я как-нибудь справлюсь с одной, – недовольно ворчал он, – тем более, что она вошла не так глубоко, чтоб поднимать панику.

Я посмотрела на Роббина, надеясь, что он поможет мне облагоразумить Августина, но тот лишь поджал губы и прогудел что-то невнятное. Он пошел к своему коню, а я села сзади Августина, и мы двинулись дальше, оставив позади себя трупы. Пока мы добирались до Тольфута, солнце успело прокатиться с востока на запад и скрыться за высокими глыбами утесов. В пути Август старался не показывать того, как рана неприятно отзывается зудом и жжением, но я замечала, что он дергал плечом и изредка щупал его пальцами. Кровь не останавливалась, и когда я трогала его жилет, чувствовала влагу. Красные пятна оставались на моих подушечках, и

я сдерживалась, чтобы не принудить Августа остановиться и повторно перевязаться.

Тольфут оказался больше, чем я себе представляла. Он простирался на широкой равнине от начала оранжевых холмистых бугров до берега Бесславного моря, на котором стояла обширная гавань. Мы заходили через высокую арку, изгибающуюся белым камнем над белыми колоннами; высота их чуть ли не превосходила высоту столичного дворца. Слева слышны крики корабельщиков и постукивание молотков; я видела, как строится большое судно, и как другое старательно очищают от отходов, водорослей и сгнивших досок. Чайки летали над парусами и визжали так, что перебивали голоса людей. Чем ближе мы были к центру, тем больше встречались белокаменные дома в три этажа, такие же, как в столице. Здесь тоже стояла раскидистая Солнечная церковь, я насчитала не меньше трех золотых куполов – казалось, в этом городе Солнечному Богу поклоняются с бóльшим усердием, чем в Лире. Я никогда не видела других городов, и потому сейчас не могу побороть своего восхищения. Новые, пускай мало чем отличающиеся от столичных, улочки, приковали мое внимание. Я ахнула, увидев замок, откуда правил наместник города: замок был таким же белым, как дома в центре, но не таким большим, как дворец короля. Сверху развился городской герб – золотые перекрещенные якоря. Мы шли через аллею статуй, чьи лики принадлежали древним Солнечным жрецам; отсюда виднелась лишь верхушка зам-

ка лорда. Его башни были острые, как стрелы, а стены чистые, как озерная вода. Но, казалось, Тольфут поразил только меня; Роббин и Август осматривались без интереса, да и голову держали прямо, не отвлекаясь от курса. Плитка под копытами коней напоминала фреску, ее сложили разноцветными камнями: сиреневыми, красными, желтыми и голубыми. Главная дорога, идущая через город, специально выделялась, чтобы путники не терялись на улицах. Конец разноцветной дороги вел к выезду, где начинались небольшие деревни, а за ними и Селледо.

– Остановимся в трактире, – сказал вдруг Августин, когда мы подъехали к двухэтажной постройке. Снаружи стоял рядок лошадей, а с другой стороны, под широким навесом, рядились круглые столики. Мы отдали местному смотрителю за скакунами коней, а сами прошли вглубь через двустворчатые распахнутые двери. Внутри трактир был таким же, как трактиры в столице; и я имею в виду приличные заведения, а не те, что ютятся на Неказистом переулке. Людей здесь немного, гораздо больше из них предпочитали обедать снаружи.

– Я так полагаю, ром здесь не подают, – ненавязчиво пролепетал Роббин, осматривая массивные бочки с элем за продолговатой стойкой.

– Хоть раз в жизни предпочти воду рому, – усмехнулся Августин, но Роббин его предложения не разделял.

Мы уселись на высокие стулья, и Август снял с тела жи-

лет. На серой рубашке краснело пятно, и без жилета заметить его можно невооруженным глазом. Понимаю, что, если опять начну просить Августина промыть рану и перевязать, он будет возмущаться, поэтому просто молчу, стараясь не глазеть на его плечо. Мы едва не разлеглись на стойке; все были уставшим, сонными и голодными, но не скрывала того только я. Роббин, на всякий случай, поинтересовался, подают ли здесь ром, но получил в ответ неловкое «нет» от хозяина заведения. Грейг приуныл и согласился на кружку эля, но без того же восторга, с каким он открывает обычно бутыль.

– Это самая дрянная часть путешествия, – проворчал он, когда перед ним поставили кружку.

– На трезвую голову тебе не живется? – вновь поддел его Август, и Роббин закатил глаза.

Мне принесли рыбную похлебку – знаменитое блюдо в морских городах. Августин решил обойтись миской пшенной каши с куском хлеба. Обедать мне давалось тяжело из-за вида кровоточащего плеча. Мы ели в тишине, пока каждый думал о своем, но молчание прервал незнакомец, вставший рядом с Августом. Мужчина был невысоким, щуплым, со светлыми тонкими волосами на ровном черепе. В меру смуглый, как многие, живущие в Тольфуте, но с заметно обгоревшими щеками.

– Августин… Ты ли это, мальчик мой? – проговорил мужчина, и Август замер, прежде чем медленно повернуть к

нему голову. Мы с Роббином переглянулись, и я поняла, что он тоже не имеет понятия, кто к нам подошел.

– Дядя Ро́ман? – обомлел Августин, отложив ложку в сторону. На губах мужчины дрогнула улыбка, а глаза покрылись стеклом.

– Боги, как ты вымахал, – ахнул тот, рассматривая Августа, – сколько же лет прошло с тех пор, как я видел тебя?

– Не меньше десяти, дядя, – прохрипел Августин и сглотнул. Чувствовалось, что его аппетит пропал с приходом Романа. Роман заметил кровавый след на его плече и насупился. Он шагнул ближе, внимательно разглядывая выпирающие перевязки, что смочились в красном насквозь.

– Я бы хотел расспросить тебя о многом, но вижу, что тебе нужна помощь, – суетливо проговорил мужчина, и как бы Август не пытался отнекиваться и перед ним, Роман настоял на том, чтобы помочь ему с раной, – в этом трактире я снял комнату на время. Пойдем вместе с твоими друзьями наверх. Я помогу тебе.

Почему-то Августин послушался его, хотя со мной таким покладистым не был. Мы оставили еду и пошли следом за мужчиной. Пока мы топали к комнате, Август быстро проговорил мне на ухо, что незнакомец приходится отцом Джуллиану, и я чуть не споткнулась о ступеньку, услышав его слова. В отличии от Джуллиана, Роман был скромным, робким и одет без броской роскоши – в обычную тунику, накрытую темно-зеленым плащом. Внешне они тоже были разными, а

схожесть сохранялась только в светлых волосах. Глаза Романа были карими, ничем не похожими на изумруды глаз Джуллиана, и телом он выглядел гораздо мельче его. Комнатушка, куда мы зашли, вмещала маленькую односпальную кровать и небольшой столик, заставленный щипцами, нитками, колбами и тазом воды с тряпьем.

– Прошу прощения за не царский прием, – неловко посмеялся Роман, – я живу тут пару дней. Хозяин трактира заплатил мне, чтобы я подлечил его друзей, пострадавших после пьяной потасовки.

– Это чудо, встретиться с вами так неожиданно, дядя Роман, – тихо ответил Августин, и мужчина резво закивал.

– И правда удивительно, – он посмотрел на нас и снова улыбнулся дрожащим губами, – тут совсем нет мест, где я бы мог расположить вас, друзья Августина.

– Не волнуйся, старый, на ногах стоим уверенно, – отмахнулся Роббин, прислонившись спиной к стене. Я встала рядом, наблюдая, как Августин избавляется от рубашки и садится на кровать.

– Ну, Августин, рассказывай, как дела у твоего отца, – сказал Роман, присев возле парня. Он обмыл руки в тазе с водой, прежде чем копошиться в его ране.

– У отца все хорошо. Видный сенатор, как и в былые времена, – ответил Август и шикнул, когда Роман надавил на его плечо.

– Я не сомневался, что господин Хорват станет великим,

– улыбнулся Роман, – он всегда был мудрым и добрым человеком. Безмерно жаль, что судьба разбросала нас по разным городам, – Роман взял чистую тряпку и принялся убирать лишнюю кровь, – а как твои дела, Августин? Я запомнил тебя веселым мальчишкой, который говорил все, что взбредет в голову, – я вскинула брови на лоб в удивлении. Неужели Августин не всегда был тучным и молчаливым? – помню, что ты без устали носился по дому отца, как ужаленный.

– Годы изменили меня, – ответил Августин и сжал челюсти, когда Роман смочил рану непонятной жижой с кислым запашком. По-моему, так пахнет уксус, – сейчас я куда спокойнее, чем в юности.

– Того от тебя требовал долг Избирателя, – качнул головой Роман, – а как ты оказался здесь, в Тольфуте?

– Держу путь в Селледо.

– Далековато от столицы забрался. Едешь без белой формы, неужто не за Пламенным отправился в такую даль?

– Нет. Мне нужно попасть к лорду Келли, – Роман задумчиво надул губы, не отрывая глаз от раны. Еще несколько раз он промыл ее уксусом, из-за чего Августин потерял все краски с лица. Думаю, он не хотел, чтобы мы лезли к его болячке, потому что он боится лечения.

– Ты бы не добрался до лорда, оставив рану в таком состоянии, – пробормотал Роман, – со дня на день ее бы поглотила зараза. Как же Солнечный Бог вовремя свел нас, Августин, – пытка окончилась, как только Роман убрал тряпку, смочен-

ную в уксусе. Вместо нее он вязал свежие перевязки и стал накладывать их на плечо, – зашивать не придется. Срастется само по себе.

– Рад слышать, – выдохнул Август с облегчением.

– Не стоит разгуливать в этой рубашке. На ней грязная старая кровь, и она станет проводником для недуга. Я дам тебе другую, – засуетился мужчина и подошел к невысокой тумбе, откуда достал чистую, плотную рубаху изо льна. Странно видеть, что некто, носящий фамилию Пирс, обладает такой чуткостью. Джуллиан не родился таким же добрым человеком, как его отец – это не может не поразить. Пока Августин одевался, Роман сидел рядом и перебирал пальцы. Было видно, что он хочет спросить что-то еще, но не может выдавить из себя и слова. Его глаза погрустнели, и он смотрел то на меня, то на Роббина, то на Августа. Вздохнув, он наконец соизволил задать вопрос:

– Августин… как там мой сынок? – робко спросил он, опустив глаза в пол. Август замялся. Он застегнул все пуговицы и встал, пытаясь подобрать более мягкие выражения для ответа.

– Джуллиан… он был лидером нашего отряда много лет. Ваш сын вырос хорошим бойцом. Ум и находчивость никогда не подводили его, – с трудом говорил Августин, делая небольшие перерывы меж слов. Роман улыбался, кивая головой.

– Мой сын пошел точно не в меня, – сказал тот, а я лишь

проговорила про себя «жаль».

– Когда началась война с Роксинбургом, он отправился покорять вражеские крепости, – продолжил Августин, и Роман поднял на него стеклянные глаза.

– Вот как…, – тихо промямлил он, вытирая веки рукавом, – мой сын воистину храбр. Я буду молиться о его здравии, – он замолчал, сглатывая слюну, и снова утер намокшие ресницы, – жаль, что я так и не смог стать ему отцом, кем он мог гордиться. Но я рад, что он попал в вашу семью, Августин, – Роман улыбнулся через силу, – благодаря вам он сможет стать хорошим человеком. Прошу, не оставляйте его, как это сделал я когда-то.

Августин кивнул, но предпочел не рассказывать, каким вырос Джуллиан на самом деле. Как и о том, что более между ними дружбы нет. Я с беспокойством смотрела на пульсирующие скулы парня, понимая, что слушать Романа ему дается с трудом. А как бы отреагировал сам Роман, узнав, за какие идеи борется его сын? Что-то мне подсказывает, он не одобрил бы его взгляды. Разочаровывать старика Августин никак не хотел, поэтому, поблагодарив его, он направился к выходу.

– Дядя Роман, – сказал вдруг Августин и вытащил пару серебряников из кармана, – за вашу помощь, – он оставил их на тумбе, и мужчина похлопал ресницами, таращась на монеты в изумлении.

– Нет-нет, Августин, не стоит. Я не могу принять их, –

тут же начал противиться Роман, но Август лишь улыбнулся, прежде чем выйти за порог. Мы с Роббином пошли следом.

Не став задерживаться в трактире, мы спустились к коням и, оседлав их, направились к уезду. Через несколько дней мы прибыли в Селледо.

***

Берега Лучистой Гавани казались Джуллиану необъятным. Они не кончались на горизонте, и каменная стена, не меньше ста футов величиной, обрывалась так далеко, что ее конца отсюда не видать. На этой стене еще месяц назад восседал гарнизон Роксинбурга, но теперь камень обвешан пурпурными знаменами Эфирита, а на башнях толпятся его воины. Лучистую Гавань взяли месяц назад, но удерживали с трудом, как доложил Джуллиану один из командиров, кто встретил его на подходе к крепости.

– Нам повезло, что враг переправил солдат на море, – говорил немолодой мужчина с наголо седыми волосами. Он был снаряжен в доспехи, а на поясе красовалась рукоять с головкой в виде солнца. Один из рыцарей, отправленных на Роксинбург месяц назад, носящий имя Ригон Хайт, – они думали, что будет лучше отрезать берег от подмоги, но не ожидали, что их флотилия будет разбита. Это позволило нам удержать крепость.

– Маловато воинов они выделили для охраны берега, –

хмыкнул Джуллиан, подозревая, что им стоит поджидать еще одно войско. Не может же Роксинбург так просто отказаться от всей линии?

– Мы готовы сберечь Лучистую Гавань от новой осады с вашей помощью, – они шли через наземный мост, ведущий во внутреннее пространство крепости. Массивные цитадели окружали их, как спящие гиганты, и даже дозорные башни меркли на их фоне. Камень стерся и покрылся царапинами, копотью, засохшей кровью, но оставался могучим, привлекательным. Несколько дворов скрепляли узкие проходы; на нижних уровнях сохранились кузницы, которые Эфиритские воины возвращали к жизни, как и многие мастерские. Солдаты разбили лагерь, а те, кому удалось уцелеть, теснились в огромном бастионе. На высших этажах торчали резные балконы, что предавали военной крепости особого шарма. Джуллиану уже хотелось увидеть покои, которые он займет до тех пор, пока не будет приказа двигаться дальше.

– Лайла, не отставай, где ты там плетешься? – вдоволь насладившись видами, Джуллиан вдруг вспомнил о Пламенной, которую к концу путешествия на море нарек подобием женщины-консорт. Он потребовал, чтобы она впредь всюду его сопровождала, и желательно поддакивала всему, что он говорит. Обернувшись, он увидел, как Лайла проходит высокую арку, задрав голову. Она с открытым ртом рассматривала высоченные стены и острые шпили башен, натыканных на каждом углу. Внутри крепость больше походила на малень-

кий город, защищенный со всех сторон; тут можно найти и часовни, кухни, конюшни и даже террасы, вид которых открывался на бушующие волны.

– Прошу прощения, господин, – ответила ему девушка, подбежав ближе, как послушная собачка. Джуллиан осмотрел ее внешний вид и остался недовольным; платье запачкано кровью и сухими разводами его семени, волосы грязные и лохматые, а кожа потемнела серыми пятнами.

– Как только мы расположимся поудобнее, немедленно приведи себя в порядок, – приказал тот, и Лайла кивнула.

– Как скажете, господин.

– Я попрошу портных сшить тебе подобающий наряд, – он обвел пальцем ее платье и скорчился, – а это лучше сжечь.

– Как вам угодно, сир Джуллиан, – ответила девушка, опустив голову. Парень расплылся в улыбке, вкушая ее покорность с особым удовольствием. Он бы с радостью погладил ее, но его рука не поднималась лечь на ее сальную голову, поэтому он развернулся и пошел дальше.

Сир Ригон Хайт провожал Джуллиана меж дворов и полей, где стояли палатки. Проходы на стенах, соединяющие башни, битком забились солдатами, высматривающих нежданных гостей. Внизу на ступенях и под потолками арок Джуллиан заметил трясущихся бедолаг, сидящих на голой земле в оковах. Он остановился, рассматривая дюжину лиц, замаравшихся в пыли и пепле.

– Кто они? – спросил он, привлекая внимание мужчины.

– Пленники, сир, – кратко ответил Ригон, – они послужат нам кухарями, конюхами, уборщиками и прочей прислугой.

– Замечательно, – довольно улыбнулся Джуллиан и последовал дальше. В целом, думает он, крепость мало чем отличается от дивных условий его столичного поместья. Разве что цветов и садов не хватает.

Они вышли к зданию, нелепо втиснутого на голом куске земли. За ним шла арка, ведущая к порту, уставленному кораблями. Джуллиан остановился перед постройкой из красного камня и нахмурился, разглядывая невзрачные двери из темного дуба и мелкие колонны возле них. Дом тянулся вверх стройным бронзовым шпилем.

– Что это за недоразумение? – спросил он у сира Ригона. Вокруг дома немного народу, да и вовсе здесь не было, на что смотреть.

– Это храм Змеиной Матери, богине, которой поклоняются на этом берегу, – сказал мужчина, осматривая храм с не меньшим презрением, чем Джуллиан, – она – символ хитрости, коварства и жестокой расправы. Вы слышали о том, что Роксинбург изобилует бесчисленными видами ядов? На их земле растет много отравы. Они верят, что Змеиная Матерь усеяла ею почву, чтобы они могли защищать ее владения.

– Яд – орудие слабых, – ухмыльнулся Джуллиан, – сильным нужна лишь сталь.

– В ремесле, связанном с отравой, красные люди преуспели настолько, что даже их сталь ядовита, и бьет больнее, чем

вся прочая.

– Яд не помог им удержать Лучистую Гавань, – фыркнул Джуллиан, – их Богиня-змея слаба перед солнцем и огнем.

– Ваша правда, сир Джуллиан.

– Как только мы возьмем весь берег, эти храмы нужно будет снести и передать красные камни королю Ашаю, – бросил тот и развернулся, чтобы уйти обратно. Он собирался взобраться на стену, чтобы лицезреть виды другой стороны. Ригон и Лайла продолжали идти за ним следом, разглядывая колыхающиеся знамена Эфирита. Когда-то они покрывали крепость, пока не были сброшены врагом – и вот снова пурпурная ткань радует глаз. Баллисты громыхали, когда солдаты двигали их по периметру, готовясь к обороне, и Джуллиан восхищенными взглядом обводил каждую махину, стоящую на стене. Он уже представлял, как полетят сотни камней на головы вражеского войска, подходящего с северной от берега стороны.

– Расскажите мне что-нибудь еще об их обычаях, – вдруг попросил он, пока они неспешно шагали к проходу в цитадель.

– Выходцы семей почетных воинов подставляют шеи под клыки кобры. Принято считать, что те, кто не умирают от яда, благословлены Змеиной Матерью на победы, – недолго подумав ответил Ригон, и они зашли в холл. Здесь повсюду голый камень, не укрытый не коврами, не картинами, не гобеленами, а оконные отверстия были без решеток и штор.

Коридоры и лестницы вели в другие корпуса и извивались бесконечными туннелями, что снизу, что сверху, как будто они попали в серый лабиринт.

– И как же они выживали, впитав яд кобры в кровь? – поинтересовался Джуллиан, поднимая голову к конусному потолку, придерживаемому деревянными балками. Они вступили на лестницу, чтобы продолжить путь к верхнему ярусу, где были выходы на стену.

– Роксинбург умело создает яд, но также умело от него исцеляется. У них сильные антидоты, способные очистить кровь до последней капли. Если те, кто приняли клыки кобры, успевали добраться до противоядия и не умереть, их считали достойным воинами. Многие дворяне вовсе с детства привыкают к яду, упиваясь им, как водой, – Джуллиан усмехнулся, вспомнив смерть короля Воранда. Этому добряку стоило увлекаться подобными причудами, чтобы не умереть от руки Кая.

– Когда вы успели столько узнать об их культуре, сир Ригон? – спросил Джуллиан и проверил, что Пламенная от него не отстает.

– В дни, когда мы переплывали Бесславное море, у меня было много свободного времени, чтобы узнать быт своего врага. Когда мы осадили и заняли Лучистую Гавань, у меня появилась возможность поговорить с пленниками, кто вырос в этом государстве, – они поднимались по узкой лестнице, виляющей вдоль башни, конец которой упирался в малый

проход наружу.

– И как вам удавалось понимать их язык? Его вы тоже выучили во время плавания?

– Нет, сир Джуллиан. Те, кто родился и вырос при Лучистой Гавани, владеют Эфиритским. Вам важно это знать, если вы захотите побеседовать с пленниками.

Они наконец взобрались наверх, и Джуллиану открылся вид на просторную зеленую равнину. Выжженная на пекле трава покрылась ржавыми пятнами, и они становились ярче из-за горячего заката. Усеянное травой поле приютило на себе военный лагерь тысячи солдат, кто не поместился в крепости, и тех, кто не имел возможности посягать на личные покои. Равнину обрамляли голые хребты, невысокие, но с заостренными неровным верхушками, напоминающие обломки мечей. Меж холмов шла широкая тропа, ведущая к первым городам и деревням. Возможно, по этой тропе однажды к ним нагрянут красные войска.

– Эта земля видела немало сражений много лет назад, – сказал Ригон, что также любовался желто-зеленым покровом и продолговатым хребтом. Сотни, а то и больше сливовых палаток разрастались от крепости до середины, едва не прибиваясь к изножью холмов. Рыцари, воины, молодые солдаты – многие разжигали костер, на которых грелись котелки с едой, другие возились с мечами и копьями или же мастерили стрелы.

– И увидит еще больше вскоре, – ответил ему Джуллиан,

улыбаясь одним концом губ. Он прикрыл веки, делая долгий и глубокий вздох, пытаясь запомнить застывшую в воздухе безмятежность, которую рано или поздно нарушит столкновение с врагом. Он опирался руками на ограду, чуть ли не обжигаясь о нагретый камень. С одной стороны бирюза моря, с другой стороны – зелень полей. Пейзаж не был завораживающим, но все равно заставлял сердце Джуллиана трепетать.

– Тебе нравится то, что ты видишь, Лайла? – спросил он, поворачиваясь к девушке, которая без интереса осматривая лагерь и дары природы. Чужая земля – все, что думала она, оглядывая бескрайние просторы. Чужая земля не восхищает, как родная.

– Если вам нравится, то и мне, господин, – тихо ответила та, и Джуллиан усмехнулся.

– До чего же милое создание, – равнодушно отозвался тот и покинул стену.

В одной из самых высоких и толстых цитаделей были спальные места для командиров. Здесь же находился крупный зал для переговоров, где совещались генералы, обсуждая, как вести оборону и как распоряжаться провизией. Джуллиан не спешил в этот зал, хотя слышал, что этой ночью там засядут генералы, в том числе и сам Фросс. Джуллиан не был генералом, и тем не менее, указом Алакина, он имел честь присутствовать на совещаниях и стоять в одной линии с достопочтенным полководцами. Он уверен, что они не при-

мут эту весть с пониманием; мужчины, прошедшие войну на севере, не захотят делить хлеб с мальчишкой, что вырос в тепличных условиях мирного десятилетия. Но Джуллиану плевать – пусть терпят меня молча – думал тот и злорадно улыбался.

Он занял одну из самых больших комнат. Здесь был массивный камин, купальня приличных размеров, гостевые кресла и стол, окруженный изящными канделябрами. И – к его большому счастью – громадное окно заделанное свинцовой решеткой. Раньше тут явно проживал обладатель высокого ранга, потому что убранство спальни веяло величием, высоким качеством и роскошью. Даже несмотря на слой пыли и паутины, плотно покрывших каждый уголок комнаты, она сразу понравилась Джуллиану. Нужно всего-то позвать горничных, которые очистят поверхности до блеска и устелют кровать свежими простынями.

– Ты будешь жить со мной в этих покоях, пока мы не двинемся до Золотой Жаровни, – утвердил Джуллиан, повернувшись к Лайле, – спать будешь на диване, – он указал в сторону бархатистой махины, стоящей у окна, – и выходить отсюда сможешь только в моем сопровождении.

– Но… Разве я могу, господин? Пламенным нужно жить подле солдат, чтобы держать их жизнь в здравии, – неуверенно промямлила девушка, держа голову опущенной. Ее ответ Джуллиану крайне не понравился.

– Что я приказал делать тебе, Лайла? – подойдя к ней ближе спросил он, посматривая на Пламенную сверху вниз.

– Сопровождать вас и соглашаться со всем, что вы говорите, господин.

– Значит сопровождай и соглашайся, – выпалил он, окатывая ее пренебрежительным взглядом, – я отправлю в столицу требования прислать еще больше Пламенных, чтобы было, кому присматривать за солдатами. А ты останешься здесь.

– Хорошо, господин, – кивнула Пламенная, и Джуллиан решил простить ее дерзость. Он окинул покои быстрым взглядом, удостоверяясь, что они его устраивают, прежде чем выйти наружу. Пламенную он оставил здесь, напоминая, что ей нужно привести себя в порядок. О новом платье и воде для купальни он позаботится. Довольно глубокая река протекала по левую сторону крепости. Она впадала в Бесславное море и делила землю между Лучистой Гаванью и Золотой Жаровней. Речная вода спасет воинов от обезвоживания и грязи – последнее волновало Джуллиана больше всего. Война не была ему веской причиной ходить вонючим и неопрятным.

Когда он спускался вниз, чтобы выйти во внутренний двор, то встретил генерала Фросса в компании Лизы. Джуллиан сбавил шаг, натягивая почтительную улыбку, посвященную доблестному полководцу. Лицо генерала оставалось сердитым и ничуть не радостным, хотя Джуллиан уверен, что ему от войны не менее приятно, чем ему. Лиза, идущая ря-

дом с мужчиной, выглядела такой же сердитой – когда они оба носят эти недовольные гримасы то становятся до страшного похожими друг на друга.

– Генерал Фросс, какое счастье встретить вас целым и невредимым, – пролепетал Джуллиан, встав напротив, – а я ведь так и не поблагодарил вас за помощь, оказанную во время столкновения моей флотилии с врагом.

– Я не мог не оказать поддержку воинам моего короля, сир Джуллиан, – отчеканил генерал, – я не спасал флотилию. Я спасал Эфирит от проигрыша на море.

– Ваше мужество спасет королевство еще не раз, – льстиво улыбаясь ответил Джуллиан, замечая, как Лиза закатывает глаза, пока отец держит внимание не на ней.

– Я хотел отметить и ваши успехи, сир, – вдруг сказал генерал, удивляя тем самым и Лизу, и Джуллиана. Фросс был не из тех людей, кто склонен к похвале, – ваш рисковый маневр, который вы совершили с кораблем врага, не может остаться без внимания. Вы юны, и все же, храбрости вам не занимать.

– Ох, генерал, вы вгоняете меня в краску, – похихикал Джуллиан, отмахиваясь, но лицо Фросса оставалось непроницаемым и холодным, словно комплименты парню только послышались.

– Сегодня в ночь мы будем ждать вас на военном совете. Нужно обсудить послание в столицу. Необходимую провизию, новых солдат, Пламенных рабов и слуг, – дополнил

Фросс и оставил свою дочь наедине с Джуллианом. Генерал шел к лестнице, чтобы занять свою комнату, а Лиза с его уходом наконец выдохнула полной грудью.

– Кажется, я нравлюсь твоему отцу, – проговорил Джуллиан, встав возле девушки. Его взгляд провожал следы мужчины, – это ведь хороший знак для нашей дружбы, дорогая Лиза?

– Отвали, – грубо отрезала та, вызывая в парне лишь приступ смеха. Лиза не слышала похвалы от отца за то, что она обороняла судно Харви. Ей удалось умертвить больше трех десятков солдат во время кровавого абордажа, но все, что она получила от генерала – равнодушный кивок. Впрочем, подобное отношение отца уже давно не задевает ее сердце. Выжила, и на том спасибо – думала Лиза в момент, как кончилась бойня.

Лиза покинула цитадель и шла к порту, где встали корабли с пурпурным парусами. Моряки сторожили их и приводили в порядок после сражение – где-то надо подлатать бочину, где-то заменить весла или очистить палубу от кровавых луж. Пока над берегом зависла тишь – ожидание следующей схватки – было время позаботиться о суднах. Харви вместе с дюжиной моряков был занят откачкой воды из трюма, пока остальные матросы заколачивали пробоину. Одежда парня промокла насквозь, пока он возился на мели, и Лиза любовалась его атлетичным телом с прилипшей к нему рубашкой. Его тело не было таким же рельефным, как у Августа

или Джуллиана, но, тем не менее, виделось девушке привлекательным. Когда она поймала себя на этой мысли, то ужаснулась; постаралась думать о чем-угодно, только не о изгибах мужской спины. Встрепенувшись, как лошадь от удара плетью, она двинулась к Харви, надеясь, что он не заметил ее двусмысленных взглядов.

– Вы не собираетесь передохнуть? – окликнула она парня, щурясь от яркого заката, что лез под веки.

– Ага, в следующей жизни, – ответил ей Харви, набирая ведро воды и выплескивая его в море.

– Ты же капитан. Почему бы тебе не отвлечься от забот своего экипажа? – хмыкнула Лиза и вдруг почувствовала, что ей не хватает внимания Харви последние сутки. Каким бы надоедливым он не был, но она начала привыкать к его навязчивости и с грустью замечала, когда ее нет.

– Я капитан, поэтому мое место рядом с матросами, – прогудел тот, утирая взмокший от пота лоб, – мой отец научил меня быть капитаном. Он никогда не оставлял свою команду.

– Будешь возиться с кораблями все свободное время? – переминаясь с ноги на ногу спросила Лиза, нервозно прикусывая губу.

– На корабле от меня пользы больше, чем где-либо, – улыбнулся Харви и наконец повернул к ней голову. Его глаза болотистого цвета при уходящем солнце сияли, как два чистых малахита.

– Капитан Грейг, вы совсем не понимаете намеков! – от-

шутился Уилл, стоящий у побитой мачты. Он подошел на обочину корабля, закинув на нее одну ногу, и с ехидной улыбочкой наблюдал за разговором двух нерешительных бедолаг. Лиза, услышав его слова, густо покраснела и опустила глаза к ботинкам.

– А я смотрю, ты разбираешься в намеках больше, чем в мачтах, Уилл, – проговорил Харви, подняв к нему голову, – лучше работай руками, а не языком, дурачок!

– Как скажете, капитан, только не нойте в мою жилетку потом! – хохотнул Уилл, и Харви зачерпнул воды в ведро, чтобы окатить ею парня, но тот уже сбежал подальше от борта, звонко хохоча.

– Ты что-то хотела, Лиза? – отдышавшись спросил Харви, вспомнив о девушке, и та в неловкости поджала губы. А зачем я вообще сюда пришла?

– Просто гуляю, – выдавила из себя она, надеясь, что это не прозвучало слишком глупо, – что, мне нужно твое разрешение, чтобы гулять здесь? – погрубевшим тоном продолжила та и тут же прикусила язык, пожалев о своей неуместной резкости. По-другому она не умела, благодаря отцу. Показывать мягкость она боялась больше, чем смерти. Выдохнув, Лиза развернулась, поняв, что Харви, должно быть, опешил от ее внезапного хамства. Она хотела испариться с порта и больше никогда не попадаться ему на глаза, но Харви догнал ее, взяв за руку.

– Постой, – выпалил он, и сам не придумал, что говорить

дальше, —… Хочешь, выпьем сидра в моей каюте? – Лиза проморгала, смотря на смуглые пальцы, обхватившие ее ладонь. Ее взгляд смягчился, а на губах появилось подобие улыбки.

– Хочу, – тихо ответила та, и Харви повел ее к судну.

Корабль, которым руководил Харви, был более уцелевшим в сравнении с другими.

Лиза не могла побороть странное чувство неловкости, пока шла за спиной капитана и таращилась на его русый затылок и короткий русый хвостик. Шум биения молотков по доскам и крики моряков отошли на задний план, пока она шла вперед под грузными тенями нависших пурпурных парусов. Каюта и путь к ней был хорошо знаком Лизе, ведь она провела там всю неделю, что судно стояло на море. Было непривычно видеть корабль опустевшим от моряков, и тишина, воцарившаяся на палубах, тоже не была ей знакома. Они спустились к корме, вокруг которой было также безлюдно, как наверху. После долгих странствий по воде моряки предпочитали слоняться по суше вдали от нее.

Лиза присела на койку, где спала все прошлые ночи, и наблюдала, как Харви наливает сидр в деревянную кружку. Яблочная хмельная настойка моментально окутала приятным ароматом ее нос. Харви не так любил сидр, но все же припас пару бочек, зная, что его любит Лиза.

– У тебя будут свои покои в крепости? – спросил Харви,

присев рядом с ней. Девушка сделала глоток, ощущая терпкость, по которой успела заскучать.

– Не знаю, но надеюсь, мы с отцом не будем делить комнату, – ответила она, понимая, что присутствие генерала под боком будет ей невыносимым испытанием. В родовом поместье их комнаты находились на разных этажах, и она молилась, чтобы здесь ситуация не менялась.

– Ты всегда можешь остаться на моем корабле, – тихо сказал тот, и Лиза ухмыльнулась.

– Отец скорее позволит мне спать в палатке с дюжиной солдат, чем в каюте вдали от него. Если он узнает, что я теснилась с тобой во время путешествия по морю, он отрубит нам головы.

– Ты не думала перестать слушаться отца? – спросил Харви, и его вопрос опечалил Лизу. Не подчиняться отцу – вот ее заветная мечта, истинная свобода, о которой она грезила с юности.

– Я не могу не слушаться его, – понуро сказала та, и сама не знала, что останавливает ее от того, чтобы сорваться с его поводка. Это неописуемый страх только от одной мысли пойти наперекор его воле. Ничем не объяснимый. Накажет ее за своеволие? Пускай. Убьет? Еще лучше. Она не боялась последствий, но почему-то не могла решиться на побег.

– Ты не можешь прожить всю жизнь под его надзором, – нахмурился парень, и Лиза горько усмехнулась.

– Я желаю ему мучительной смерти. Только она даст мне

свободу.

– Это вполне возможно, учитывая, что даже самые доблестные генералы порой не могут пережить войну, – проговорил он с робкой улыбкой, – но не приятнее ли будет избавиться от этого рабства, пока он жив? Знать, что ты сама себя спасла, а не его внезапная смерть.

– Это невозможно, – отрезала Лиза и глотнула сидра, – я не могу пойти против него, пока он жив. Не могу нарушить те законы, которые он установил надо мной.

– И что же он запрещает тебе?

– Быть слабой и уязвимой. Любить. Быть любимой. Быть матерью и женой, – Лиза могла перечислять вечность все, что он ей запрещал, – наряжаться. Красоваться. Общаться с мужчинами, – она облокотилась головой о стену и прикрыла веки, – тут проще сказать, чего он не запрещает.

– Это крайне глупые и неразумные запреты. Глупее я не слышал, – усмехнулся Харви, и Лиза пожала плечами.

– Попробуй сказать ему это в лицо. Его ответ тебе не понравится.

– Что из этого ты мечтала нарушить однажды? – спросил он, и Лиза задумалась.

Она так боялась гнева генерала, что не позволяла себе даже мысли о нарушении его запретов. Она не могла сказать, чего хочет от жизни – ей вовсе неведомо, как жить без указа отца.

– Не знаю, – ответила та одними губами, – я просто хочу,

чтоб он сдох. Этого достаточно, а там я разберусь.

– Выпьем за это, – бодрым голосом заявил Харви, и они чокнулись кружками под смешок девушки.

Лиза молча пила сидр, посматривая в окошко на морской горизонт. Волны плавно прибивались к бокам корабля, покачивая его почти невесомо. Блики на воде были такими яркими, что невольно слепили ей взор. Хотелось заснуть прямо здесь, но Лиза боялась, что генерал заметит ее отсутствие и отправится на поиски по всему побережью. А если найдет ее рядом с Харви, то парень отхватит от него даже больнее, чем она.

– Черт…, – прошипела Лиза, облокачиваясь локтями на колени, – я знатно тебя подставляю, веселясь в твоей компании.

– Почему это?

– Потому что отец не оставит тебя в покое, если мы будем околачиваться рядом на его глазах.

– Я не боюсь твоего отца, – хмыкнул Харви, делая глоток сидра. Возможно, хмель так ударил по голове, что выгнал из него страх.

– Зря. Это глупость, а не смелость, – ухмыльнулась девушка, и парень самодовольно вздернул нос.

– Хочешь, я признаюсь генералу, что питаю любовные чувства к его дочери? – вдруг заявил он, и Лиза рассмеялась. Смеялась до тех пор, пока вдруг не осознала слова Харви. Он смотрел в ее лицо без усмешек и забавы – взгляд его был

серьезным, ясным и трезвым. Будто он говорит от чистого сердца, а не потому, что сидр развязал ему язык. Лиза нахмурилась, гадая, чем руководствуется Харви, когда бросается такими смелыми выражениями.

– Ты, что, за пару глотков пьянеешь настолько, что несешь чепуху без разбора? – выпалила та, отодвигаясь от него подальше. От его пристального взора становилось не по себе.

– Нет. Мой разум чист, – сказал тот ровным тоном, и девушка почувствовала, как ее лицо нагрелось сильнее, чем море под летним пеклом.

– Заканчивай бредить, – нервно ответила Лиза и поднялась с койки. Она собиралась покинуть каюту, пока смущение не задушило ее. Нужно подышать и сделать вид, что эти слова никогда не касались ее ушей.

Лиза не успела дойти до двери, как услышала шаги Харви за своей спиной. Он взял ее за руку и развернул, заглядывая в ее глаза с беспокойством.

– Ты противишься только из-за страха перед отцом, – тараторил он, не скрывая волнения в голосе, – я настроен серьезно, Лиза. Мои чувства истинны. С первого взгляда я понял, что моя любовь к тебе неизбежна.

– Замолчи, – сквозь зубы процедила Лиза, жмуря веки, – я не хочу этого слышать.

– Неужели ты не испытываешь того же? Наберись сил для того, чтобы признаться самой себе в своих же чувствах.

– Меня не интересует никакая любовь, Харви. Отпусти

меня, – отрезала девушка, и он, выпустив тяжелый выдох, убрал свою руку. Харви не из тех мужчин, что глухи к просьбам женщин. Если время искренности Лизы еще не настало, он мог ждать до последнего. Он развернулся к ней спиной, уходя подальше, чтобы не тяготить ее своим огорчением. Лиза смотрела в его спину округлившимися глазами, ощущая неприятное покалывание от своего же упрямства.

Я должна уйти. Должна уйти сейчас же.

Повторяла она в своих мыслях, надеясь, что эти слова образумят ее, но ноги не двигались. Она стояла у дверей, держа ладонь на ручке.

Если не уйду сейчас, все закончится плохо.

Вновь напомнила себе та, но сердце отказывалось ее слушать. Харви заметил ее метания и не мог тому не удивиться. Он смотрел на Лизу через плечо, гадая, что же она предпримет дальше. И вдруг, сама того не ожидая, Лиза устремилась к нему. Собрав в себе всю решимость, она прижалась к Харви, обвив его руками. Капитан по-настоящему опешил – еще никогда он не чувствовал, как от волнения перед женщиной его валит с ног.

– Поцелуй меня, – дрожащим от страха голосом потребовала Лиза, не ведая, откуда в ней столько смелости, – я хочу пойти наперекор отцу. Хочу позволить себе быть искренней в своих желаниях, – неприятный ком застрял в горле, из-за чего она говорила с трудом, – я… я хочу почувствовать себя любимой.

– Ты уверена? – тихо спросил Харви, кладя ладони на ее щеки, – ты не должна соглашаться на близость только назло отцу, – он сам нервничал не меньше Лизы, и они стояли, едва не трясясь, – я не хочу, чтобы наш поцелуй произошел лишь из-за твоей ненависти к генералу.

– Я хочу этого не только ради него, – промямлила Лиза, посматривая на губы Харви, – давай же, пока я не передумала и не сбежала отсюда.

Харви потянулся к ней, касаясь губами ее губ. Для девушки целоваться было в новинку, поэтому она двигалась ему навстречу неумело, что не могло не позабавить. Он опустил руки на ее талию, и Лизу пробило на дрожь. Еще никогда ее сердце так не стучало по ребрам. Было страшно, но с тем, незнакомое желание пылало внизу живота. Их поцелуй был робким и невинным, но Лиза чувствовала, что готова на большее. Каждая подобная мысль проходила через ее отрицание, попытку сбежать и спрятаться, и только спустя долгие метания она испытывала смирение. Ее пальцы зарылись к нему в волосы, притягивая ближе к себе, но Харви внезапно отстранился.

– Лучше остановиться на этом, – неловко улыбаясь сказал он, и Лиза нахмурила брови.

– Я… настолько плоха в поцелуях?

– Нет, Лиза, – посмеявшись с ее вопроса ответил парень, – если мы продолжим, то…

– Я хочу этого, – упрямилась та, – если уж и решаться на

поцелуй, то не нужно робеть и перед всем остальным.

– Даже в такой чуткий момент ты остаешься твердой, как скала, – хохотнул Харви, но замолк, когда девушка сама утянула его в поцелуй. Она схватила его за воротник рубахи и так дернула на себя, что Харви чуть не свалился на пол. Ее силе позавидовал бы каждый второй матрос на моем корабле, думал он и улыбался сквозь поцелуй. Парень поднял ее на руки и положил на койку, нависнув сверху. Он расстегивал пуговицы ее рубашки, слушая сбитое дыхание. Лиза выглядела так, будто ее разложили на смертном одре и возвели над головой топор.

– Ты точно готова? – вновь обеспокоился Харви, и Лиза закусила губу.

– Харви, еще один вопрос, и я передумаю, – заявила та, и сама протянула пальцы к его пуговицам. Пульс отдавал в ушах, кровь бурлила, и ей казалось, что она потеряет сознание от переизбытка чувств. Касания Харви мягкие и нежные; к такому Лиза не привыкла и даже не могла представить, что прикосновения могут быть настолько приятными. Обычно, если кто-то трогал ее, то это обязательно было больно. Она чувствовала чьи-то руки на себе только во время боя или тренировки, и разумеется, касания всегда сопровождались ударами. Раньше от чужих рук у нее оставались синяки, а теперь – легкий трепет и желание вкусить большего. Они оголились, и тогда Лиза почувствовала, как от его толчка разрывается девственное лоно. Харви был предельно осторожным.

Он двигался медленно, давая ей привыкнуть, и Лиза терпела боль стойко, сжав зубы. Одновременно радует и печалит, что она встречает болевые ощущения, как родные. Харви не может унять грусти, видя, что Лиза не позволяет себе пожаловаться даже сейчас. Первый раз всегда неприятный, и кровь, пущенная на простыни, неизбежна, но девушка правдоподобно делает вид, что ее это нисколько не тревожит.

А после боль исчезла. Нежность и терпение Харви позволили Лизе расслабиться, и спустя несколько минут она уже сама двигалась ему навстречу, также неумело, как целовалась. Его губы проходились вдоль ее грудей, не оставляя нетронутым ни одного дюйма бледной кожи. Впервые Лиза призналась себе честно – быть желанной в его руках ценнее, чем все, что навязывал ей генерал.

Глава 6

Сенаторы перебирались из ратуши лениво, некультурно опуская зевки в лица встречных господ. О надлежащем поведении и нормах приличия они позабыли и вспоминать не желали – завал работы, упавший на их плечи, оправдывал и смятые камзолы, и бледные винные пятна на животах, и зевание. Королевство находилось на грани кризиса уже на второй месяц войны, и все из-за того, что театр боевых действий сосредоточен на море. Провизия нужна была не только воинам на берегу, но и тем, кто плывет на кораблях. Судна строились ежеминутно, и корабельщикам приходилось ночевать, а то и жить на флотах, не вылезая оттуда даже по естественной нужде. Помимо провизии воины нуждались в хорошей стали: оружие, кольчуги, доспехи, щиты. Добротный металл и стоящие кузницы цвели в северных городах, а то, что удавалось добыть на юге и востоке, не годилось даже в подметки тому чуду, что создавали северяне. Поэтому сенаторам приходилось делать серьезные заказы и платить караванам за перевоз всего, что делается руками жителей севера. Война, как некстати, выпадает на зиму, когда стоит острый вопрос о пропитании и тепле. Может, югу зима не так страшна, но Правящий Сенат был вынужден размышлять об участи востока, где почва не была такой же плодородной, как здесь, и о севере, которому требовалось больше меха. Прой-

дет несколько недель, и зимняя пора настанет, а вместе с ней и уйма проблем, натиск которых сенаторы сдерживают из последних сил. Каким бы подонком не был Алакин, но его ум пригодился им; многие неудобства он разрешал, щелкнув пальцами. Этим он еще больше нравился людям при дворе, и даже Баул Хорват не мог спорить с ними насчет полезности и трудолюбия советника.

Король Георг ожидал прихода сенаторов в совещательной зале: под рукой, как всегда, уже вился Алакин, докладывающий вести с фронта. Это утро снова выдалось пасмурным, и потому Георг не слушал советника, а таращился в окно на тяжелые, почти черные облака. Если бы не туман, что упрямо не хотел покидать город, тучи выглядели бы чернее угля.

– Это плохой знак, – вдруг сказал Георг, не отрываясь от пейзажа. Алакин прервался, задумавшись над словами короля.

– Вы о чем, ваше величество? – неловко улыбаясь спросил он, посматривая по тому направлению, куда устремлены глаза Георга.

– Погода. Такая погода – это плохой знак, – повторил он, и Алакин нахмурился.

– Несомненно, ваша власть безусловна, но, увы, природа не может ей подчиняться. Так почем здесь грустить? – Георг потер кольцо, отворачиваясь от окна. Последние дни его душе было крайне неспокойно.

– Лира оставалась солнечной даже в середине зимы. Зима

еще на настала, а погода уже вынуждает нас кутаться в дублеты.

– В этом нет вашей вины, король. Многие вещи мы просто не в силах изменить.

– Солнечный Бог даровал много солнца Лире. Если он скрывает его за тучами, значит мы не заслуживаем его благословения, – выдохнул Георг, запуская руку в волосы, – ты и без меня прекрасно понимаешь эти знаки.

– Я с вами не согласен, ваше величество, – покачал головой Алакин, – погода непредсказуема. Тепло сменяется холодом, дождь сменяется снегом, и этот круговорот нельзя рассматривать, как знак свыше. То, что раньше столица купалась в солнечных лучах при любой поре, еще не значит, что так будет во веки веков.

– Ты всегда знаешь, как успокоить меня, – улыбнулся Георг, но его улыбка выглядела замученной. Мгновением позже к ним вошли сенаторы – четверо, без сенатора Эриксон. К удивлению самого Алакина, отсутствовала не безответственная младшая, а старшая. Баул Хорват уселся на стул и чудился советнику еще более мрачным, чем обычно. Другие сенаторы оставались просто вымотанными.

– Как обстоят дела с отправкой людей и провизии на другой берег? – тут же поинтересовался король Георг, когда все расположились поудобнее.

– Пятью галерами мы направили тысячи восточных воинов, десять Пламенных, сто мешков зерна, тридцать ящиков

мяса разного вида весом не меньше двадцати стоунов каждый. Сыры, мед, фрукты также были отправлены, – отчитался Баул Хорват, и король кивнул.

– Что насчет запасов на зиму?

– Стадо коз, свиней и коров были отправлены в Норквиль и Ровель пару дней назад, – ответил Уолтер, почесывая усы, – также были обеспечены лорды вдоль всего Рудного Пролива.

– Югу необходимо больше дерева для строительства кораблей, и мы отправили им столичные запасы, – продолжил Обер Оллинс, и единственной, кто молчала, оставалась Тиана. Она сложила голову на ладонь и слушала сенаторов со скучающим лицом. Алакин ждал, что она тоже что-то добавит, но Тиана открывала рот лишь для зевка.

– Нужно больше добротных рук для Тольфута и Селледо. В следующий раз займитесь поиском рабочих, – приказал Алакин, не сводя глаз с Тианы. Он подошел к месту у стола напротив нее и навис над ним, – Тиана, может ты захочешь порадовать нашего короля своими успехами?

Все взгляды перешли на женщину. Ее бесполезность, казалось, не надоедает никому, кроме Алакина, но если он будет всякий раз подмечать ее нежелание выполнять обязанности, избавиться от ворчания в свою сторону будет тяжелее. Тиана поднялась со стула, загадочно улыбаясь. Баул наблюдал за ней, прищурившись; дурное предчувствие взяло его тело в тиски. Он следил за тем, как она плавно ходит от одной стены к другой, сложив руки за спиной.

– Мне помнится, вы все еще озадачены мятежом, устроенном пару месяцев назад, – заговорила Тиана, и король переглянулся с Алакином, – вы ищите предателей повсюду и присматриваетесь к каждой подозрительной служанке.

– Я лично расследую дело о причастности к восстанию, – отозвался советник, пытаясь понять, к чему может привести речь Тианы. Баул Хорват чуть ли не побелел, услышав ее слова. Он осознал, что женщина собирается сдать Аглаю – старшая предвидела это много дней назад.

– Вы расследуете не столь усердно, советник, – усмехнулась она, – я здесь преуспела гораздо больше.

– Ну так не тяните, сенатор Тиана, – фальшиво улыбаясь говорил Алакин, задетый ее попыткой усомниться в его способностях. Будет еще какая-то развратная пьяница указывать мне на мои косяки – думал он, пока Тиана смотрела на него, не скрывая насмехательства.

– Сенатор Аглая Эриксон тесно связана с мятежниками, и я совершенно в этом уверена, – заявила женщина, и король Георг так дернул кольцо, что оно скатилось на пол. Сенаторы запыхтели, отодвигая шивороты, а Алакин не знал, как реагировать на ее обвинение. Обвинить Аглаю – это серьезный шаг, имеющий последствия. Усомниться в преданности старшей Эриксон горазд далеко не каждый.

– Чем вы можете обосновать свое обвинение, сенатор Тиана? – спросил Баул Хорват холодным голосом, в котором презрения было больше, чем интереса. Алакин опешил на-

столько, что с его губ слетела улыбка. Уолтер и Обер Оллинс выпучили глаза на Тиану, будто она выпалила чудовищную ересь.

– Моя сестра задолго до восстания пыталась спрятать меня от мятежников. Сенатор Уолтер и сенатор Обер Оллинс могут подтвердить, что встретили меня в катакомбах еще до нападения Дарлина на дворец, – сенаторы встряхнулись, когда король и советник начали прожигать их допытанными взглядами. С них стекло три ручья пота, пока они пытались подобрать слова.

– Э-это правда, мой король, – заскрипел Уолтер, утирая лоб карманной тряпочкой, – мы застали Тиану внизу. Она была в катакомбах еще до нашего прихода.

– У вас есть еще какие-то доказательства, сенатор Тиана? – продолжал давить Баул, чем не мог не привлечь внимание советника.

– У моей сестры были причины встать на сторону мятежников. Восставшие не желали воевать против Роксинбурга. В этом королевстве, как вы знаете, живет единственная дочь Аглаи, поэтому моей сестре вступление в войну было невыгодным решением, – Алакин выдохнул полной грудью, а король Георг уронил голову на руки. Только этого ему не хватало – предательства от человека, близкого к короне.

– А… Где сейчас находится Аглая Эриксон? – вдруг осведомился советник, вспомнив, что ее нет на совещании. Стул, где она сидела обычно, пустовал. Это не могло не укрепить

подозрения.

– Видно сбежала, когда поняла, что я схватила ее за хвост, – довольно ухмыльнулась Тиана, и король подорвался с места.

– Направьте двадцать гвардейцев в ратушу и еще двадцать разошлите по столице и ближайшим деревням, – сердито говорил Георг, покрасневший с ног до головы от злости, – изменников и предателей ждет одна участь, и это смерть.

– Разумеется, мой король, – поклонился Алакин, а сам не мог до конца осознать, что тихая и невзрачная Аглая была замешана в столь грязном деле. Баул Хорват прикрыл веки, молясь, чтобы Эриксон успела уехать как можно дальше от столицы. Если король потребовал ее голову, он получит ее. Аглая умна, и у нее явно был план; об этом он думал, когда вспоминал ночь в поместье сына. Тогда она собрала их, чтобы намекнуть о своем побеге. Оставалось молиться, что ей и правда удалось скрыться.

Сенаторов прогнали из совещательной залы мгновенно. Королю требовалось время, чтобы смириться с потерей столь важного человека. Все же пользы от Аглаи всегда было больше, чем бед. Алакин оставил его: он шел следом за Тианой, и как только остальные сенаторы скрылись за поворотом, он остановил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.